

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORICAL SCIENCES

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

1

2017

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Заместитель главного редактора** МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Ответственный секретарь** МАЛЮГИН О. И. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by
- Белецкий С. В.** Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
- Бон Т.** Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
- Бондаренко К. М.** Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
- Бородкин Л. И.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Бригадин П. И.** Государственный институт управления и социальных технологий Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Бабищевич А. Н.** Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
- Виддер Э.** Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Карла Эберхарда, Тюбинген, Германия.
- Егорейченко А. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Жеребцов И. Л.** Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
- Забавский Н. М.** Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
- Карпов С. П.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Карпюк С. Г.** Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
- Коваленя А. А.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Кодин Е. В.** Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.
- Колесник В. Ф.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Коришук В. К.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Космач В. А.** Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
- Костюк М. П.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Кошелев В. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

- Кудрявцева Т. В.** Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.
- Лавринович Д. С.** Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
- Ларин М. В.** Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
- Линднер Р.** Констанцкий университет, Констанц, Германия.
- Локотко А. И.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Марзалюк И. А.** Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Матяш И. Б.** Высший совет юстиции, Киев, Украина.
- Мезга Н. Н.** Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
- Микнис Р.** Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
- Нечухрин А. Н.** Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Новаковски В.** Институт археологии Варшавского университета, Варшава, Польша.
- Новогродский Т. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Пилипенко М. Ф.** Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Прохоров А. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Рок Б.** Вроцлавский университет, Вроцлав, Польша.
- Сальков А. П.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Ставнюк В. В.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Терпиловский Р. В.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Федосик В. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Фэн Ш.** Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
- Харийс Т.** Латвийский университет, Рига, Латвия.
- Ходин С. Н.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шадурский В. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шиндлинг А.** Институт истории Нового времени Тюбингенского университета им. Карла Эберхарда, Тюбинген, Германия.
- Шмигель М.** Университет Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия.
- Шумейко М. Ф.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Яновский О. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЯНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	МАЛЮГІН А. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by
Бялецкі С. В.	Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Бандарэнка К. М.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Брыгадзін П. І.	Дзяржаўны інстытут кіравання і сацыяльных тэхналогій Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Карла Эберхарда, Цюбінген, Германія.
Егарэйчанка А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктыв'юкар, Рэспубліка Комі.
Забайскі М. М.	Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Кодзін Я. У.	Смаленскі дзяржаўны ўніверсітэт, Смаленск, Расія.
Калеснік В. Ф.	Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
Коришук У. К.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Касцюк М. П.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Кудраўцава Т. У.	Расійскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя А. І. Герцэна, Санкт-Пецярбург, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.

- Ларын М. В.** Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
- Лінднер Р.** Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
- Лакотка А. І.** Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Марзальюк І. А.** Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
- Мацяш І. Б.** Вышэйшы савет юстыцыі, Кіеў, Украіна.
- Мязга М. М.** Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
- Мікніс Р.** Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
- Нячухрын А. М.** Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
- Навакоўскі В.** Інстытут археалогіі Варшаўскага ўніверсітэта, Варшава, Польшча.
- Навагродскі Т. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Піліпенка М. Ф.** Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Прохараў А. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Рок Б.** Уроцлаўскі ўніверсітэт, Уроцлаў, Польшча.
- Салькоў А. П.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Стаўнюк В. У.** Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
- Церпілоўскі Р. У.** Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
- Фядосік В. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Фэн Ш.** Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагагічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
- Харыйс Т.** Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
- Ходзін С. М.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Шадурскі В. Г.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Шындлінг А.** Інстытут гісторыі Новага часу Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Карла Эберхарда, Цюбінген, Германія.
- Шмігель М.** Універсітэт Мацея Бела, Банска Быстрыца, Славакія.
- Шумейка М. Ф.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Яноўскі А. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KOHANOVSKY A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	MALIUGIN O. I. , PhD (history), docent; associate professor at the department of Ancient and Medieval history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: maliugin@bsu.by
-
Beletsky S. V.	Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Bondarenko K. M.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Bryhadzin P. I.	State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute of the Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Yegoreichenko A. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.
Zabausky N. M.	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Kodin E. V.	Smolensk State University, Smolensk, Russia.
Kolesnyk V. F.	Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Korshuk V. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kostyuk M. P.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kudryavtseva T. V.	Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia.
Lavrinovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

- Marzaluk I. A.** House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Matyash I. B.** High Council of Justice, Kyiv, Ukraine.
- Miazga M. M.** Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
- Miknys R.** Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
- Nechukhrin A. N.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
- Nowakowski W.** Institute of Archaeology of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
- Nowogrodski T. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Pilipenko M. F.** Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Prokhorov A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Rok B.** University of Wroclaw, Wroclaw, Poland.
- Salkov A. P.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Stavnyuk V. V.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
- Terpilovsky R. V.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
- Fedosik V. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Feng S.** School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
- Harijs T.** University of Latvia, Riga, Latvia.
- Khodzin S. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Shadurski V. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Schindling A.** Institute of the Early Modern History of the Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
- Šmigel M.** Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
- Shumeiko M. F.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Yanouski A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ОТ РЕДАКЦИИ EDITORIAL

Вы держите в руках первый номер обновленного издания «Журнал Белорусского государственного университета. История».

Публикационная активность в БГУ имеет давние традиции. Наш университет был создан в далеком 1919 г. и стал первым учреждением высшего образования классического типа на территории современной Беларуси. Осенью 1921 г. начались занятия, а уже в 1922 г. вышел в свет первый выпуск сборника «Труды БГУ», на страницах которого видное место занимали исследования ученых-историков, работавших в университете. В 1930–60-х гг. историческая тематика присутствовала и на страницах издания «Ученые записки БГУ».

«Журнал Белорусского государственного университета. История» является правопреемником журнала «Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права», который издавался с 1969 г. На протяжении 47 лет в нем публиковались материалы исследований ученых-историков из БГУ и их коллег из белорусских, советских и зарубежных университетов и академических центров.

С 2017 г. БГУ начинает новый этап в своей издательской политике. Мы чтим традиции, созданные основоположниками университета и видными белорусскими историками В. И. Пичетой, В. М. Игнатовским, Н. М. Никольским, В. Н. Перцевым и многими другими.

В то же время мы открыты для современных тенденций исторической науки, и этот номер – тому подтверждение. Редакция журнала будет стремиться освещать важнейшие проблемы отечественной и всемирной истории, информировать научное сообщество и широкий круг читателей о новых результатах и достижениях исторических исследований.

Редакция издания «Журнал Белорусского государственного университета. История» в своей деятельности придерживается международных стандартов, разработанных Комитетом по этике научных публикаций (*The Committee on Publication Ethics*), и учитывает опыт авторитетных международных журналов и издательств. Мы сделаем все необходимое для соблюдения этих норм как в собственной деятельности, так и во взаимоотношениях со всеми

участниками научного публикационного процесса: авторами, рецензентами, редакторами, распространителями и читателями.

Редакционная коллегия и редакционный совет издания «Журнал Белорусского государственного университета. История» будут рады получить от авторов оригинальные научные статьи по всем областям исторических знаний – истории Беларуси, всемирной истории, археологии, этнографии, источниковедению, историографии, а также по вопросам архивоведения и музееведения на белорусском, русском и английском языках. Мы приветствуем исследования, посвященные малоизученным или дискуссионным проблемам, выполненные на стыке различных наук и направлений.

В 2017 г. на страницах журнала запланирован ряд тематических рубрик, приуроченных к важным и актуальным датам белорусской и мировой истории. В следующем номере будут опубликованы материалы, посвященные 500-летию белорусского книгопечатания, освещающие многовековую историю белорусской книги. В третий номер журнала включен тематический раздел «1917 год в исторических судьбах Беларуси». В четвертом номере будет освещена деятельность академиков Н. М. Никольского и В. Н. Перцева, стоявших у истоков изучения в Беларуси древней и средневековой истории.

Международная научная жизнь невозможна без обмена информацией, в том числе о проходящих научных конференциях, симпозиумах, круглых столах, вышедших монографиях, поэтому одним из важных направлений публикационной политики журнала станет широкое освещение как событий научной жизни, так и новинок исторической литературы.

Надеемся, что издание «Журнал Белорусского государственного университета. История» займет достойное место в отечественной и мировой исторической науке.

Главный редактор издания
«Журнал Белорусского государственного
университета. История»
доктор исторических наук, профессор
А. Г. Кохановский

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94(476)«18/19»

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (1830-е – начало 1900-х гг.)

О. В. КОРСАК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматривается издательская деятельность статистических комитетов пяти белорусских губерний – Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилёвской. Эксплицируются важнейшие положения законодательной базы, на которой основывалось данное направление работы комитетов. Акцентируется внимание на роли секретарей и членов статистических комитетов в публикации результатов трудов этих ведомств. Представляются основные группы изданий статистических комитетов белорусских губерний, а именно: памятные книжки; обзоры губерний; издания, освещавшие деятельность статистических комитетов (отчеты, журналы заседаний); публикации в неофициальной части губернских газет; нерегулярные издания (сборники, труды, отдельные публикации и брошюры).

Ключевые слова: губернский статистический комитет; Виленская, Витебская, Гродненская, Минская и Могилёвская губернии; издательская деятельность; памятные книжки; обзоры; секретарь губернского статистического комитета.

Образец цитирования:

Корсак О. В. Издательская деятельность статистических комитетов белорусских губерний (1830-е – начало 1900-х гг.) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 9–16.

For citation:

Korsak V. V. Publishing activity of the statistical committees of the Belarusian provinces (the 1830s – the beginning of the 1900s). *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 9–16 (in Russ.).

Автор:

Ольга Валерьевна Корсак – аспирантка кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В. А. Теплова.

Author:

Volha Korsak, postgraduate student at the department of Modern and Contemporary history of Belarus, faculty of history.
nikqa@mail.ru

PUBLISHING ACTIVITY OF THE STATISTICAL COMMITTEES OF THE BELARUSIAN PROVINCES (the 1830s – the beginning of the 1900s)

V. V. KORSAK^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the publishing activity of the statistical committees of five Belarusian provinces (Vilna, Vitebsk, Grodno, Minsk and Mogilev). It is explicated the basic positions of the legislation, which is based on this activity of committees. The attention is focused on the role of secretaries and members of committees at the publication works. Moreover, the article reveals the main groups of publications of the committees of Belarusian provinces. These groups include the memorial books, reviews of provinces, publications, dedicated to the activities of the statistical committees (reports, minute-books), publications in the informal part of the provincial gazette and different irregular publications (collections, works, separate publications and brochures).

Key words: provincial statistical committee; Vilna, Vitebsk, Grodno, Minsk and Mogilev provinces; publishing activity; the memorial books; reviews; secretary of provincial statistical committee.

Введение

В Российской империи в XIX в. были созданы губернские статистические комитеты (ГСК), в поле зрения которых, помимо сбора статистических данных для Министерства внутренних дел (МВД), входило изучение археологии, истории и этнографии в губерниях. Результаты деятельности ГСК публиковались в различных изданиях: обзорах, отчетах, памятных книжках, сборниках, трудах и т. д.

Цель нашей статьи – раскрыть одно из направлений деятельности статистических комитетов белорусских губерний – издательскую работу, показать ее обусловленность личными интересами и инициативностью секретарей и членов ГСК. Задачами исследования являются: экспликация положений законодательной базы, которые регламентировали издательскую деятельность; классификация изданий ГСК; анализ структуры основных публикаций. При написании статьи были применены основные принципы научного исследования (объективность,

историзм и системность) и общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Издательская деятельность статистических комитетов белорусских губерний остается малоизученной темой. Так, в белорусской историографии данная тематика не получила обстоятельного освещения, а представлена лишь отдельными статьями Л. В. Берейшик, И. В. Грядовкиной, В. И. Сайтовой, Т. В. Страмужевской, посвященными таким изданиям ГСК, как памятные книжки. Сотрудники Российской национальной библиотеки А. И. Раздорский и Н. М. Балацкая подготовили полный перечень обзоров и памятных книжек всех губерний, опубликовали ряд статей, характеризующих эти издания. Кроме того, в российской историографии данная проблематика частично затрагивалась в диссертационных исследованиях В. А. Бердинского, Н. А. Селивановой, С. В. Лебедева и статьях И. П. Дятловой, Д. Э. Левина, в которых анализировались отдельные издания различных ГСК.

Основная часть

На раннем этапе существования ГСК их деятельность носила эпизодический характер. Это было связано с тем, что комитеты испытывали трудности материального характера, а также сталкивались с проблемами, связанными с недостаточной активностью их членов, отсутствием у них опыта подобной деятельности. Кроме того, не были четко регламентированы обязанности, возлагаемые на членов ГСК, и направления деятельности комитетов. Первый опыт публикации отдельных изданий белорусские ГСК обрели в середине 1840-х гг., когда стали выходить памятные книжки.

В 1860 г. было издано Положение о губернских и областных статистических комитетах (далее – Положение), которое возлагало на ГСК обязаннос-

ти по подготовке научных трудов, посвященных всестороннему исследованию губерний. Согласно Положению данная задача могла быть реализована посредством публикации статей и обзоров в губернских газетах, издания памятных книжек, отдельных монографий и описаний губерний [1, с. 506].

Все данные для составления и печати изданий поступали в ГСК посредством запросов в различные организации (волостные правления, уездные по крестьянским делам присутствия, учебные заведения и т. д.). Комитеты осуществляли обработку полученных сведений. Отметим, что не всегда информация поступала вовремя и носила достоверный характер. Например, во введении к изданию «Памятная книжка Могилёвской губернии на 1910 г.»

отмечается, что не все учреждения отвечали на запросы о предоставлении данных о служащих, в связи с чем книга вышла позже намеченного срока [2].

Содержание изданий определялось прежде всего личностью секретаря или члена комитета, ответственного за выпуск. Например, в записке о занятиях комитета с момента его основания А. М. Сементовский отмечал, что публикация памятных книжек Витебской губернии хоть и осуществлялась от имени комитета, но была результатом деятельности одного члена – С. К. Садовского [3, л. 16].

Распространялись издания статистических комитетов посредством продажи, распределения по сети учреждений (как в пределах губернии, так и по всей Российской империи) и обмена с учеными обществами, библиотеками, между статистическими комитетами и т. д. Например, 300 экземпляров издания «Памятная книжка Витебской губернии на 1861 г.» для пользования и продажи были разосланы городским думах, городской и земской полиции, а часть тиража отправили в другие губернии. При этом нереализованными оказались 48 единиц [4, л. 1 об.].

Издания ГСК продавались в губернских присутственных местах и типографиях, редакциях региональных газет – губернских ведомостей, а также в губернских и столичных книжных магазинах [5, с. 21].

Отметим, что издания, освещавшие деятельность ГСК (отчеты, протоколы и т. д.), не продавались, а отправлялись в Центральный статистический комитет (ЦСК) и обменивались на аналогичные выпуски других комитетов. Опыт обмена изданиями возник после преобразования комитетов в соответствии с Положением. В 1861 г. Курский статистический комитет предложил обмениваться протоколами между ГСК. Рассмотрение этой инициативы состоялось на заседании Петербургского статистического комитета, на котором было отмечено, что преобразованные комитеты могут продемонстрировать полезные идеи [3, л. 8–8 об.]. Система обмена изданиями окончательно сложилась в 1870–80-х гг. и позволила ГСК сформировать библиотеки, а также использовать опыт других комитетов в своей деятельности [6, с. 186].

Отметим, что из-за недостаточного финансирования ГСК действовала подписка на издания комитетов. Это позволяло определить предполагаемое количество экземпляров и рассчитать бюджет издания. Например, собрание Витебского статистического комитета при обсуждении условий выхода в свет «Памятной книжки Витебской губернии на 1864 г.» решило открыть подписку для того, чтобы определить тираж и избежать лишних расходов на печать. Подпиской в городах занимались уездные полицейские управления, полицеймейстеры и городские главы, а в уездах – мировые посредники, становые приставы, волостные и сельские управления [7, с. 6–7].

Следует отметить, что все издания ГСК можно условно разделить на несколько групп. Так, российский исследователь И. И. Комарова предложила следующую классификацию: 1) издания, отражающие деятельность комитетов (отчеты, протоколы, журналы заседаний и юбилейные издания); 2) обзоры; 3) периодические издания (памятные книжки, записки, сборники, труды); 4) отдельные исторические публикации [8, с. 95–96]. Ученый В. А. Бердинских выделял следующие группы изданий ГСК: 1) отчеты, протоколы, журналы заседаний; 2) обзоры губерний; 3) публикации в неофициальном отделе губернских ведомостей; 4) памятные книжки; 5) научные периодические издания ГСК (сборники, труды, ежегодники, известия, записки); 6) отдельные издания исторических, археологических, этнографических, а также других научных брошюр и книг [6, с. 184–185].

Основной объем среди изданий, выпускаемых статистическими комитетами белорусских губерний, составляли памятные книжки и обзоры. Публикация сборников и трудов носила единичный характер, а ежегодники, записки, известия в белорусских губерниях не выходили. Таким образом, издания белорусских ГСК можно условно разделить на пять групп: 1) памятные книжки; 2) обзоры губерний; 3) издания, освещавшие деятельность ГСК (отчеты, журналы заседаний); 4) публикации в неофициальной части губернских ведомостей; 5) нерегулярные издания (сборники, труды, отдельные публикации и брошюры).

Выпуск памятных книжек Виленской и Минской губерний начался в 1845 г. и продолжался до 1915 и 1916 гг. соответственно. Памятные книжки Гродненской губернии издавались с 1847 по 1915 г., Могилёвской – с 1854 по 1916 г., Витебской – с 1861 по 1914 г.

Памятные книжки содержали сведения справочного, статистического, краеведческого характера. В них были представлены данные о личном составе правительственных и общественных губернских учреждений, административном делении губернии, развитии в ней торговли и ремесел, промышленности и сельского хозяйства, а также географические сведения о крае. Кроме того, памятные книжки включали законодательные материалы, касающиеся губернии, публикации по археологии, истории и этнологии, информацию о количестве жителей в губернии по сословиям и вероисповеданию, сведения об учебных заведениях, аптеках и больницах, библиотеках и книжных лавках на ее территории и т. д.

Структура памятных книжек четко не регламентировалась и определялась главным образом личностью составителя или редактора. В циркулярном письме министра внутренних дел С. С. Ланского от 16 сентября 1859 г. № 170 были представлены требования к содержанию памятных книжек,

носившие рекомендательный характер. В частности, среди желательных элементов изданий назывались следующие: ежегодно собираемые и предоставляемые в ЦСК статистические сведения, данные о численности населения, административном делении губернии, путях и средствах сообщения, податях и повинностях; список лиц, служащих в губернии (адрес-календарь). К этим сведениям могла быть добавлена (не ежегодно) статистическая информация о состоянии земледелия, промышленности, количестве земель, торговле и образовании, а также топографические, исторические исследования, описания городов и разных мест губернии [9, с. 118–119].

Утверждение структуры издания проходило в два этапа: на уровне комитета и в МВД. Первоначально состав издания обсуждался на заседании статистического комитета, где секретарь предлагал разработанную программу, а члены вносили свои предложения по дополнению или исключению различных частей. Утвержденная собранием программа направлялась в министерство. Согласно Положению Комитета министров о порядке цензурования памятных книжек, утвержденного императором Александром II 4 октября 1855 г., программа издания подлежала утверждению министром внутренних дел по согласованию с министром народного просвещения [10, с. 129–130].

Таким образом, все издания проходили цензурную проверку и должны были иметь запись «Печатано с разрешения губернского начальства». Предписание министра внутренних дел от 9 ноября 1860 г. № 146 облегчало прохождение цензуры памятными книжками. В частности, в соответствии с названным документом цензура проводилась не столичными цензурными комитетами, а редакторами неофициальных частей губернских ведомостей [6, с. 190–191] при предварительном рассмотрении программы издания в МВД. После публикации три экземпляра следовало доставить в ЦСК и МВД [11, л. 35].

Отметим, что, несмотря на схожесть структуры, памятные книжки, изданные белорусскими ГСК, имели собственную специфику в разные годы. Особенно это характерно для первых лет их выхода в свет. Например, памятные книжки Витебской губернии 1864–1876 гг., подготовленные А. М. Семеновским, содержали большой объем историко-краеведческих работ. Данная особенность характерна и для памятных книжек Виленской губернии 1850–1854 гг., составленных А. К. Киркором. Первые памятные книжки Гродненской и Минской губерний включали преимущественно статистические данные, а Могилёвской губернии – справочные сведения. Более однотипными по структуре эти издания стали в последней четверти XIX – начале XX в. [12].

Памятные книжки наиболее ярко отражали состояние дел в ГСК. Как отмечалось выше, секретарь или редактор определял структуру и наполнение изданий. В качестве примера можно привести памятные книжки Виленской губернии 1850–1854 гг., редактором и составителем которых был А. К. Киркор. Издания получили положительные рецензии в ряде столичных изданий. Например, рецензент газеты «Северная пчела» Ф. В. Булгарин писал о «Памятной книжке Виленской губернии на 1852 г.» следующее: «Если бы каждая губерния издавала такую книжку, мы имели бы самую верную историю и статистику России!» [13, с. 43]. Российский исследователь Д. Э. Левин на основе анализа ряда рецензий на памятные книжки Виленской губернии сделал вывод о том, что данные издания стали эталоном благодаря широте интересов авторов статей, размещенных в книгах, а также новшествам, применяемым их составителями [13, с. 41–62].

Вторая группа изданий белорусских ГСК представлена обзорами губерний, которые являлись приложениями к отчетам губернаторов.

С образованием ГСК сбор информации для таких отчетов был сосредоточен в комитетах. Первоначально обзоры предоставлялись в рукописном виде. В 1870 г. для большего удобства было разрешено предоставлять их в печатной форме [14, с. 858]. Таким образом, публикация обзоров началась с 1870 г., однако в этот период они выходили не во всех губерниях Российской империи [15, с. 14]. На белорусских землях переход к печатной форме происходил во второй половине 1870-х гг. Так, в 1875 г. впервые был опубликован обзор Минской губернии, в 1878 г. – Виленской, Витебской и Могилёвской губерний, в 1879 г. вышел первый печатный обзор Гродненской губернии.

В 1870 г. была утверждена форма отчета, которая предусматривала его разделение на две части: собственно всеподданнейший отчет, включающий в себя краткую характеристику губернии, и приложение ко всеподданнейшему отчету в виде печатного обзора, включавшего текстовую часть и 8 ведомостей [14, с. 857–864]. Отделение обзора от отчета губернатора произошло в 1897 г. С этого времени обзоры должны были поступать не на личное рассмотрение императора в виде приложения к отчету, а напрямую в министерства, поэтому встречались случаи, когда отчет не предоставлялся, а обзор был издан. Исследователь А. И. Раздорский отмечал, что такая ситуация наблюдалась с обзорами Гродненской губернии за 1898, 1900, 1905, 1909, 1911–1913 гг. [15, с. 19]. Форма отчета, введенная в 1897 г., просуществовала до 1917 г. [16, с. 231].

Обзоры содержали в себе две части: описание состояния губернии по разделам и ведомости. При этом следует отметить, что структура изданий на протяжении их выхода в свет менялась. В целом об-

зоров белорусских губерний включали в себя такие разделы, как «Естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность населения», «Подати и повинности», «Общественное благоустройство и благодеяния», «Народное здравие и общественное призрение», «Народное просвещение», «О ходе крестьянского дела в губернии» (в Минской губернии – «О водворении русского землевладения в губернии»).

В качестве приложения к основному тексту выступали ведомости, которые представляли собой таблицы со статистическими данными о посевах и урожае, фабриках и заводах, окладных сборах, распределении недоимок по городам и уездам, доходах и расходах городов, движении населения, числе и видах преступлений, пожарах и состоянии пожарной части, количестве учреждений образования и учащихся, насильственных и случайных смертях и т. д.

В отличие от работы над памятными книжками составление обзоров входило в круг основных обязанностей членов статистических комитетов, поэтому данные издания публиковались ежегодно и содержали более подробные статистические сведения о состоянии губерний. Кроме того, форма обзоров была строго регламентирована, чего нельзя сказать о памятных книжках, структура которых варьировалась.

Третья группа изданий ГСК включает в себя отчеты, журналы и протоколы заседаний, освещавшие деятельность статистических комитетов. Издания выходили с 1860-х гг. небольшими тиражами (50–100 экземпляров) [8, с. 95] и предназначались для распространения между членами комитета, а также для отправки в ЦСК и ГСК по всей Российской империи.

Журналы и протоколы заседаний ГСК отражали текущую деятельность комитетов: избрание новых членов, обсуждение циркуляров и предписаний, утверждение бюджета, структуры предполагаемых изданий, внесение предложений по улучшению сбора сведений, распределение обязанностей между членами комитетов и т. д. Отчеты о деятельности ГСК содержали данные о работе комитетов за год. Структура отчетов включала такие позиции, как личный состав, денежные средства (с указанием расходов по штатным и сверхштатным суммам), занятия и деятельность членов ГСК (с разделением на обязательные и необязательные работы) за год, информацию о музее и библиотеке комитета. Отчеты Витебского статистического комитета за 1866–1868 гг. также содержат сведения о его изданиях и взаимодействии с различными учеными обществами [17, с. 12–13; 18, с. 11–14; 19, с. 41–44], а отчеты Минского статистического комитета за 1888, 1889, 1896 и 1898 гг. – статистические данные по губернии (о движении населения, количестве вы-

данных торговых свидетельств и т. д.) [20, с. 12–23; 21, с. 6–13; 22, с. 6–16; 23, с. 6–20].

Материалы, освещавшие текущую жизнь статистических комитетов белорусских губерний, содержат ценные сведения об их деятельности и личном составе.

К четвертой группе изданий ГСК относятся публикации в неофициальной части губернских ведомостей. Согласно циркуляру министра внутренних дел от 27 июня 1857 г. № 100 в газете должны были печататься сведения по статистике населения (они использовались городской и уездной полицией), а также постановления ГСК [3, л. 8].

Положение 1860 г. и циркуляр МВД Российской империи от 6 апреля 1861 г. определяли, что в неофициальной части губернских ведомостей должны были печататься протоколы и журналы заседаний ГСК [24, с. 106]. Кроме того, названным циркуляром рекомендовалось возложить редакцию неофициальной части газеты на секретаря ГСК [25, л. 27]. В связи с этим секретарь комитета нередко являлся и редактором неофициальной части губернских ведомостей. Российский исследователь Л. П. Шпак отмечал, что причина данного совмещения кроется не в универсальных достоинствах того или иного лица, а в количественном и качественном составе местной интеллигенции [26, с. 163]. С данным утверждением можно согласиться, так как секретари статистических комитетов белорусских губерний часто совмещали работу по комитету с другой должностью. Редакторами неофициальной части губернских ведомостей являлись В. А. Бензман, В. Н. Биппен, Н. Я. Дубенский, Г. М. Кадьян, Е. А. Лопушинский, А. А. Потехин, А. М. Сементовский, А. А. Симоновский, С. И. Соколов, В. К. Шенберг и др.

В неофициальной части губернских ведомостей белорусские ГСК печатали протоколы и журналы заседаний, материалы статистического и исторического характера, а также информацию, поступающую от различных ученых обществ, о предстоящих выставках и съездах. Например, заседание Витебского статистического комитета 30 июня 1867 г. постановило напечатать в губернской газете программу этнографического отдела Русского географического общества для собирания сведений о народных юридических обычаях [27, л. 18].

Таким образом, неофициальная часть губернских ведомостей являлась отражением историко-краеведческой деятельности ГСК и органом трансляции объявлений и информации о предстоящих выставках, съездах и т. д.

Пятая группа изданий ГСК представлена нерегулярными выпусками сборников, трудов, отдельными публикациями и брошюрами. Их выход в свет полностью зависел от инициативы секретаря и членов комитета, которые являлись авторами

данных работ. Например, подготовкой издания «Сборник в память первого русского статистического съезда» занимался секретарь Витебского статистического комитета А. М. Сементовский, который выступил на съезде с инициативой подготовить подобную публикацию [28].

Отдельные издания белорусских ГСК представлены историко-статистическими очерками, статьями, отражающими научные интересы членов комитета. К их числу относятся «Варкулабавская летопись» Е. Р. Романова [29], «Двинские, или Борисовы, камни» А. П. Сапунова [30], «География Минской губернии» А. П. Смородского [31],

«Краткий очерк Минской губернии в физико-географическом, статистико-экономическом отношении» Ф. Н. Ястрембицкого [32], «Сенненский уезд Могилёвской губернии. Опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношении» К. Т. Аникиевича [33] и т. д.

Кроме того, следует отметить, что в результате выполнения основных работ статистические комитеты белорусских губерний издавали брошюры, включавшие списки населенных мест и землевладельцев губерний, а также различные таблицы со статистическими данными.

Заключение

Таким образом, издательская деятельность статистических комитетов белорусских губерний регламентировалась Положением о губернских и областных статистических комитетах, а также циркулярами МВД и являлась отражением результатов выполненных статистических работ и историко-краеведческих исследований. На качество и специфику изданий влияли такие факторы, как оперативность и достоверность информации, которая поступала в ГСК, финансовые возможности комитетов, а также интересы их секретарей и членов, которые определяли содержание и тематическую

направленность публикаций, в связи с чем издательская деятельность осуществлялась белорусскими ГСК неравномерно. Издания ГСК распространялись путем распределения по сети учреждений, обмена и продажи. Все издания статистических комитетов белорусских губерний можно условно разделить на пять групп: памятные книжки; обзоры губерний; издания, освещавшие деятельность комитетов (отчеты, журналы и протоколы заседаний ГСК); публикации в неофициальной части губернских газет; нерегулярные издания – сборники, труды, отдельные публикации и брошюры.

Библиографические ссылки

1. Высочайше утвержденное Положение о губернских и областных статистических комитетах // Полн. свод законов Рос. империи. СПб., 1862. Т. 35. С. 504–511.
2. От составителя // Памятная книжка Могилёвской губернии на 1910 год. Могилёв, 1910. С. 1–2.
3. Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 2502. Оп. 1. Д. 48.
4. Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 2502. Оп. 1. Д. 25.
5. Левин Д. Э. Памятные книжки губерний и областей в системе книжной культуры дореволюционной России // Памятные книжки губерний и областей Российской империи : в 4 т. СПб., 2002. Т. 1. С. 17–50.
6. Бердинских В. А. Уездные историки и русская провинциальная историография. М., 2003.
7. Открытие Витебского губернского статистического комитета, последовавшее 22 сентября 1863 г., на Высочайше утвержденном, в 26 день декабря 1860 года, основаниях // Витеб. губерн. ведомости. Неофиц. часть. 1863. № 41. С. 1–10.
8. Комарова И. И. Научно-историческая деятельность губернских и областных статистических комитетов // Археограф. ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 85–96.
9. Об издании губернских памятных книжек // Сб. циркуляров и инструкций М-ва внутр. дел за 1858, 1859, 1860 и 1861 гг. СПб., 1873. С. 117–119.
10. Об издании памятных книжек в губерниях // Журн. М-ва внутр. дел. СПб., 1855. № 12. С. 129–130.
11. Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 2502. Оп. 1. Д. 19.
12. Саітава В. І., Страмужэўская Т. В. Памятныя кніжкі беларускіх губерняў: агульная характарыстыка // Памятные книжки белорусских губерний [Электронный ресурс] / Нац. б-ка Беларуси. Электрон., текстовые, графич. дан. и прогр. (10,5 Гб). Минск, 2012. 3 электрон. опт. диска (DVD-ROM).
13. Левин Д. Э. Первые столичные рецензии на памятные книжки Виленской губернии (1852–1854 гг.) // Белорусский сборник. СПб., 1998. С. 41–62.
14. Формы или программы для составления губернаторских отчетов // Полн. свод законов Рос. империи. СПб., 1874. Т. 45. С. 857–864.
15. Раздорский А. И. Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи : свод. кат. СПб., 2011.
16. Дятлова И. П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения : материалы науч. конф. архивистов Ленинграда (Ленинград, 4–6 февр. 1964 г.). Л., 1964. С. 228–231.
17. Отчет о действиях и занятиях Витебского губернского статистического комитета за 1866 год. Минск, 1867.
18. Отчет о действиях и занятиях Витебского губернского статистического комитета за 1867 год. Витебск, 1868.
19. Отчет о действиях и занятиях Витебского губернского статистического комитета за 1868 год. Минск, 1869.

20. Отчет о состоянии и деятельности Минского губернского статистического комитета за 1888 год. Минск, 1889.
21. Отчет о деятельности Минского губернского статистического комитета за 1889 год. Минск, 1890.
22. Отчет о деятельности Минского губернского статистического комитета за 1896 г. Минск, 1900.
23. Отчет о деятельности Минского губернского статистического комитета за 1898 год. Минск, 1900.
24. Журнал Минского губернского статистического комитета // Минские губерн. ведомости. 1864. № 6. С. 102–108.
25. Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 2502. Оп. 1. Д. 784.
26. Шпак Л. П. Роль губернских статистических комитетов в развитии книжного дела в русской провинции (середина 1850-х – начало 1880-х годов) // Книга: исследования и материалы. М., 1986. Вып. 53. С. 160–167.
27. Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 2502. Оп. 1. Д. 126.
28. Сборник в память первого Русского статистического съезда 1870 г. Витебск, 1872. Вып. 1.
29. Романов Е. Р. Варколабовская летопись. Вильно, 1910.
30. Сапунов А. П. Двинские, или Борисовы, камни. Витебск, 1890.
31. Смородский А. П. География Минской губернии. Минск, 1894.
32. Ястремский Ф. Н. Краткий очерк Минской губернии в физико-географическом и статистико-экономическом отношениях : в 2 ч. Минск, 1897. Ч. 1 : Физико-географический очерк Минской губернии.
33. Аникиевич К. Т. Сенненский уезд Могилёвской губернии: опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях. Могилёв, 1907.

References

1. Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o gubernskikh i oblastnykh statisticheskikh komitetakh. *Polnyi svod zakonov Ross. imperii*. Saint Petersburg, 1862. Vol. 35. P. 504–511 (in Russ.).
2. Ot sostavitelya. In: *Pamyatnaya knizhka Mogilevskoi gubernii na 1910 god*. Mogilev, 1910. P. 1–2 (in Russ.).
3. Natl. hist. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 2502. Regist. 1. File. 48 (in Russ.).
4. Natl. hist. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 2502. Regist. 1. File. 25 (in Russ.).
5. Levin D. E. Pamyatnye knizhki gubernii i oblastei v sisteme knizhnoi kul'tury dorevolutsionnoi Rossii. *Pamyatnye knizhki gubernii i oblastei Rossiiskoi imperii*. Saint Petersburg, 2002. Vol. 1. P. 17–50 (in Russ.).
6. Berdinskikh V. A. Uezdnye istoriki i russkaya provintsial'naya istoriografiya. Moscow, 2003 (in Russ.).
7. Otkrytie Vitebskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta, posledovavshee 22 sentyabrya 1863 g., na Vysochaishe utverzhdennykh, v 26 den' dekabrya 1860 goda, osnovaniyakh. *Vitebsk. gubernskie vedom. Neofitsial'naya chast'*. 1863. No. 41. P. 1–10 (in Russ.).
8. Komarova I. I. Nauchno-istoricheskaya deyatel'nost' gubernskikh i oblastnykh statisticheskikh komitetov [Scientific and historical activities of the provincial and regional statistical committees]. *Arkheograficheskii ezhegod*. Moscow, 1987. P. 85–96 (in Russ.).
9. Ob izdanii gubernskikh pamyatnykh knizhek. *Sb. tsirk. i instr. Ministerstva vnutr. del za 1858, 1859, 1860 i 1861 gg.* Saint Petersburg, 1873. P. 117–119 (in Russ.).
10. Ob izdanii pamyatnykh knizhek v guberniyakh. *Zhurn. Ministerstva vnutr. del*. Saint Petersburg, 1855. No. 12. P. 129–130 (in Russ.).
11. Natl. hist. arch. of the Repub. of Belarus. Fund. 2502. Regist. 1. File. 19 (in Russ.).
12. Saitava V. I., Stramyzhetskaya T. V. Pamyatnyja knizhki belaruskikh gubernjav: agul'naja haraktarystyka [Memorials books of the Belorussian provinces: general characteristics]. *Pamyatnye knizhki belorusskikh gyberniy*. [Electronic resource]. Natl. libr. of the Repub. of Belarus. Electron. text, graph. data and program. Minsk, 2012. 3 electron. opt. disk (DVD-ROM) (in Belarus.).
13. Levin D. E. Pervye stolichnye retsenzii na Pamyatnye knizhki Vilenskoi gubernii (1852–1854 gg.) [The first review of the Memorial books of the Vilno province (1852–1854)]. In: *Belorusskii sbornik*. Saint Petersburg, 1998. P. 41–62 (in Russ.).
14. Formy ili programmy dlya sostavleniya gubernatorskikh otchetov. *Polnyi svod zakonov Ross. imperii*. Saint Petersburg, 1874. Vol. 45. S. 857–864 (in Russ.).
15. Razdorskii A. I. Obzory gubernii, oblastei i gradonachal'stv Rossiiskoi imperii : svodnyi katalog. Saint Petersburg, 2011 (in Russ.).
16. Diatlova I. P. Otchety gubernatorov kak istoricheskii istochnik [The governor's reports as a historical source]. *Problemy arkhivovedeniya i istochnikovedeniya : materialy nauchn. konf. arkhivistov Leningrada (Leningrad, 4–6 Febr., 1964)*. Leningrad, 1864. P. 228–231 (in Russ.).
17. Otchet o deistviyakh i zanyatiyakh Vitebskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta za 1866 god. Minsk, 1867 (in Russ.).
18. Otchet o deistviyakh i zanyatiyakh Vitebskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta za 1867 god. Vitebsk, 1868 (in Russ.).
19. Otchet o deistviyakh i zanyatiyakh Vitebskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta za 1868 god. Minsk, 1869 (in Russ.).
20. Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Minskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta za 1888 god. Minsk, 1889 (in Russ.).
21. Otchet o deyatel'nosti Minskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta za 1889 god. Minsk, 1890 (in Russ.).
22. Otchet o deyatel'nosti Minskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta za 1896 god. Minsk, 1900 (in Russ.).
23. Otchet o deyatel'nosti Minskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta za 1898 god. Minsk, 1900 (in Russ.).
24. Zhurnal Minskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. *Minsk. gubernskie vedom. Neofitsial'naya chast'*. 1864. No. 6. P. 102–108 (in Russ.).

25. Natl. hist. arch. of the Repub. of Belarus. Fund. 2502. Regist. 1. File. 784 (in Russ.).
26. Shpak L. P. Rol' gubernskikh statisticheskikh komitetov v razvitii knizhnogo dela v russkoi provintsii (seredina 1850-kh – nachalo 1880-kh godov) [The role of provincial statistical committees in the development of books in Russian province (middle 1850s – early 1880s)]. *Kniga: issledovaniya i materialy*. Moscow, 1986. Vol. 53. P. 160–167 (in Russ.).
27. Natl. hist. arch. of the Repub. of Belarus. Fund. 2502. Regist. 1. File. 126 (in Russ.).
28. Sbornik v pamyat' pervogo Russkogo statisticheskogo s'ezda 1870 g. Moscow, 1872. Vol. 1 (in Russ.).
29. Romanov E. R. Varkolabovskaya letopis'. Vil'no, 1910 (in Russ.).
30. Sapunov A. P. Dvinskie, ili Borisovy, kamni. Vitebsk, 1890 (in Russ.).
31. Smorodskii A. P. Geografiya Minskoi gubernii. Minsk, 1894 (in Russ.).
32. Yastremskii F. N. Kratkii ocherk Minskoi gubernii v fiziko-geograficheskom i statistiko-ekonomicheskom otnosheniyakh : in 2 parts. Minsk, 1897. Part 1 : Fiziko-geograficheskii ocherk Minskoi gubernii (in Russ.).
33. Anikievich K. T. Sennenskii uезд Mogilevskoi gubernii: opyt opisaniya v geograficheskom, istoricheskom, etnograficheskom, bytovom, promyshlennom i statisticheskom otnosheniyakh. Mogilev, 1907 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 27.09.2016.
Received by editorial board 27.09.2016.

ШЛЯХІ ІНТЭНСІФІКАЦЫІ СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧАЙ ВЫТВОРЧАСЦІ Ё БЕЛАРУСІ НА МЯЖЫ XIX–XX стст. (па матэрыялах перыядычнага друку)

М. М. ЗАБАЎСКІ^{1*}, А. П. ЦУМАРАВА^{2*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка, вул. Савецкая, 18, 220050, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

^{2*}Беларуска-Расійскі ўніверсітэт, пр. Міру, 43, 212030, г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь

Даследуецца дзейнасць сельскагаспадарчых таварыстваў па інтэнсіфікацыі вытворчасці ў галінах аграноміі, жывёлагадоўлі, конегадоўлі, садоўніцтва; паляпшэнні быту сельскага насельніцтва ў Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. Вывучаны прапановы па развіцці ўзроўню гаспадарання ў Беларусі на прыкладзе дзейнасці Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі. Паказана прагрэсіўнае ўздзеянне вопытных аграномічных устаноў: станцый, палёў і даследчых гаспадарак. Прааналізавана грамадская думка пра перавагу развіцця вопытных ферм, дэманстратыўных устаноў і гаспадарак, вынікі працы якіх мелі прыкладное значэнне. На прыкладзе працы Мар’іна-Горскай сельскагаспадарчай школы разглядаецца роля ўстаноў падобнага тыпу як цэнтраў наватарства для сялянскіх і памешчыцкіх сельскіх гаспадарак пэўнай мясцовасці. Асабліва ўвага нададзена правядзенню сельскагаспадарчай і саматужна-прамысловай выставы ў Мінску ў 1901 г., якая стала паказчыкам дасягненняў у сельскай гаспадарцы і фактарам укаранення інтэнсіўных метадаў у сельскагаспадарчую вытворчасць беларускіх губерняў.

Ключавыя словы: інтэнсіфікацыя; Беларусь; Мінскае таварыства сельскай гаспадаркі; дэманстрацыйнае поле; выстава; павышэнне выніковасці.

ПУТИ ИНТЕНСИФИКАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. (по материалам периодической печати)

Н. М. ЗАБАВСКИЙ¹⁾, Е. П. ЦУМАРЕВА²⁾

¹⁾Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220050, г. Минск, Республика Беларусь

²⁾Белорусско-Российский университет, пр. Мира, 43, 212030, г. Могилёв, Республика Беларусь

Исследуется деятельность сельскохозяйственных товариществ по интенсификации производства в отраслях агрономии, животноводства, коневодства, садоводства; улучшению быта сельского населения в Беларуси в конце XIX – начале XX в. Изучены предложения по развитию уровня хозяйствования в Беларуси на примере деятельности Минского общества сельского хозяйства. Показано прогрессивное воздействие опытных агрономических учреждений: станций, полей и исследовательских хозяйств. Проанализировано общественное мнение о предпочтении развития

Образец цитирования:

Забаўскі М. М., Цумарава А. П. Шляхі інтэнсіфікацыі сельскагаспадарчай вытворчасці ў Беларусі на мяжы XIX–XX стст. (па матэрыялах перыядычнага друку) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 17–24.

For citation:

Zabauski M. M., Tsumarava A. P. The ways of intensification of agricultural production in Belarus in the late XIX and early XX centuries (according to the materials of periodical press). *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 17–24 (in Belarus.).

Авторы:

Николай Михайлович Забавский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Беларуси и славянских народов исторического факультета.

Елена Петровна Цумарева – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры гуманитарных дисциплин.

Authors:

Mikalaj Zabauski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of history of Belarus and Slavic peoples, faculty of history.

zabavskij@tut.by

Alena Tsumarava, PhD (history), docent; associate professor at the department of humanities.

ilmazum@tut.by

опытных ферм, демонстративных учреждений и хозяйств, результаты работы которых имели прикладное значение. На примере работы Марьино-Горской сельскохозяйственной школы рассмотрена роль учреждений подобного типа как центров новаторства для крестьянских и помещичьих сельских хозяйств определенной местности. Особое внимание уделено проведению сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в Минске в 1901 г., являвшейся показателем достижений в сельском хозяйстве и фактором внедрения интенсивных методов в сельскохозяйственное производство белорусских губерний.

Ключевые слова: интенсификация; Беларусь; Минское общество сельского хозяйства; опытное поле; выставка; увеличение результативности.

THE WAYS OF INTENSIFICATION OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN BELARUS IN THE LATE XIX AND EARLY XX CENTURIES (according to the materials of periodical press)

M. M. ZABAUSKI^a, A. P. TSUMARAVA^b

^aMaxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Sovetskaya street, 18, 220050, Minsk, Republic of Belarus

^bBelarusian-Russian University, Mira avenue, 43, 212030, Mogilyov, Republic of Belarus

Corresponding author: zabavskij@tut.by

This article explores the activities of agricultural communities for development of intensification in the fields of agronomy, animal farming, horse breeding, gardening and for improvement of farmers' living in Belarus in the late XIX and early XX centuries. The author studied the proposals for development of the level of husbandry in Belarus on the example of activities of Minsk Agricultural Society. The article reveals the progressive influence of the activity of agronomic practice institutions: stations, fields and research farms. It analyzes the public opinion on the preference of developing experimental farms, demonstrative institutions and farms, the results of which had practical importance. The example of Marjino-Gorskaya Agricultural School displays the role of agricultural schools as innovation centers for peasant and landlord farms on a particular territory. The author explored the realization of the agricultural and handicraft exhibition in Minsk in 1901 which was the indicator of progress in agriculture and a factor of introduction of intensive methods of farming into agricultural production in Belarusian provinces.

Key words: intensification; Belarus; Minsk society of agriculture; demonstration field; exhibition; performance increase.

Уводзіны

Паводле ацэнак сучасных даследчыкаў, сельская гаспадарка да рэформ сярэдзіны XIX ст. была «загананай галіной», мела патрэбу ў тэхнічным перааснашчэнні, цяжела ад недахопу адпаведных ведаў і самадзейнасці гаспадароў. Палітычны дзеяч Г. І. Свянціцкі патрабаваў паменшыць дзяржаўную апеку, якая «пазбаўляла і пазбаўляе свабоды эканамічнага і прававога жыцця сялянскае саслоўе»¹, зводзячы да нуля рэформу 1861 г. [1, с. 13]. На гэтыя «ўнутраныя хваробы» было прапанавана звярнуць сур'ёзную ўвагу.

З нарошчваннем тэмпаў развіцця капіталістычнай таварнай вытворчасці ў XIX–XX стст., паглыбленнем грамадскага падзелу працы сельская гаспадарка павінна была не толькі забяспечваць прадуктамі харчавання насельніцтва, але і стаць крыніцай сыравіны для многіх галін прамысловасці. Рост колькасці сялянскіх жыхароў значна паскорыўся, і ў канцы XIX ст. на іх долю прыпадала больш за 3/4 народанасельніцтва. Толькі ў Мінскай губерні яно складала 71,8 %. Сялянская гаспадарка

ўцягвалася ў рыначныя сувязі, што было немагчыма без інтэнсіфікацыі вытворчасці [2, с. 132, 181].

Пад інтэнсіфікацыяй разумеецца працэс узмацнення, павелічэння прадукцыйнасці дзейнасці [3]. У сельскай гаспадарцы інтэнсіфікацыя праяўляецца ў такіх паказчыках, як рост вытворчасці сельска-гаспадарчай прадукцыі ў разліку на адзінку зямельнай плошчы (галаву жывёлы) на аснове прымянення больш дасканалых сродкаў і метадаў вытворчасці – механізацыі, хімізацыі сельскай гаспадаркі, меліярацыі, аграрна-прамысловай інтэграцыі, укаранення дасягненняў навукі, перадавога вопыту. Інтэнсіфікацыя заснавана на рацыянальным выкарыстанні матэрыяльных і працоўных рэсурсаў пры вырошчванні сельскагаспадарчых культур і развядзенні жывёл, а таксама ў галіне першаснай перапрацоўкі прадуктаў.

Мэта нашага артыкула – паказаць праявы інтэнсіфікацыі сельскагаспадарчай вытворчасці на тэрыторыі Беларусі, якія знайшлі адлюстраванне на старонках перыядычных выданняў пачатку XX ст.

¹ Тут і далей пераклад наш. – М. З., А. Ц.

Матэрыялы і метады даследавання

У пачатку XX ст. працягваўся працэс фарміравання грамадска-дзяржаўнай свядомасці народаў еўрапейскай цывілізацыі, у тым ліку і беларусаў. Як прадстаўнікі агульнаславянскай супольнасці, беларускія эліты імкнуліся выпрацаваць разуменне нацыянальнага гістарычнага шляху, які заключаўся ва ўсведамленні народамі ўласнай этнакультурнай і эканамічнай індывідуальнасці.

Каб наблізіцца да аб'ектыўнасці ў працэсе гістарычнага пазнання, неабходна зыходзіць з асноўных дасягненняў розных метадалагічных школ і сучаснага стану гістарычнай навукі. Агульныя крытэрыі аналізу матэрыялу могуць быць рэалізаваны праз сукупнасць такіх прынцыпаў, як аб'ектыўнасць, гістарызм і каштоўнасць падыход. Першы прынцып заснаваны на зборы, сістэматызацыі і аналізе канкрэтнага фактычнага матэрыялу, пачарпнутага з разнастайных крыніц.

Абмеркаванні

У савецкай гістарыяграфіі асноўная ўвага надавалася вывучэнню такіх праяў інтэнсіфікацыі ў сельскай гаспадарцы, як спецыялізацыя вытворчасці, рыначныя сувязі, кааперацыя [4–6]. Даследчык Л. П. Ліпінскі прыйшоў да высновы аб тым, што выкарыстанне машын у памешчыцкай гаспадарцы, развіццё гандлёвага земляробства і ляснога гандлю, прамысловага прадпрыемства сведчаць пра эвалюцыю капіталістычных адносін [5]. Рынак сельскагаспадарчай вытворчасці Беларусі разглядаўся як складальнік сусветнага аграрнага рынку.

Распрацоўка праблем інтэнсіфікацыі сельскагаспадарчай вытворчасці Беларусі XIX – пачатку XX ст. праведзена ў комплекснай працы беларускіх навукоўцаў «Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён» [2]. Пры даследаванні аграрна-сялянскага пытання ў грамадска-палітычнай думцы аўтары адзначылі, што толькі ліквідацыя панскага землеўладання і рэшткаў прыгонніцтва адкрывала дарогу для развіцця капіталізму, мадэрнізацыі, інтэнсіфікацыі сельскагаспадарчай вытворчасці [2, с. 247]. Да поспехаў капіталізму ў сялянскай гаспадарцы аднесены пастаўкі на ўнутраны і знешні рынкі Расіі значнай колькасці збожжа, лёну, ільнянога сям'я [2, с. 177, 182].

Капіталістычны прагрэс у памешчыцкай гаспадарцы даследаваў А. П. Жытко. Аўтар прыйшоў да высновы аб тым, што выкарыстанне палепшаных прылад працы ў памешчыцкай гаспадарцы Беларусі даходзіла да 54–86 % к сярэдзіне 1890-х гг. Беларусь па гэтых паказчыках знаходзілася на другім месцы пасля Наваросіі. Развіццё капіталізму вымушала пераходзіць да шматпольнай сістэмы, якая ў памешчыкаў Мінскай губерні практыкавалася ў форме чатырох- і васьміпольных севазваротаў [7, с. 3].

Арганізацыі выстаў, у тым ліку і тых, дзе экспанавалася сельскагаспадарчая прадукцыя, прысве-

Верыфікаванасць навуковых высноў базіруюцца на іх параўнанні з вынікамі як папярэдніх, так і сучасных даследаванняў.

Крыніцамі вывучэння сталі перыядычныя выданні пачатку XX ст. Газеты і часопісы ў гэты час адыгрывалі першарадную ролю ў асвятленні рэформ і палітычных дыскусій, былі асноўным сродкам масавай інфармацыі. Артыкул грунтуецца на аналізе матэрыялаў газет «Мінский листок», «Белорусский Вестник», «Могилёвские губернские ведомости», «Kurjer Litewski».

Прымяненне метадаў крытычнага дыскурсу-аналізу, кантэнт-аналізу тэкстаў дазволіла выявіць асноўную праблематыку і раскрыць спецыфіку адлюстравання ў грамадскай думцы праблем інтэнсіфікацыі сельскай гаспадаркі беларускіх губерняў, вызначыць семантыку вобразнага ўяўлення аб шляхах і значэнні інтэнсіфікацыі.

чана дысертацыйнае даследаванне А. Л. Кіштымава [8]. Аўтар разглядаў выставы як частку сусветнага мадэрнізацыйнага працэсу, а іх правядзенне ў Беларусі – як сведчанне развіцця беларускай гаспадаркі ў агульнаеўрапейскім кантэксце. Даследчыкам даказана лідарства Горы-Горацкага земляробчага вучылішча па актыўнасці на выставах і колькасці атрыманых на іх узнагарод. Адзначана, што ўдзел прадстаўнікоў Беларусі ў міжнародных экспертных камісіях сведчыў аб прызнанні іх досведу ў пэўных галінах. Аўтар прыйшоў да высновы аб першаснай ролі выстаў у прапагандзе навукова-тэхнічнага прагрэсу, дэманстрацыі навінак навукі і тэхнікі, выкарыстанні аграрна-навуковых ведаў на практыцы [8, с. 4–16].

Функцыянаванню вопытных станцый і палёў, вучэбных ферм на тэрыторыі Беларусі прысвечана дысертацыйнае даследаванне Т. М. Марчанка [9]. Асноўную ўвагу аўтар надала вывучэнню праблемы прафесійнай сельскагаспадарчай адукацыі, дзейнасці сельскагаспадарчых таварыстваў у гэтым напрамку, развіцця Горы-Горацкай земляробчай школы як цэнтра аграрнай адукацыі Расійскай імперыі [9, с. 4–5, 16].

Такім чынам, праблематыка інтэнсіфікацыі сельскагаспадарчай вытворчасці вывучана разнапланавана. Аднак, на наш погляд, існуе патэнцыял даследавання тэмы па матэрыялах прэсы, у якіх знаходзілі адлюстраванне праекты інтэнсіфікацыі сельскай гаспадаркі, дзейнасць адпаведных таварыстваў, працэсы арганізацыі выстаў, вопытных станцый і палёў у канцы XIX – пачатку XX ст. Менавіта гэта дзейнасць шмат у чым прадвызначыла мадэрнізацыю сельскай гаспадаркі, распачатую С. Ю. Вітэ і працягнутую П. А. Сталыпіным. Некаторыя аспекты, прапанаваныя ў прэсе акрэсленага перыяду, не страцілі сваёй актуальнасці і сёння.

Асноўная частка

У канцы XIX – пачатаку XX ст. цэнтрамі, якія распрацоўвалі новыя падыходы ў сельскагаспадарчай вытворчасці, з’яўляліся сельскагаспадарчыя таварыствы.

Сярод «значнага кантынгенту сельскіх гаспадароў» Беларусі, якія асабіста вялі свае справы, сфарміраваліся агульныя інтарэсы і патрэба ў арганізацыі «класавых устаноў» з мэтай ажыццяўлення «максімальна шырокай дапамогі краёвай гаспадарцы» [10]. Гэта патрэба ў грамадскай самадзейнасці была задаволена з адкрыццём 20 жніўня 1876 г. Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі (МТСГ), якое дало магчымасць беларускім гаспадарам «шлахам жывых зносін» разабрацца ў сваіх патрэбах [10].

Актыўнымі членамі МТСГ былі вядомыя грамадска-палітычныя лідары – Э. Вайніловіч, І. Друцкі-Любецкі, доктар З. Свянціцкі, Ф. Бохавіц, М. Ленскі, К. Абламовіч, М. Ваньковіч, В. Лазінскі. Членам-карэспандэнтам аддзялення ў Пінскім павеце з’яўляўся Р. Скірмунт. Робатай па пастаўцы збожжа ў інтэнданцтва кіраваў А. Багдашэўскі, ён жа ўзначальваў бюро страхавання ад пажараў [11, с. 82–89].

У таварыстве дзейнічаў шэраг секцый па галінах сельскагаспадарчай вытворчасці, для ўтварэння якіх было неабходна 20 членаў.

Асноўным напрамкам дзейнасці па інтэнсіфікацыі сельскай гаспадаркі з’яўлялася прымяненне навукова абгрунтаваных сістэм земляробства для павышэння ўрадлівасці глебы. З гэтай мэтай арганізаваліся вопытныя агранамічныя ўстановы, упершыню распрацаваныя ў Эльзасе хімікам і аграномам Ж. Б. Бусенго ў 1835 г. Агранамічныя станцыі для беларускіх губерняў, як і для ўсёй Расійскай імперыі, былі параўнальна новай з’явай. Міністэрства земляробства аказвала матэрыяльную і юрыдычную дапамогу пры іх адкрыцці. Існавала два тыпы такіх устаноў: вопытныя станцыі і даследчыя палі, фермы і гаспадаркі [12].

Вопытныя станцыі з’яўляліся ўстановамі тэарэтычнага характару і займаліся навуковай распрацоўкай пытанняў сельскай гаспадаркі і яе асобных галін.

Даследчыя фермы, гаспадаркі – дэманстратыўныя ўстановы, якія мелі практычную накіраванасць: тут правяралі навуковыя высновы ў разнастайных прыродных, гістарычных і эканамічных умовах гаспадарання, высвятлялі рэнтабельнасць пэўных культур, укаранялі розныя мерапрыемствы непасрэдна на месцы прапаганды.

Вопытныя палі мелі вузкі мясцовы характар, але для сялян былі вельмі важныя, бо дэманстравалі ім наглядныя вынікі прымянення навуковых ведаў. Гэта выхаваўчае значэнне дасягала найвышэйшай ступені, калі вопытныя палі прымалі памеры даследчых гаспадарак, якія ўключалі ў сябе ўсе галіны сельскай вытворчасці пэўнай мясцовасці.

Тут сяляне даследавалі сукупнасць развіцця сельскай гаспадаркі як асобнай самастойнай адзінкі. Уважлівы гаспадар вучыўся, да чаго ён павінен імкнуцца і чаго нельга рабіць [12].

МТСГ арганізавала правядзенне эксперыментаў на сялянскіх землях з мэтай нагляднай дэманстрацыі карысці штучных угнаенняў. Гэта павінна было паўплываць на фарміраванне ў сялян ведаў аб харчаванні раслін, навучыць іх новым прыёмам у гаспадаранні. Камісія атрымала ад вядомых замежных фірм калійныя ўгнаенні, томасшлак і сілікатныя ўгнаенні. У 1900 г. было праведзена 69 вопытаў: 47 – у Мінскай, 22 – у Віленскай і Ковенскай губернях [13, с. 3; 14].

Як адзначалася ў газеце «Беларускі веснік», для беларускіх губерняў асабліва карысным было распаўсюджванне вопытных ферм і гаспадарак, якія мелі прыкладное значэнне. Без іх шматлікія карысныя новаўвядзенні засталіся б у межах вопытных станцый, кабінетаў і лабараторый. Дэманстратыўныя ўстановы былі важнымі не толькі для ўдасканалення апрацоўкі глебы, але і для развіцця сельскагаспадарчай тэхнікі [10].

Шырокую вядомасць у беларускіх губернях мела эксперыментальнае поле пры Мар’іна-Горскай сельскагаспадарчай школе Ігуменскага павета Мінскай губерні, адкрытай у 1880 г. Глеба на полі – лёгка суглінак, характэрны для наваколля. Мэта даследаванняў – вызначыць, якіх пажыўных рэчываў не хапае ў глебе і ў якіх памерах іх трэба ўносіць. Праводзіліся вопыты з распаўсюджанымі ў Беларусі культурамі: шведскім аўсом і бульбай. Авёс даў лепшыя вынікі па ўраджаі і даходнасці пры поўным угнаенні [14]. Па выніках эксперыментаў складаліся навуковыя даклады. Напрыклад, быў праведзены параўнальны аналіз дзейнасці вопытнай станцыі ў фальварку Мухаўка і вынікаў вопытаў Мар’іна-Горскай сельскагаспадарчай школы [15].

Адукацыйныя паслугі школы карысталіся попытам: у 1900 г. на 23 месцы ў навучальнай установе прэтэндавалі 100 абітурыентаў. У Мар’іна-Горскай сельскагаспадарчай школе былі адкрыты наступныя спецыяльнасці: араты, даглядчык, наглядчык над гаспадаркамі. Навакольныя памешчыкі і сяляне набывалі ў школе лепшыя гатункі насення, раслін і племянных жывёл па нізкім кошце, знаёміліся з культурай сельскай гаспадаркі. У школе, у тым ліку з удзелам МТСГ і прыцягненнем мясцовых сялян, была арганізавана выстава дасягненняў сельскай гаспадаркі, агляд навучальных дапаможнікаў. Дэманстравалася сельскагаспадарчая вытворчасць: выраб масла, ільнянога валакна, падрыхтоўка садавіны да сушкі [16]. Варта адзначыць, што поспехі школы былі адзначаны на выставе 1900 г. у Парыжы срэбным медалём, ўзнагародамі на ўсерасійскіх выставах [8].

На пасяджэннях аграрна-аграмічнай секцыі МТСГ удымалася пытанне аб заснаванні бюро па развіцці шматпольнай сістэмы. Член таварыства Я. Кавалеўскі крытыкаваў недастатковую работу аграрнай секцыі праз адсутнасць грашовых сродкаў [14].

Асобным кірункам дзейнасці МТСГ з пачатку яго існавання з'яўлялася інтэнсіфікацыя сельскай гаспадаркі на частцы Палесся Мінскай губерні. Таварыства дапамагала ўраду, які прымаў захады да асушэння балот, на што было затрачана больш за 5 млн руб. У выніку асушылі звыш 400 тыс. дзесяцін зямлі. Дрэнаж і меліярацыя праводзіліся з мэтай паляпшэння аграрна-аграмічнай культуры, падтрымкі сельскай гаспадаркі і эканомікі рэгіёна. Для садзейнічання эканамічнаму ўздыву Палесся МТСГ праводзіла агульныя сходы з прадстаўнікамі мясцовага насельніцтва ў Пінску і Мазыры, спрыяла адкрыццю ў Пінску Таварыства ўзаемазнага крэдыту і Жаночага таварыства сельскай гаспадаркі. Спецыяльная камісія вывучала асаблівасці ўмоў асушкі, разглядала шляхі паляпшэння лугоў, сельскагаспадарчыя і эканамічныя пытанні. Таварыства звярталася да ўлады з прашэннем аб паляпшэнні Бярэзінскай воднай сістэмы [17].

Аграрна-аграмічная секцыя прапаноўвала ўсталяваць на год фіксаваную таксу на інжынерныя, аграрна-аграмічныя, меліярацыйныя работы, плату за асушку балот, нанясенне канаў на план. Перыядычны друк рэкламаваў названыя паслугі [18].

Досыць буйной з'яўлялася жывёлагадоўчая секцыя МТСГ. Паводле даных перыёдыкі малочная гаспадарка ў Мінскай губерні была развітай. Напрыклад, у 1903 г. гэта галіна прынесла прыбыткі наступнага памеру: у Мінскім павеце – 70 тыс. руб., Барысаўскім – больш за 25 тыс. руб., Ігуменскім – каля 20 тыс. руб., Навагрудскім – да 121 тыс. руб., Пінскім – да 25 тыс. руб. [19]. Адрэзненне жывёлагадоўлі МТСГ адкрыла ў Варшаве склад па збыце малочных прадуктаў, куды і пастаўляліся тавары ў адмыслова прыстасаваных вагонах з дапамогай Маскоўска-Брэсцкай і Прывісленскай чыгунак [20, с. 2]. З мэтай гуртавання пародзістых статкаў і паляпшэння мясцовай жывёлы таварыства набыло ў Фінляндыі некалькі галоў жывёлы мяшчэрскай пароды. Камісія з кампетэнтных у жывёлагадоўлі асоб аб'ехала жывёлагадоўчыя двары і ўнесла многія экзэмпляры племянной скаціны ў радаводныя кнігі. Па запрашэнні таварыства ў жывёлагадоўчых гаспадарках Мінскай губерні працаваў інструктар малочнай вытворчасці [20]. Член МТСГ і практык Э. Л. Даманскіх, які ўкараняў новыя падыходы ў малочнай вытворчасці, падрыхтаваў навуковы даклад пра догляд жывёлы. Павелічэнне малочнасці кожнай каровы даследчык лічыў вынікам правільнага догляду і кармлення, што ўключала ў сябе наступныя ўмовы: утрыманне жывёлы ў цёплым памяшканні; забеспячэнне цёплага вадапою; размеркаванне ватруб'я штотыдзень на кожную карову

прапарцыянальна памеру ўдою; выдача жывёлам адпаведнай порцыі солі, сухога ватруб'я і буракоў у цэлым выглядзе; правільнае адлучэнне цялят [21].

З мэтай высветліць аб'ектыўнае становішча жывёлагадоўлі і яе прыбытковасці секцыя разаслала апытальныя лісты сельскім гаспадарам. Атрыманыя адказы паслужылі матэрыялам для вывучэння стану жывёлагадоўлі ў Мінскай губерні [20].

Адрэзненне конегадоўлі ў 1900 г. вывучыла становішча 11 конскіх заводаў Міншчыны, у выніку чаго было зроблена заключэнне аб прадуктыўнасці распаўсюджвання ольдэнбургскай пароды коней. МТСГ вяло радаводныя кнігі парод, пры таварыстве працаваў ветэрынарны доктар [20].

Секцыя садаводства пры МТСГ распрацавала шэраг мер па развіцці садаводства і арганізацыі сушкі агародніны [22].

Шэраг адрэзненняў таварыства дзейнічаў з мэтай паляпшэння побыту сельскага насельніцтва. Пра неабходнасць работы ў гэтым напрамку пісаў таксама аўтар газеты «Kurjer Litewski», адзначаючы, што пры нізкім узроўні развіцця культуры адсутнічалі нават спробы «набыць сабе <...> што-небудзь прагрэсіўнае» [23]. Доктар З. Свяціцкі выступіў з ініцыятывай арганізацыі ў беларускіх губернях сельскагаспадарчых гурткоў, мэтай якіх было паляпшэнне становішча сялян. Перадавых вынікаў у гэтай сферы дасягнула Познанскае княства, у якім налічвалася 200 сялянскіх гурткоў. Прапаноўвалася пераняць гэты вопыт і іншым губерням [13; 14]. Таксама пры таварыстве было адкрыта бюро працы, значную ролю ў якім адыграў Я. Наркевіч-Ёдка. Навуковец падкрэсліў неабходнасць замежных камандзіровак рабочых для павышэння кваліфікацыі [15].

Пры МТСГ дзейнічала адрэзненне па паляпшэнні дробных гаспадарак, мясцовых і адыходных сялянскіх промыслаў. Меркавалася даследаваць стан гэтых гаспадарак, садзейнічаць іх развіццю. Таварыства працавала і ў галіне павышэння якасці медыцынскай дапамогі сельскаму насельніцтву [14].

Сістэматычна МТСГ выдавала папулярныя брашуры, арганізоўвала чытанні, лекцыі і конкурсы, набывала насенне, прылады працы і машыны, племянную жывёлу. Таварыства арганізавала збыт сельскагаспадарчых прадуктаў, адкрыла склады і крамы, узорныя майстэрні, ашчадныя і пенсійныя касы. Акрамя таго, МТСГ праводзіла выставы і кірмашы, запрашала на іх аграномаў і інструктараў. Пасяджэнні таварыства доўжыліся некалькі дзён. На працягу гэтага часу заслухоўваліся навуковыя даклады, справаздачы аб камандзіроўках і дзейнасці па секцыях.

Такую ж працу па прыкладзе МТСГ праводзіла і Віленскае таварыства сельскай гаспадаркі [24]. Матэрыялы прэсы сведчаць аб цесным супрацоўніцтве Мінскага і Віленскага таварыстваў сельскай гаспадаркі. Напрыклад, арганізацыі падрыхтавалі агульны зварот да ўлад аб вяртанні гандлёвых дзён

у гарадах і мястэчках на нядзелю (раней яны былі перанесены адміністрацыяй на будні з рэлігійных перакананняў, што было нявыгодна сялянам) [25]. МТСГ супрацоўнічала з Мінскім земляробчым таварыствам узаемнага страхавання і пазычыла яму 50 тыс. руб. Членам назіральнага камітэта з'яўляўся доктар З. Свянціцкі [25; 26]. Таксама ў Мінску было заснавана земляробчае таварыства ўзаемнага паземельнага крэдыту [20].

Прэса адзначала неабходнасць развіцця крэдытавання як умовы эканамічнага прагрэсу сельскай гаспадаркі. Фінансавая палітыка, як сцвярджалі спецыялісты, павінна быць накіравана на змяншэнне крэдытнага працэнта, доўгатэрміновае і кароткатэрміновае крэдытаванне рамесніка, дробнага прамыслоўца, селяніна. У прэсе падкрэслівалася карысць дробнага крэдытавання (ад 100 да 1000 руб.) для развіцця гаспадаркі [27].

Найбольш відавочна ўзровень інтэнсіфікацыі сельскай гаспадаркі дэманстраваўся на выставах. У Мінску з 26 жніўня па 4 верасня 1901 г. МТСГ з дазволу Міністэрства земляробства і дзяржаўнай маёмасці, атрыманага 29 сакавіка 1900 г., правяло сельскагаспадарчую і саматужна-прамысловую выставу ў гонар 25-годдзя сваёй дзейнасці. Яе мэтай было больш блізкае азнаямленне ўдзельнікаў і гасцей з поспехамі сельскай гаспадаркі і яе галін, прамысловасці і саматужнага промыслу, а таксама збліжэнне вытворцаў са спажывцамі, стварэнне рынку для збыту і абмену прадуктамі. Выстава дзялілася на 12 галін і была прадстаўлена рознымі аддзеламі. Вылучаліся галіны паляводства і лугаводства з аддзеламі этнаграфічна-сельскагаспадарчай статыстыкі і арганізацыі; садоўніцтва, агародніцтва і кветкаводства; жывёлагадоўлі з аддзеламі рагатай жывёлы і малочнай гаспадаркі; конегадоўлі; разводкі дробных свойскіх жывёл з аддзеламі па відах жывёл, прадуктах жывёлагадоўлі; лесаводства; пчальства і шаўкаводства, рыбалоўства і рыбаводства, палявання; спецыяльных сельскагаспадарчых культур і ўсяго, што звязана з прагрэсіўнасцю паляводства і лугаводства. Секцыя рамеснай і саматужнай вытворчасці ўключала апрацоўку мінералаў і металаў, раслінных прадуктаў і прадуктаў жывёлагадоўлі, розныя віды вытворчасці. Дзясятая галіна прадстаўляла сельскагаспадарчыя прылады, снаряды, машыны, штучныя ўгнаенні і тукі. Асобна была арганізавана галіна фабрычнай і тэхнічнай вытворчасці, сельскагаспадарчай прамысловасці. Дваццатую галіну прадстаўляла сельскагаспадарчае будаўніцтва [28; 29].

На выставу прымаліся экспанаты з Мінскай, Віленскай, Віцебскай, Магілёўскай, Ковенскай, Гродзенскай, Валынскай, Кіеўскай, Смаленскай і Чарнігаўскай губерняў. Экспанаты з гэтых краёў удзельнічалі ў конкурсах і ўзнагароджваліся залатымі, сярэбранымі і бронзавымі медалямі, гана-

ровымі водгукамі, дыпламамі за лепшыя дасягненні ў сельскай гаспадарцы і прамысловасці. Сялянскім экспанатам прысуджаліся грашовыя ўзнагароды. Падчас выставы былі арганізаваны навуковыя чытанні, выгул коней і жывёлы ў манеж. Прадстаўнікі іншых губерняў маглі прымаць удзел у выставе, але без права атрымліваць граматы і прэміі. У апошнія два дні выставы прайшоў аўкцыён экспанатаў, жывёл і г. д. Уладальнікам дазвалялася прадаваць экспанаты ва ўсе дні выставы па асабістай дамоўце з пакупнікамі. Прададзеныя прадметы павінны былі заставацца на выставе да яе закрыцця.

Падрыхтоўкай выставы займаўся распарадчы камітэт, які ўзначальваў К. Чапскі. На працягу года ён акумуляваў субсідыі, лес для пабудовы павільёнаў. У паветы дэлегаваліся прадстаўнікі камітэта для распаўсюджвання інфармацыі пра выставу, падбору экспанатаў. Дасканала была наладжана праца з экспанентамі: заключалася пагадненне, паводле якога яны павінны былі прывесці пералік прадметаў, якія будуць выстаўляцца, выбраць месца ў закрытым або адкрытым павільёне, авансам аплаціць 25 % кошту выставачнага месца. Плата за квадратны аршын у адкрытым павільёне складала 25 капеек, у закрытым – 1 руб. за фут [28]. Экспаненты, якія жадалі мець свае вітрыны, дэкарыравалі іх самі па малюнках, ухваленых камітэтам. Акрамя таго, камітэт з'яўляўся пасрэднікам па страхаванні маёмасці ўдзельнікаў [30].

Вялікае значэнне мела выстава для навуковага вывучэння сельскай гаспадаркі беларускіх губерняў. Збіраліся звесткі пра харчаванне, вопратку, стан жылля, земляробства і промыслаў, асветы і маральнага развіцця дробных гаспадароў. Апытальныя лісты былі разасланы па губернях, аднак Магілёўская, Гродзенская, Віцебская губерні адказвалі на іх неактыўна. На падставе анкет і статыстычных даных складаліся табліцы і графікі аб становішчы сялян і дробных гаспадароў у эканамічным і культурным аспектах. Доктар Малькевіч працаваў над табліцамі па санітарным становішчы сельскага насельніцтва. Паралельна адбываўся збор узораў саматужных вырабаў у этнаграфічныя калекцыі, якія пасля выставы змяшчаліся ў заснаваны МТСГ сельскагаспадарча-этнаграфічны музей [13]. Газеты заахвочвалі земляробаў да шырокага ўдзелу ў выставе [28].

Як адзначаў Э. Вайніловіч, сельскагаспадарчая выстава была дэманстрацыяй сіл Паўночна-Заходняга краю [11, с. 99–103]. Праца таварыства прызнавалася ў СМІ паспяховай і мэтазгоднай [28–30].

Дзейнасць таварыства пераадолела шмат праблем, якія перашкаджалі развіццю сельскай гаспадаркі. Члены таварыства дамагліся значных ільгот, увялі розныя ўдасканаленні ў сельскагаспадарчую тэхніку, істотна паднялі сельскагаспадарчую прамысловасць беларускіх губерняў.

Вялікія спадзяванні ў сферы сельскай гаспадаркі ліберальныя дзеячы звязвалі з развіццём самакіравання. Грамадская самадзейнасць павінна была забяспечыць прагрэс у гаспадарчым і эканамічным развіцці Беларусі, укараненні новых спосабаў гаспадарання, адкрыцці аграмаічных школ, удасканавання сельскіх промыслаў і арганізацыі збыту прадукцыі, садзейнічаць актыўнасці сельскагаспадарчых аб'яднанняў. У задачы працы земскіх устаноў уваходзілі таксама паляпшэнне медыцынскай дапамогі насельніцтву, наём дактароў і адкрыццё сельскіх аптэк, школ і выданне літаратуры.

Заклучэнне

Такім чынам, лакаматывам арганізацыі гаспадарання па інтэнсіўным шляху ў канцы XIX – пачатку XX ст. з'яўляліся сельскагаспадарчыя таварыствы. Найбольш актыўнай і плённай была праца МТСГ, якое дзейнічала па ўсіх галінах вытворчасці і арганізацыі быту сельскіх гаспадароў. Сярод кірункаў інтэнсіфікацыі сельскай гаспадаркі Беларусі вызначыліся фарміраванне галін сельскагаспадарчай вытворчасці і навуко-

вы падыход да іх развіцця, арганізацыя і функцыянаванне даследчых станцый і дэманстратыўных устаноў. Развіццю прагрэсіўных падыходаў вядзення гаспадаркі і перадавых дасягненняў у сферы земляробства, жывёлагадоўлі, садоўніцтва, пчалярства, лугаводства і іншых галінах вытворчасці спрыяла праведзеная ў 1901 г. у Мінску сельскагаспадарчая і саматужна-прамысловая выстава.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Аграрный вопрос: доклад Г. И. Свентицкого Минскому сельскохозяйственному обществу 5 марта 1906 г. СПб., 1906.
2. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён : у 3 т. Мінск, 2002. Т. 2 : Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З. Е. Абезгаўз [і інш.] ; пад рэд. В. П. Панюціча.
3. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш. Интенсификация // Словарь современных экономических терминов. 4-е изд. М., 2008. С. 133.
4. Кожушков А. И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 1963.
5. Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (II половина XIX в.) / ред. Т. Е. Солодков. Минск, 1971.
6. Экономика Белоруссии в эпоху империализма 1900–1917 / М. Г. Матусевич [и др.] ; под ред. Г. Т. Ковалевско-го [и др.]. Минск, 1963.
7. Жытко А. П. Мадэрнізацыя памешчыцкай гаспадаркі Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.). // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2009. Вып. 4. С. 3–12.
8. Киштымов А. Л. Беларусь на выставках XIX – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 2001.
9. Марченко Т. Н. Подготовка кадров для сельского хозяйства в Беларуси (конец XVIII – начало XX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 2016.
10. Из области сельского хозяйства. Ч. I // Белорус. вестн. 1904. 24 нояб. (№ 4). С. 4.
11. Войнилович Э. Воспоминания. Минск, 2007.
12. Из области сельского хозяйства. Ч. II // Белорус. вестн. 1904. 29 нояб. (№ 9). С. 3.
13. Улучшение мелких хозяйств // Минский листок. 1900. 3 дек. (№ 145). С. 2–3.
14. Общее собрание членов минского общества // Минский листок. 1900. 12 дек. (№ 149). С. 2.
15. В обществе сельского хозяйства // Белорус. вестн. 1904. 9 дек. (№ 4). С. 3.
16. Марьино-Горская сельскохозяйственная школа // Минский листок. 1900. 3 окт. (№ 119). С. 2.
17. Минское полесье // Минский листок. 1900. 12 дек. (№ 149). С. 2.
18. Prywatne biuro meljoraacyjne // Kurjer Litewski. 1905. 28 września. S. 4.
19. Молочное хозяйство // Белорус. вестн. 1904. 2 дек. (№ 12). С. 3.
20. К деятельности общества сельских хозяев // Минский листок. 1900. 12 окт. (№ 123). С. 1–2.
21. Как увеличить молочность коровы? // Белорус. вестн. 1904. 7 дек. (№ 17). С. 3.
22. Меры по поднятию садоводства // Минский листок. 1900. 29 окт. (№ 130). С. 2.
23. Ostroróg-Sadowski J. Uprzemysłowanie Litwy // Kurjer Litewski. 1905. 1 września. S. 2.
24. Улучшение мелких хозяйств // Минский листок. 1900. 5 нояб. (№ 133). С. 3.
25. Общее собрание Минского общества сельского хозяйства // Минский листок. 1900. 22 окт. (№ 127). С. 2–3.
26. Новое страховое общество // Минский листок. 1900. 16 янв. (№ 7). С. 3.
27. O drobny kredyt // Kurjer Litewski. 1905. 11 września. S. 3.
28. Выставка сельского хозяйства // Минский листок. 1900. 1 окт. (№ 118). С. 2.
29. Могилёв, 17 января // Могилёв. губерн. ведомости. 1901. 17 янв. (№ 5). С. 1.
30. Выставка // Минский листок. 1900. 28 нояб. (№ 143). С. 2.

References

1. Agrarnyi vopros: доклад G. I. Sventitskogo Minskomu sel'skokhozyaistvennomu obshchestvu 5 marta 1906 g. [The agrarian question. Report G. I. Sventitsky for Minsk Agricultural Society. March 5, 1906]. Saint Petersburg, 1906 (in Russ.).
2. Gistoryja sjaljanstva Belarusi sa starazhytnyh chasow da nashyh dzjon [The history of the peasantry of Belarus from ancient times to the present day] : in 3 vol. Minsk, 2002. Vol. 2 : Gistoryja sjaljanstva Belarusi ad rjeformy 1861 g. da sakavika 1917 g. [History of Belarus peasantry by the reform of 1861 until March 1917] (in Belarus.).

3. Rajzberg B. A. Intensifikatsiya [Intensification]. *Slovar' sovremennykh ehkonomicheskikh terminov*. Moscow, 2008. P. 133 (in Russ.).
4. Kozhushkov A. I. Razvitie kapitalizma v sel'skom khozyaistve Belorussii vo vtoroi polovine XIX veka [The development of capitalism in agriculture of Belarus in the second half of the XIX century] : avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.02. Minsk, 1963 (in Russ.).
5. Lipinskij L. P. Razvitie kapitalizma v sel'skom khozyaistve Belorussii (II polovina XIX v.) [The development of capitalism in agriculture of Belarus (II half of XIX century)]. Minsk, 1971 (in Russ.).
6. Matusevich M. G. Ekonomika Belorussii v epokhu imperializma 1900–1917 [Economy of Belarus in the epoch of imperialism 1900–1917]. Minsk, 1963 (in Russ.).
7. Zhytko A. P. Madjernizacyja pameshchychkaj gaspadarki Belarusi (drugaja palova XIX – pachatak XX st.) [Modernization of the landlord economy of Belarus (second half of XIX – early XX century)]. *Pratsy gistarychnaga fakul'teta BDU : navuk. zb.* Minsk, 2009. Vol. 4. P. 3–12 (in Belarus.).
8. Kishtymov A. L. Belarus' na vystavkakh XIX – nachala XX v. [Belarus exhibitions XIX – beginning of XX century] : avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.02. Minsk, 2002 (in Russ.).
9. Marchenko T. N. Podgotovka kadrov dlya sel'skogo khozyaistva v Belarusi (konets XVIII – nachalo XX veka) [Training for agriculture in Belarus (the end of XVIII – beginning of XX century)] : avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.02. Minsk, 2016 (in Russ.).
10. Iz oblasti sel'skogo khozyaistva : chast' I [From the field of agriculture : part I]. *Beloruss. vestnik*. 1904. 24 Novemb. (No. 4). P. 4 (in Russ.).
11. Voynilovich E. Vospominaniya [Memories]. Minsk, 2007 (in Russ.).
12. Iz oblasti sel'skogo khozyaistva : chast' II [From the field of agriculture : part II]. *Beloruss. vestnik*. 1904. 29 Novemb. (No. 9). P. 3 (in Russ.).
13. Uluchshenie melkikh khozyaistv [Improvement of small farms]. *Minsk. listok*. 1900. 3 Dec. (No. 145). P. 2–3 (in Russ.).
14. Obshchee sobranie chlenov minskogo obshchestva [The general meeting of the Minsk Society of Agriculture]. *Minsk. listok*. 1900. 12 Dec. (No. 149). P. 2 (in Russ.).
15. V obshchestve sel'skogo khozyaistva [In agriculture society]. *Beloruss. vestnik*. 1904. 9 Dec. (No. 4). P. 3 (in Russ.).
16. Mar'ino-Gorskaya sel'skokhozyaistvennaya shkola [Maryina Horka agriculture school]. *Minsk. listok*. 1900. 3 Oct. (No. 119). P. 2 (in Russ.).
17. Minskoe poles'e [Minsk Polesia]. *Minsk. listok*. 1900. 12 Dec. (No. 149). P. 2 (in Russ.).
18. Prywatne biuro meljoraoyjne [Private office of melioration]. *Kurjer Litewski*. 1905. 28 Sept. P. 4 (in Pol.).
19. Molochnoe khozyaistvo [Dairying]. *Beloruss. vestnik*. 1904. 2 Dec. (No. 12). P. 3 (in Russ.).
20. K deyatelnosti obshchestva sel'skikh khozyaev [Activities farmers society]. *Minsk. listok*. 1900. 12 Oct. (No. 123). P. 1–2 (in Russ.).
21. Kak uvelichit' molochnost' korovy? [How to increase milk yield of cows?]. *Beloruss. vestnik*. 1904. 7 Dec. (No. 17). P. 3 (in Russ.).
22. Mery po podnyatiyu sadovodstva [Measures to gardening raising]. *Minsk. listok*. 1900. 29 Oct. (No. 130). P. 2 (in Russ.).
23. Ostrorog-Sadowski J. Uprzemysłowienie Litwy [Industrialization of Lithuania]. *Kurjer Litewski*. 1905. 1 Sept. P. 2 (in Pol.).
24. Uluchshenie melkikh khozyaistv [Improvement of small farms]. *Minsk. listok*. 1900. 5 Novemb. (No. 133). P. 3 (in Russ.).
25. Obshchee sobranie Minskogo obshchestva sel'skogo khozyaistva [The general meeting of the Minsk Society of Agriculture]. *Minsk. listok*. 1900. 22 Oct. (No. 127). P. 2–3 (in Russ.).
26. Novoe strakhovoe obshchestvo [New insurance company]. *Minsk. listok*. 1900. 12 January (No. 7). P. 3 (in Russ.).
27. O drobny kredyt [About small loan]. *Kurjer Litewski*. 1905. 11 Sept. P. 3 (in Pol.).
28. Vystavka sel'skogo khozyaistva [Exhibition of Agriculture]. *Minsk. listok*. 1900. 1 Oct. (No. 118). P. 2 (in Russ.).
29. Mogilev, 17 yanvarya [Mogilev, 17 January]. *Mogilev. gubernskie vedomosti*. 1901. 17 January (No. 5). P. 1 (in Russ.).
30. Vystavka [Exhibition]. *Minsk. listok*. 1900. 28 Novemb. (No. 143). P. 2 (in Russ.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 30.11.2016.
Received by editorial board 30.11.2016.

УДК 329.12(=161.1)(476)«1905/1917»

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ОРГАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1905 – ФЕВРАЛЕ 1917 г.: СТРУКТУРА И ЧИСЛЕННОСТЬ

Д. С. ЛАВРИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Республика Беларусь

Раскрывается структура либерального лагеря на территории Беларуси в начале XX в. Показаны социальный, национально-конфессиональный и численный состав отделов общероссийских политических партий (конституционные демократы, «Союз 17 октября», Союз для достижения полноправия еврейского народа в России и др.), региональных объединений, действовавших в границах белорусских и соседних губерний (Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси, организации, разделявшие краевую идею, польские национальные партии), а также местных общественных структур, функционировавших на уровне отдельной губернии или города (Могилёвская прогрессивная партия, Северо-Западное русское вече, Белорусское общество, Минское общество врачей и др.).

Ключевые слова: либерализм; конституционные демократы; октябристы; Белорусское общество; еврейские национальные организации; польские партии.

LIBERAL POLITICAL PARTIES AND ORGANIZATIONS IN THE TERRITORY OF BELARUS IN 1905 – FEBRUARY 1917: STRUCTURE AND NUMBER

D. S. LAVRINOVICH^a

^aMogilev State A. Kuleshov University,
Kosmonavtov street, 1, 212022, Mogilev, Republic of Belarus

The article reveals the structure of the liberal camp in the territory of Belarus at the beginning of the XX century. The author shows the structure and characterizes the social, national-confessional and numeral composition of the departments of all-Russian political parties (constitutional democrats, the Union of October 17, the Union for the full rights of the Jewish People in Russia and others), regional associations, operating within the borders of Belarus and neighboring provinces (the Constitutional Catholic party of Lithuania and Belarus, organizations shared the boundary idea, the Polish national parties), as well as local organizations, functioning at the level of certain provinces or towns (Mogilev progressive party, the North-West Russian veche, Belarusian society, Minsk society of doctors and other).

Key words: liberalism; the constitutional democrats; the oktyabrists; Belarusian society; Jewish national organizations; Polish party.

Образец цитирования:

Лавринович Д. С. Либеральные политические партии и организации на территории Беларуси в 1905 – феврале 1917 г.: структура и численность // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Ґісторыя. 2017. № 1. С. 25–31.

For citation:

Lavrinovich D. S. Liberal political parties and organizations in the territory of Belarus in 1905 – February 1917: structure and number. *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 25–31 (in Russ.).

Автор:

Дмитрий Сергеевич Лавринович – доктор исторических наук, профессор; первый проректор.

Author:

Dmitry Lavrinovich, doctor of science (history), full professor; first vice-principal.
lavrin-dmitrij@yandex.ru

В рамках либеральной концепции эволюционного развития государства в начале XX в. шел процесс поиска оптимальной модели социально-политического устройства Российской империи. Либеральные партии и организации играли важную роль в общественно-политической жизни страны, в том числе и на ее западных окраинах.

Целью данной статьи является установление организационной структуры либерального лагеря на белорусских землях в начале XX в., зависимости ее эволюции от изменений общественно-политической ситуации, выявление специфики социального и национально-конфессионального состава политических партий и общественных организаций. По масштабам деятельности все либеральные организации можно разделить на общероссийские, представленные разветвленной сетью отделов; региональные, действовавшие в границах белорусских и соседних губерний; местные, работавшие на уровне отдельной губернии, а чаще – города.

Общероссийские либеральные партии на территории Беларуси были представлены отделами Конституционно-демократической партии (КДП) и «Союза 17 октября». КДП оформилась на учредительном съезде в Москве в октябре 1905 г., на котором участники приняли программу, устав, избрали временный Центральный комитет (ЦК) партии. На втором съезде в Санкт-Петербурге в январе 1906 г. конструирование партии было завершено. Постоянный ЦК возглавил авторитетный земский деятель князь П. Д. Долгоруков. Весной 1906 г. в Российской империи существовало около 360 ячеек КДП, объединявших 50–60 тыс. человек [1, с. 152].

В течение 1905–1906 гг. отделы КДП были образованы на территории белорусских губерний. Так, в Виленской губернии действовали Виленская еврейская кадетская группа, отделы КДП на станции Василишки Лидского уезда, в с. Новые Свенцяны Свенцянского уезда и г. Ошмянах; в Витебской губернии – в г. Витебске и с. Борковичи Витебского уезда, г. Велиже и с. Ильино Велижского уезда, г. Двинске и местечке Креславка Двинского уезда, г. Дриссе, г. Невеле, на станции Изоча и в имении Ломтево Невельского уезда, в г. Режице; в Гродненской губернии – в городах Гродно, Белостоке, Бельске, Брест-Литовске, Волковыске, имении Яблоново; в Минской губернии – в г. Минске, местечке Березино Игуменского уезда, с. Лунинец Пинского уезда, местечке Копаткевичи Мозырского уезда; в Могилёвской губернии – в г. Могилёве, имении Поляково Быховского уезда, г. Гомеле, г. Климовичах и с. Тимоново Климовичского уезда, г. Мстиславле, местечках Лиозно, Любавичи и Толочин Оршанского уезда, г. Сенно, местечке Малятичи и имении Самулево Чериковского уезда [2, с. 323–325].

Виленской еврейской группе был придан статус областного комитета КДП. Ее руководитель И. Д. Ромм должен был координировать деятель-

ность кадетских организаций в Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и Витебской губерниях. Позднее, правда, партийное руководство постановило для Минской, Витебской и Могилёвской губерний образовать отдельный центр [2, с. 59].

Сведения о количестве членов партии в отделах КДП сохранились не полностью. Численность виленских конституционных демократов составляла около 100 человек, столько же членов КДП было в Витебске. Больше всего кадетов насчитывалось в Минске и Могилёве – около 300 человек в каждом из городов [2, с. 323–324].

В состав ячеек КДП входили преимущественно представители интеллигенции, но в ряде мест важную роль играли также помещики, главным образом католики, служащие и зажиточные крестьяне. Как правило, организации конституционных демократов являлись интернациональными, причем в руководстве были представлены и евреи, и поляки, и белорусы. Польские либеральные помещики, изначально поддерживавшие идею создания КДП, в дальнейшем разошлись с кадетами из-за аграрной части программы.

В межреволюционный период кадеты, как и другие партии, оказались в кризисном положении: падала численность партийных рядов, сокращалось количество местных организаций. Так, отделы КДП продолжали действовать в городах Вильно, Витебске, Минске, Могилёве и имении Поляково Быховского уезда [2, с. 157]. После неудачи на выборах в 4-ю Государственную думу в 1912 г. приостановилась деятельность витебских, минских и могилёвских кадетов. Последнее свидетельство о существовании кадетской группы в Вильно относится к лету 1915 г., а вскоре город был оккупирован германскими войсками.

Организационное оформление «Союза 17 октября» началось в ноябре 1905 г. и завершилось на первом партийном съезде в феврале 1906 г. ЦК возглавил лидер московского земства Д. Н. Шипов. К октябристам примыкали прежде всего чиновники, помещики, представители промышленной и финансовой элиты. Всего в 1906 г. было образовано свыше 260 отделов партии октябристов, насчитывавших в совокупности 75–77 тыс. членов [1, с. 110].

В конце 1905 – начале 1906 г. произошло формирование отделов «Союза 17 октября». В Виленской губернии они были созданы в городах Вильно, Вилейке, Молодечно, Свенцянах; в Витебской губернии – в Витебске, Велиже, Двинске, Лепеле, Режице; в Гродненской губернии – в Гродно, Бельске, Слониме; в Минской губернии – в Минске, Бобруйске, Борисове; в Могилёвской губернии – в Могилёве, Гомеле и Рогачёве. Деятельностью октябристов была охвачена и сельская местность: ячейки партии существовали в шести населенных пунктах Двинского уезда и одном населенном пункте Бобруйского уезда [2, с. 326].

Социальный состав партии октябристов на территории Беларуси заметно отличался от отделов «Союза 17 октября» в центральной России. В местных организациях преобладали чиновники, представители православной интеллигенции, духовенство, старообрядцы. В некоторых отделах значительную долю составляли крестьяне. Помещиков в «Союзе 17 октября» на территории Беларуси, за исключением Могилёвской губернии, было мало.

Информация о численности членов партии сохранилась не полностью. Их количество в некоторых отделах было довольно значительным: в Витебске и Гомеле в октябристы записалось около 1000 человек, в Гродно – 434, Могилёве – 100. В результате пропагандистской кампании Минского отдела «Союза 17 октября» и поддержки местной администрации к началу 1907 г. численность октябристов в Минской губернии достигла максимальной отметки – 21 300 человек. В целом на рубеже 1906–1907 гг. количество членов «Союза 17 октября» в Беларуси составило примерно 26–28 тыс. человек, хотя активно из них действовали не более 5 тыс. [2, с. 119].

С 1908 г. численность «Союза 17 октября» начала резко сокращаться. Этому способствовало увлечение партийного руководства тактикой Думы, заброшенность работы с местными отделами, которые продолжали функционировать в городах Вильно, Вилейке, Витебске, Двинске, Лепеле, Режице, Гродно, Бельске, Слониме, Минске, Могилёве, Гомеле и Рогачёве [2, с. 326]. Ухудшение отношений между фракцией «Союза 17 октября» и Советом министров привело к тому, что в 1910–1911 гг. некоторые отделы перешли в состав новой проправительственной партии – Всероссийского национального союза.

К началу избирательной кампании в 4-ю Государственную думу «Союз 17 октября» уже не представлял серьезной политической силы на территории Беларуси. В 1913 г. в Санкт-Петербурге состоялось последнее всероссийское совещание партии «Союз 17 октября» с участием партийцев из городов Витебска, Лепеля, Режицы, Могилёва и Бельска, а в 1914–1915 гг. структуры партии вне Государственной думы полностью распались.

Местные представители входили также в состав общероссийских либеральных партий, которые не имели организованных структурных подразделений на территории Беларуси: Партии мирного обновления (ПМО), Партии прогрессистов и др. ПМО образовалась летом 1906 г. на базе группы умеренных октябристов во главе с Д. Н. Шиповым. В политическом спектре партия заняла место между «Союзом 17 октября» и КДП. Октябристы в белорусских губерниях остались верны своей партии. Программу ПМО поддерживали главным образом помещики римско-католического вероисповедания. Так, сторонниками партии в Минской губернии были крупные землевладельцы Р. А. Скирмунт и князь И. Э. Друцкой-Любецкий [3]. В межреволюционный период

мирнообновленцы, которые так и не смогли составить реальной конкуренции ни октябристам, ни кадетам, приняли участие в создании Партии прогрессистов. Под понятием «прогрессисты» исследователи объединяют политически активную часть российских предпринимателей и либеральную интеллигенцию [4, с. 110]. Организационно Партия прогрессистов оформилась в 1912 г. Ее руководящее ядро составили представители московских деловых кругов во главе с П. П. Рябушинским. В либеральном лагере России Партия прогрессистов, как и ПМО, занимала положение между «Союзом 17 октября» и КДП. Отделов Партии прогрессистов на территории Беларуси не было, так как ее социальную базу в России составляли предпринимательские круги, прежде всего старообрядческие, тесно связанные с Московским промышленным районом, русские помещики, казаки, представители столичной интеллигенции – участники так называемых московских экономических бесед 1908–1909 гг. Настоящих прогрессистов в Беларуси были единицы, например Ф. И. Лошкейт – депутат 4-й Государственной думы от Гродненской губернии [5, с. 185]. В реальности же под названием «прогрессисты» в белорусских городах фигурировали местные либеральные деятели, по большей части беспартийные, которые противостояли реакционерам.

Из национальных общероссийских партий и организаций на территории Беларуси наиболее активно действовали еврейские объединения. В марте 1905 г. на съезде еврейских общественных деятелей в Вильно был образован Союз для достижения полноправия еврейского народа в России. В его программу вошли следующие требования: отмена законов, ограничивавших права евреев, а также специальных налогов и сборов; участие евреев в выборах и деятельности общероссийского народного представительства; национально-культурное самоопределение в форме широкой автономии общин, свободы языка и школьного обучения. Хотя местом расположения центральных органов организации был определен Санкт-Петербург, отделы союза вскоре образовались во многих регионах Российской империи, в том числе в городах Вильно, Белостоке, Витебске, Гомеле, Гродно, Игумне, Могилёве, Невеле, Орше, Пинске, Слониме и других местах [2, с. 98].

В 1905 – весной 1906 г. Союз для достижения полноправия еврейского народа в России был самой влиятельной еврейской политической организацией в Российской империи. На территории Беларуси его члены, как правило, действовали совместно с кадетской партией. Однако после роспуска 1-й Государственной думы к осени 1906 г. неудачи в борьбе за равноправие и усилившиеся репрессии со стороны властей заставили многих еврейских либералов задуматься о целесообразности дальнейшего существования союза.

Сионисты решили действовать самостоятельно. В ноябре 1906 г. они провели свой съезд в г. Гельсингфорсе. Здесь была принята так называемая программа синтетического сионизма, т. е. совмещения идеи о создании еврейского государства в Палестине с борьбой за национально-культурную автономию в диаспоре. Также была создана Всероссийская сионистская организация в Вильно, которая, по сути, превратилась в политическую партию либерального направления [2, с. 105].

В конце 1906 г. по инициативе историка С. М. Дубнова образовалась Еврейская народная партия (Фолькспартей). Она была представлена преимущественно интеллигенцией и действовала в фарватере российских кадетов. Большинство оставшихся членов Союза для достижения полноправия еврейского народа в России объединились в феврале 1907 г. в Еврейскую народную группу (ЕНГ) во главе с присяжным поверенным М. М. Винавером. В нее вошли главным образом евреи – члены КДП. В черте еврейской оседлости возникло много отделений ЕНГ, а в мае 1907 г. состоялся даже областной съезд отделений Северо-Западного края [2, с. 107].

В межреволюционный период 1907–1917 гг. политическая деятельность еврейских национальных партий и организаций продолжилась в союзе с КДП. Правительству, однако, удавалось эффективно блокировать попытки еврейских либералов использовать для своих целей Государственную думу. Неспособность кадетов добиться каких-либо уступок со стороны царского правительства толкнула значительную часть еврейских либералов на сотрудничество с социалистами и еврейскими националистами.

Помимо общероссийских партий и организаций, в общественно-политической жизни на территории белорусских губерний активно участвовали региональные политические объединения. В либеральном лагере в силу специфики национально-конфессиональной и социальной ситуации в крае они были представлены преимущественно Конституционно-католической партией Литвы и Беларуси (ККПЛиБ), организациями, разделявшими так называемую краевую идею, и польскими национальными партиями.

Начало деятельности ККПЛиБ следует вести от образования в конце 1905 г. организаций, направленных на объединение католиков. В ноябре 1905 г. по инициативе епископа Э. фон Роппа в Вильно оформилось католическое общество рабочих и ремесленников «Единство» [6, с. 145]. В конце года был образован Исполнительный комитет краевой обороны в Вильно, выпустивший обращение к местным католикам с призывом объединяться для защиты своих прав [7], а 7 февраля 1906 г. в зале железнодорожного кружка состоялось первое учредительное собрание ККПЛиБ, на котором присутствовало 800 лиц разных сословий со всего Северо-Западного края [8].

Печатным органом ККПЛиБ выступали газета «Новины Виленские», еженедельники «Друг народа» и «Товарищ труда», издателем которых был Э. фон Ропп, а редактором – Л. Богданович [6, с. 146]. В конце февраля 1906 г. епископ стал владельцем ежедневной газеты «Курьер литовский», редактором которой являлся известный поэт и публицист Ч. Янковский [9, с. 45]. Отделы ККПЛиБ были открыты в городах Белостоке, Витебске, Гродно и Могилёве. Предполагается, что в партию вступили несколько тысяч человек [6, с. 152; 10, с. 64].

Фактически ККПЛиБ защищала интересы католического духовенства и консервативной части польских аграриев. Пользовавшаяся значительным влиянием на католическое население оппозиционная партия и ее лидер подвергались резкой критике со стороны местных и столичных монархических изданий и организаций, негативно воспринимались властями. В итоге ККПЛиБ была запрещена, но Э. фон Ропп и его сторонники продолжили свою деятельность и добились успеха на выборах в 1-ю Государственную думу. После роспуска Думы в июле 1906 г. ККПЛиБ продолжала действовать нелегально. Так, 22 сентября 1906 г. гродненский губернатор доносил в МВД, что хотя ККПЛиБ признается официально закрытой, но «фактически и в настоящее время продолжает нелегально существовать, имея свою организацию, в состав которой входят преимущественно местные помещики и католическое духовенство» [11, л. 92 об.]. Губернатор отмечал, что во главе приходских отделов стояли ксендзы, наиболее энергичными агитаторами среди которых были Соболевский, Михневич, Гродский и Ярош. Численность сторонников католической партии не была установлена [11, л. 92 об.]. МВД приказало усилить репрессии против ККПЛиБ, считая ее наиболее опасной оппозиционной партией в крае. В октябре 1907 г. Э. фон Ропп, несмотря на протесты Ватикана, был уволен с занимаемой должности. В обстановке политической реакции ККПЛиБ свернула свою деятельность, однако некоторые исследователи считают, что нелегально она просуществовала еще несколько лет [12, с. 274].

Деятельность католических политических организаций активизировалась только с началом Первой мировой войны. В 1915 г. в Западной Беларуси, оккупированной немцами, началось формирование очередной партии – «Хрысціянскай злучнасці». В качестве ее социальной опоры рассматривались все католики, однако вступали в партию главным образом представители духовенства [13, с. 230]. Процесс создания данного объединения завершился в 1917–1918 гг.

В 1905–1907 гг. Р. А. Скирмунт разработал проект и план создания Краевой партии Литвы и Беларуси (КПЛиБ). Она должна была состоять из трех самостоятельных фракций – польской, литовской и белорусской, которые поддерживали бы связи друг

с другом путем участия в общих съездах. При этом Р. А. Скирмунт хотел, чтобы новая партия благожелательно относилась к белорусскому национальному движению. В середине июня 1907 г. в Вильно собрался учредительный съезд, на который прибыли 30 человек. Они представляли главным образом польских помещиков и интеллигенцию. В результате КПЛиБ был придан польский национальный характер, а не тот, которого добивался Р. А. Скирмунт, из-за чего он сам в партию не вошел. Председателем совета КПЛиБ был избран Э. Войнилович. Печатным органом КПЛиБ стала газета «Польский голос» [14, с. 10]. Партия стремилась выражать интересы польских землевладельцев края. Популярностью она не пользовалась, активности не проявляла и к началу 1908 г. оказалась на грани распада. Этим решил воспользоваться Р. А. Скирмунт и попытаться снова реализовать свой план. Он вступил в партию, но улучшить положение не смог [14, с. 10].

Из польских национальных организаций самой влиятельной была национально-демократическая партия (НДП), созданная в 1897–1905 гг. Ее ядро располагалось на территории Царства Польского, но подразделения функционировали в белорусских губерниях. Во главе НДП стояли авторитетные политические деятели Р. Дмовский, З. Балицкий, Я. Поплавский, В. Грабский и др. [15, с. 387]. Национальные демократы (эндеки) опирались в своей деятельности на средние слои населения: аграриев, предпринимателей, интеллигенцию. Отстаивая польские национальные интересы, они стремились избегать прямой конфронтации с царским правительством, активно участвовали в выборах в Государственную думу и ее работе.

Летом 1907 г. на съезде польских общественных деятелей, входивших в состав либо сочувствовавших КДП, был образован Польский демократический союз (ПДС), программа которого сочетала основные постулаты краевой идеологии и защиту польских национальных интересов. В Главный комитет ПДС входили К. Гарделковский, К. Демидецкий-Демидович, В. Нитославский и др. Была начата работа по созданию местных отделов в Виленской, Витебской и Минской губерниях, но фактически развернуть в полном масштабе свою деятельность союз не смог [6, с. 238].

Осенью 1907 г. в Вильно начал формироваться Польский союз краевого труда, позднее переименованный в Союз социального труда. Программные документы данной организации были напечатаны в газете «Курьер литовский». К февралю 1908 г. членами союза стали многие видные местные польские деятели: В. Барановский, А. Хаминский, С. Ванькович и др. [6, с. 239–240]. Однако значительной политической силой Союз социального труда не стал.

Политические партии, союзы и организации местного (губернского, уездного, городского) масштаба образовывались преимущественно в период

высшего подъема революции 1905–1907 гг. Часть из них стала базой для формирования отделов общероссийских партий, другие смогли занять собственную нишу, как правило, связанную с защитой конкретных национальных либо социальных интересов, и просуществовать длительное время. К организациям первого типа относилась Могилёвская прогрессивная партия, созданная в августе 1905 г. В нее вошли либерально настроенные помещики, чиновники и интеллигенты, пытавшиеся приспособиться к изменившимся условиям общественно-политической жизни. Председателем партии был избран крупный землевладелец князь Н. Н. Друцкой-Соколинский. Численность организации составляла приблизительно 50 человек. На рубеже 1905–1906 гг. на основе Могилёвской прогрессивной партии сформировался Могилёвский отдел «Союза 17 октября» [2, с. 111].

В конце октября 1905 г. в Витебске возник Союз мира, главной целью которого было поддержание порядка в период подъема стачечной борьбы. В уставе организации отмечалось, что союз, не образуя никакой определенной политической партии, будет заниматься «изысканием мер для мирного проведения в жизнь гражданской свободы, возвещенной высочайшим Манифестом 17 октября 1905 г. и осуществлением прав, вытекающих из того же манифеста» [2, с. 113]. В организацию записался 181 витеблянин. Руководило работой Союза мира бюро из 12 человек во главе с преподавателем Витебской духовной семинарии В. В. Богдановичем. В декабре того же года Союз мира стал основой для создания Витебского отдела партии октябристов [2, с. 114].

Осенью 1905 г. начала формироваться октябристская организация в г. Лепеле. Там также сначала была образована своя праволиберальная организация – Партия мира и порядка. Она насчитывала около 150 человек и не ставила перед собой политических целей, следя только за порядком в городе, так как ожидалось волнения из-за призыва новобранцев в армию. Председателем партии являлся податной инспектор А. А. Петров. Впоследствии Партия мира и порядка была преобразована в Лепельский отдел «Союза 17 октября» [2, с. 115].

К октябристам примкнул и виленский железнодорожный Конституционный союз, позднее преобразованный в железнодорожный отдел «Союза 17 октября», под председательством чиновника управления Полесских железных дорог А. А. Чаманского [2, с. 118].

Ближайшим союзником октябристов являлось Северо-Западное русское вече (СЗРВ), образованное в Вильно в декабре 1905 г. В данной организации, насчитывавшей около 500 членов, состояли главным образом чиновники, учителя и священники, много было и старообрядцев. СЗРВ издавало газету «Белая Русь». Лидеры организации рассматривали свою партию как оборонительную

организацию русского населения, которая в перспективе, как предполагалось, могла превратиться в национально-либеральную партию. Белорусов члены СЗРВ считали частью русского народа, хотя и признавали, что они имеют свои национальные особенности. Для противодействия ополчению идеологи СЗРВ допускали содействие пробуждению национального самосознания у белорусов, ратовали за создание начальной школы с преподаванием на белорусском языке. Особая позиция СЗРВ в белорусском вопросе объяснялась желанием сохранить Северо-Западный край в составе Российской империи [2, с. 128]. В конце 1906 г. местные октябристы и СЗРВ сформировали общую надпартийную организацию – Русский окраинный союз, в рамках которого они в блоке с правыми монархистами участвовали в выборах во 2-ю Государственную думу и 3-ю Государственную думу.

В начале 1906 г. в Вильно было учреждено общество «Крестьянин» – краевая организация право-октябристского направления, издававшая одноименный журнал. Ее поддерживали зажиточные крестьяне, чиновники, православное духовенство, часть интеллигенции. Численность организации составляла около тысячи человек [2, с. 202].

На протяжении 1906–1907 гг. происходила эволюция общества «Крестьянин» вправо. Либерально настроенная часть членов организации, состоящая преимущественно из демократических городских слоев, решила создать собственное объединение – Белорусское общество, и 8 ноября 1908 г. виленский губернатор утвердил его устав. Председателем общества стал Л. М. Солоневич, его заместителем – П. В. Коронкевич. Политическая платформа Белорусского общества была утверждена 21 декабря 1908 г., а опубликована 9 февраля 1909 г. в сигнальном номере газеты «Белорусская жизнь». Разделяя общие положения идеологии западнорусизма, члены Белорусского общества, однако, считали, что белорусы имеют свою историю, а также особые интересы в настоящем, которые они должны защищать сами, не полагаясь на местных октябристов и крайних монархистов. Деятельность общества была направлена на повышение уровня благосостояния, образования и культуры белорусского населения, которое рассматривалось прежде всего как крестьянское. Организация продолжала действовать до середины 1915 г., когда Вильно был занят германскими войсками [2, с. 225].

В либеральном движении участвовали и многие профессиональные объединения. В качестве

примера можно привести Общество минских врачей, основанное в 1867 г. По свидетельству доктора М. А. Поляка, «в связи с переживаемым страной моментом общество то занималось одними научными вопросами, то оно обсуждало вопросы общественной медицины и проводило в жизнь разные практические мероприятия, то оно оказывалось в сфере разных политических брожений» [2, с. 36]. С начала 1904 г. не прошло ни одного заседания, в котором его члены не выражали бы своего «негодования против произвола и насилия правительственного режима в России» [2, с. 36]. В политической сфере Общество минских врачей следовало указанию 2-го Пироговского съезда врачей и представителей врачебно-санитарных организаций городов и земств о необходимости полной реорганизации государственного строя на демократических началах.

Таким образом, на территории Беларуси в начале XX в. были представлены либеральные партии и организации как общероссийского, так и местного (регионального, городского) уровня. Из общероссийских партий наиболее влиятельными являлись КДП и «Союз 17 октября», располагавшие разветвленной сетью отделов. Наибольшей численности они достигли в 1906–1907 гг., сумев привлечь в свои ряды местных аграриев (в том числе крестьян), финансовых и промышленных деятелей, чиновников, интеллигенцию. В кадетской партии большую роль играли представители национальных элит (еврейской и польской). Среди октябристов было много старообрядцев. В межреволюционный период обе партии, придерживаясь преимущественно деятельности в Думе, не смогли сохранить сеть местных отделов. Национальные общероссийские либеральные партии и организации в белорусских губерниях представляли Союз для достижения полноправия еврейского народа в России и выделившиеся из него впоследствии Всероссийская сионистская организация, Еврейская народная партия и ЕНГ, ориентировавшиеся главным образом на КДП. Из региональных либеральных организаций наиболее значимой в годы первой российской революции была ККПЛиБ, сумевшая объединить представителей различных социальных групп католиков. Имели поддержку среди населения и польские национальные организации. Активными игроками на политической сцене в Вильно были в 1906 г. СЗРВ, а в 1908–1915 гг. Белорусское общество, ориентировавшиеся на служащих, часть интеллигенции, зажиточных крестьян, православное духовенство.

Библиографические ссылки

1. Политические партии России: история и современность / отв. ред. А. И. Зевелев [и др.]. М., 2000.
2. Лавринович Д. С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.). Могилёв, 2015.
3. Местная хроника // Минская речь. 1906. 15 июля. С. 3.

4. Селецкий В. Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996.
5. Забаўскі М. М. Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.). Мінск, 1999.
6. Смалянчук А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. СПб., 2004.
7. Конституционно-католическая партия // Бела Русь. 1906. 12 марта. С. 2–3.
8. Первое учредительное собрание Конституционно-католической партии // Новая заря. 1906. 9 февр. С. 3.
9. Смалянчук А. Ф. Беларускае пытанне ў польскім друку ў Вільні // Весці Акадэміі навук Беларусі. 1994. № 4. С. 44–51.
10. Мартюхова М. А. На переломе революции: общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с учреждением Государственной думы в России (август 1905 – июль 1906 г.). Минск, 1986.
11. Рос. гос. ист. арх. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157.
12. Постников Н. Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века : энциклопедия / редкол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. М., 1996. С. 273–274.
13. Сташкевич Н. С., Романовский И. Ф. Помещичье-монархические партии и организации в Белоруссии // Палітычныя партыі Беларусі. Мінск, 1994.
14. Смалянчук А. Раман Скірмунт: шлях да Беларусі // Спадчына. 1994. № 6. С. 6–11.
15. Веденеева В. Национально-демократическая партия // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века : энциклопедия / редкол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. М., 1996. С. 386–387.

References

1. Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost' [Political parties of Russia: history and the present]. Moscow, 2000 (in Russ.).
2. Lavrinovich D. S. Deyatel'nost' obshcherossiiskikh liberal'nykh partii na territorii Belarusi (1905–1918 gg.) [Activity of the all-Russian liberal parties in the territory of Belarus (1905–1918)]. Mogilev, 2015 (in Russ.).
3. Mestnaya khronika [Local chronicle]. *Minskaya rech'*. 1906. 15 July. P. 3 (in Russ.).
4. Seletsky V. N. Progressizm kak politicheskaya partiya i ideinoe napravlenie v russkom liberalizme [Progressism as the political party and ideological direction in Russian]. Moscow, 1996 (in Russ.).
5. Zabavsky M. M. Rasijskaja Dzarzhawnaja дума w gramadska-palitychnym zhycci Belarusi (1906–1917 gg.) [Russian State Duma in the social and political life of Belarus (1906–1917)]. Minsk, 1999 (in Belarus.).
6. Smaljanchuk A. F. Pamizh krajovascju i nacyjanal'naj idziejaj. Pol'ski ruh na belaruskich i litowskich zemljah. 1864 – luty 1917 g. [Between the edgeness and the national idea. Polish movement in Belarusian and Lithuanian lands. 1864 – February, 1917]. Saint Petersburg, 2004 (in Belarus.).
7. Konstitutsionno-katolicheskaya partiya [Constitutional and Catholic party]. *Belaya Rus'*. 1906. 12 March. P. 2–3 (in Russ.).
8. Pervoe uchreditel'noe sobranie Konstitutsionno-katolicheskoi partii [First Constituent Assembly of Constitutional and Catholic party]. *Novaya zarya*. 1906. 9 Febr. P. 3 (in Russ.).
9. Smaljanchuk A. F. Belaruskoe pytanne w pol'skim druku w Vil'ni [Belarusian question in Polish editions in Vilno]. *Vesci Akademiі navuk Belarusi*. 1994. No. 4. P. 44–51 (in Belarus.).
10. Martjukhova M. A. Na perelome revolyutsii: obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Belorussii v svyazi s uchrezhdeniem Gosudarstvennoi dumy v Rossii (avgust 1905 – iyul' 1906 g.) [On a revolution change: The social and political movement in Belarus in connection with the establishment of the State Duma in Russia (August, 1905 – July, 1906)]. Minsk, 1986 (in Russ.).
11. Russ. State Hist. Archive. Fund 1284. Regist. 187. File 157 (in Russ.).
12. Postnikov N. Konstitutsionno-katolicheskaya partiya Litvy i Belarusi [Constitutional and Catholic party of Lithuania and Belarus]. In: *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka : entsiklopediya* [Political parties of Russia. The end of the XIX – the first third of the XX century. Encyclopedia]. Moscow, 1996. P. 273–274 (in Russ.).
13. Stashkevich N. S., Romanovsky I. F. Pomeschchich'e-monarkhicheskie partii i organizatsii v Belorussii [Landowners and monarchist parties and the organizations in Belarus]. *Palitychnyja partyi Belarusi*. Minsk, 1994 (in Russ.).
14. Smaljanchuk A. Raman Skirmunt: shljah da Belarusi [Roman Skirmunt: way to Belarus]. *Spadchyna*. 1994. No. 6. P. 6–11 (in Belarus.).
15. Vedeneyeva V. Natsional'no-demokraticheskaya partiya [National Democratic Party]. In: *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka : entsiklopediya* [Political parties of Russia. The end of the XIX – the first third of the XX century. Encyclopedia]. Moscow, 1996. P. 386–387 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 06.10.2016.
Received by editorial board 06.10.2016.

УДК 930.1(476)«193/194»

НАПИСАНИЕ УЧЕБНИКА ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ «БОРЬБЫ НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ» (1930–40-е гг.)

В. В. ЯНОВСКАЯ¹⁾, О. А. ЯНОВСКИЙ²⁾

¹⁾Институт истории Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Республика Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматривается период с 1934 по 1945 г., когда белорусскими историками было предпринято несколько попыток написать пособие по истории Беларуси («История Белоруссии», «Нарыс гісторыі Беларусі», «История БССР»). Прослежен сложный путь создания обобщающей работы, которая и по названию, и по форме издания, а тем более по научной составляющей содержания за короткое время претерпела существенные изменения. Отмечено, что эта работа планировалась то как учебник для школ и учреждений высшего образования, то как некое обобщающее исследование в нескольких томах или частях, то как однотомное издание. Показано, что в условиях предвоенного времени написание учебника по истории БССР приобрело ярко выраженный политический характер, а в годы Великой Отечественной войны, несмотря на тяжелейшие условия и кадровые потери, работа не только не остановилась, но ей был придан сильнейший импульс. На основе архивных материалов, документов из личных фондов В. И. Пичеты и В. Н. Перцева представлены обстоятельства переплетения творческих исканий историков в постижении прошлого белорусов и неоднозначных, менявшихся партийно-идеологических установок.

Ключевые слова: история БССР; учебник; белорусские историки; идеологические установки; Вторая мировая война; В. И. Пичета; В. Н. Перцев; БГУ; Академия наук БССР.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственной программы научных исследований 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (подпрограмма № 1 «История и культура»).

WRITING TEXTBOOK OF BELARUSIAN HISTORY IN CONDITIONS OF «STRUGGLE ON THE IDEOLOGICAL FRONT» (1930–40s)

V. V. YANOUSKAJA^a, A. A. YANOUSKI^b

^aInstitute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Academic street, 1, 220072, Minsk, Republic of Belarus

^bBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Corresponding author: helgoleg@mail.ru

Article is devoted to the attempts of Belarusian historians to create textbook on Belarusian history under different titles, made by them in 1934–1945. The difficult fate of this comprehensive work is traced: the book undergone significant changes within short period in title, type of publication, not to mention scientific approaches and contents. Planned publications' types varied from school and university textbooks to summarizing work in one or several volumes. In conditions of pre-war period the very preparation of such work has received strong political character. During the Great Patriotic War the work not

Образец цитирования:

Яновская В. В., Яновский О. А. Написание учебника истории Беларуси в условиях «борьбы на идеологическом фронте» (1930–40-е гг.) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 32–40.

For citation:

Yanouskaja V. V., Yanouski A. A. Writing textbook of Belarusian history in conditions of «struggle on the ideological front» (1930–40s). *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 32–40 (in Russ.).

Авторы:

Валентина Васильевна Яновская – кандидат исторических наук, доцент; заведующий отделом историографии и методов исторического исследования.

Олег Антонович Яновский – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета.

Authors:

Valiantsina Yanouskaja, PhD (history), docent; head of the department of historiography and methods of historical research.

janval@mail.ru

Aleh Yanouski, PhD (history), full professor; head of the department of Russian history, faculty of history.

helgoleg@mail.ru

only hasn't stopped despite all the hardships and personnel losses, but even received serious boost. Details of how Belarusian historians' creative research in native history intertwined with questionable and changing political and ideological guidelines were revealed and demonstrated based on collision archival materials and private collections of academicians Vladimir Picheta and Vladimir Pertsev.

Key words: history of the BSSR; textbook; Belarusian historians; ideological guidelines; World War II; Vladimir Picheta; Vladimir Pertsev; Belarusian State University; Academy of Sciences of the BSSR.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the State program of researching works on the 2016–2020 years named «The economy and human development of the Belarusian society» within the subprogram No. 1 «History and culture».

Белорусская земля на протяжении всей своей письменной истории практически всегда первой среди восточнославянского мира подвергалась разрушительным ударам завоевателей. Нападение фашистской Германии на СССР 22 июня 1941 г. стало для нового поколения белорусов невиданной катастрофой, отразившейся во всех сферах их жизнедеятельности, в том числе на образовании и науке, которые, несмотря на огромные потери в кадровом потенциале за время репрессий, имели очевидные перспективы своего развития. Они и должны были демонстрироваться 24–28 июня 1941 г. на готовившейся юбилейной университетской научной сессии по случаю 20-летия Белорусского государственного университета – первой высшей школы БССР.

Среди докладчиков сессии были приглашены и историки, которые на тот момент еще не справились с выполнением масштабного, политически острого задания отразить в национальных учебниках по истории для школ и учреждений высшего образования (УВО) официальную линию в понимании прошлого с ориентацией на матрицу, определенную для написания учебников по истории народов СССР лично Сталиным. Оказалось, что спешно создать труд по истории белорусов в рамках пока еще размытой логики было сложно и рискованно. Довлело и неутихавшее гонение на так называемое нацдемовское прочтение истории, которое якобы пронизывало учебники, написанные в первое советское десятилетие белорусами В. М. Игнатовским, М. В. Довнар-Запольским, В. Ю. Ластовским и всецело «прикипевшим» к Беларуси В. И. Пичетой.

Однако вместо научных дискуссий и представления интеллектуальных находок исследователям пришлось испытать тяготы военного времени. Многие ученые воевали на фронтах, в партизанских отрядах, вливались в ряды подпольщиков, приближали победу в тылу. По оценке ректора БГУ П. П. Савицкого, который уже после войны в Москве защитил кандидатскую диссертацию, посвященную анализу потерь Беларуси за время фашистского оккупационного режима, только в июне 1941 г. около 450 представителей коллектива университета (из них почти 50 преподавателей) были призваны в Красную армию [1, л. 6–14].

Война разбросала и без того немногочисленные научные кадры БССР. Но вопрос о создании учебника по истории не откладывался до победы над врагом, а еще более актуализировался в военное время. Многогранный путь, которым шли ученые, и ранее был напрямую связан с «политической необходимостью». На сущностные парадигмы учебника, равно как и на судьбы его авторов и их постоянную ротацию, оказывали сильнейшее воздействие «борьба на идеологическом фронте», советско-немецкие и советско-польские отношения 1930-х гг., явная фронтность Беларуси в масштабах СССР, а также собственно необходимость выявить в истории белорусов национальную составляющую при одновременной ее гармонизации с интернационально-советской, а главное – русской историей. На это нацеливали политически заостренные названия школьных и университетских курсов – «История СССР» и «История народов СССР».

Обратим более пристальное внимание на обстоятельства предвоенных лет. Фактически работа над новым учебником по истории БССР вернулась с начала 1930-х гг. Эту задачу призваны были решить ученые Института истории Белорусской академии наук (БАН), оформившегося уже в 1929 г., и исторического факультета БГУ, созданного в 1934 г. В условиях острой нехватки кадров большинство историков совмещали работу в обоих учреждениях. Так, первый декан исторического факультета БГУ и он же вице-президент БАН, а также заместитель директора Института истории БАН В. К. Щербаков в отчете о работе факультета в 1936 г. отметил, что большинство преподавателей – сотрудники БАН (в том числе два академика). При этом он озвучил печальную статистику: на май 1936 г. в БССР насчитывалось всего лишь 63 историка, уровень профессионализма которых «зусім не задавальняе» [2].

Содержание учебника должно было окончательно развенчать так называемое нацдемовское прочтение белорусской истории, осуществленное, по мнению идеологов, в 1920-х гг. В работе предполагалось предугадать еще только формирующиеся в кремлевских стенах тезисы-установки на усвоение истории народов СССР. Одновременно учебник должен был стать неким образцом для всякого

исследования по конкретной тематике и тем самым пресечь возможные искажения и вольную интерпретацию тех или иных сюжетов.

Для конкретизации плана действий в начале 1935 г. была созвана 1-я Всебелорусская конференция историков, организованная БГУ и Институтом истории БАН. Конференция собрала более 100 ученых республики. В ней также участвовали приглашенные историки из Москвы, Ленинграда и Харькова. Все признали главной задачей на ближайшие годы написание учебников по истории БССР и краткой истории КП(б)Б. В качестве их основы еще на стадии подготовки к конференции был назван недавно изданный том хрестоматии по белорусской истории¹. На важность данной работы вскоре указал историкам председатель СНК БССР Н. Н. Голодод, специально принявший их делегацию.

Осуществлять государственное задание были призваны историки недавно созданных научных структур – кафедры истории народов СССР БГУ и секторов Института истории БАН, в практике работы которых белорусская история выступала в качестве самостоятельного предмета преподавания и научных исследований, хотя и рассматривалась непременно в контексте истории СССР. Дефицит историков-белорусистов вынуждал Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) БССР искать специалистов в России, хотя такой путь не всегда оправдывал ожидания. Связано это с тем, что российские историки, как не раз отмечалось в университетских отчетах, могли исполнять свои обязанности, только периодически приезжая в Беларусь (например, так мог работать в БГУ назначенный заведующим профильной кафедрой В. В. Мавродин) [3; 4, л. 61]. Не сразу продвинулось дело и после приглашения на университетскую кафедру уроженца Перми молодого ученого-россиеведа А. П. Пьянкова.

Первыми членами авторского коллектива по написанию учебника являлись главным образом белорусские исследователи: В. К. Щербаков, Е. И. Корнейчик, А. Н. Лявданский, К. И. Керножицкий, И. Т. Пшеничный, И. Ф. Лочмель, Д. А. Дудков и др. Для консультаций в БГУ и Институт истории БАН приглашались ученые из Москвы и Ленинграда: М. Г. Седов, В. В. Мавродин, К. В. Базилевич, Е. А. Мороховец, В. Н. Бочкарев и др. [4, л. 10, 18, 54]. Однако результата достичь так и не удалось.

В 1937 г. белорусские историки подверглись жестокому репрессиям, выжить после которых удалось далеко не всем. Уцелевшие ученые пытались освоить новые парадигмы, разрушить стереотипы, навязанные школой Покровского. За короткое время укрепилось новое осознание того, какой должна быть история БССР. Этому способствовали издания учебника «Краткий курс истории ВКП(б)» и разработка

программы так называемого линейного преподавания истории в школе, согласно которой в третьих и четвертых классах должен был изучаться элементарный курс истории СССР. Наконец, одобренный и даже отредактированный лично Сталиным, в 1937 г. вышел учебник «Краткий курс истории СССР», изданный под редакцией А. В. Шестакова. Разумеется, назидательными были и судьбы российских коллег, не сумевших освоить сталинские установки, в частности С. А. Пионтковского, отмеченного не только своим научным авторитетом, но и причастностью к преподаванию в БГУ в начале 1920-х гг. [5, с. 343, 353–357; 6, с. 237–239, 245, 249–251].

Организационная и исследовательская работа перед началом Великой Отечественной войны так и не была завершена. Оказалось, что соавторы во многом по-разному понимали включенность истории БССР в историю народов СССР на различных этапах, несмотря на то, что власть уже признала несколько вариантов прочтения последней и были изданы не только школьные, но и университетские учебники. Перманентные дискуссии на научно-идеологической почве, которые постоянно велись в БССР, приводили лишь к перетасовкам в авторском коллективе и напряженности в личных отношениях ученых, не говоря уже об абсолютной подчиненности научного творчества историков постоянно менявшимся установкам отдела пропаганды ЦК КП(б)Б, работники которого сами все активнее включались в работу над текстом.

Однако, как показал дальнейший ход событий, идеологически выверенное прочтение белорусской истории могли осуществить лишь новые кадры, которые еще следовало подготовить. Кроме того, пришлось задействовать историков, которые рекомендовали себя не как специалисты в области истории Беларуси, а как ученые, понявшие властные установки и способные оперативно на них реагировать. Но были нужны и звучные имена среди рядовых членов авторского коллектива, поэтому обращение за помощью к настоящим ученым старой выучки – В. И. Пичете, очевидно сломленному ссылкой, А. А. Савичу, который хотя и избежал прямых репрессий, но был серьезно гоним и в 1920-х, и в 1930-х гг., – представлялось для партийного и научного руководства БССР несколько рискованным, но вынужденным шагом в решении столь важного вопроса.

В результате 27 сентября 1938 г. недавно назначенный директор Института истории Академии наук БССР Н. М. Никольский в дружеском письме к В. И. Пичете, ссылаясь на поручение президента академии К. В. Горева, писал своему давнему коллеге и товарищу следующее: «Академия наук БССР считала бы огромным приобретением для обеспечения ее работы, если бы Вы согласились

¹ См.: Звезда. 1934. 6, 9, 10 студз.

вернуться в среду научных работников академии. Конкретно мы желали бы, чтобы Вы взяли на себя руководство секцией истории СССР и БССР Института истории. <...> Кроме того, мы хотели бы, чтобы [Вы] взяли на себя также руководство аспирантурой по истории СССР и БССР. <...> Прибавлю к этому, что работники секции истории СССР и БССР являются горячими сторонниками этого проекта и желают скорейшего его осуществления. О моем настроении говорить не буду – Вы сами его понимаете...» [7, л. 15]. Внезапный переход Н. М. Никольского на эзопов язык и авторское отточие в последней фразе можно оценить как свидетельство его серьезных проблем на ответственном посту директора, в том числе проблем в работе над учебником. Однако письмо завершается донельзя политкорректно: «Для Вашего сведения сообщая, что сейчас секция заканчивает составление I части учебника истории Белоруссии для средней школы, а на 1939 г. спроектировано составление II части этого учебника и составление I части учебника для вузов. Я буду бесконечно счастлив, если опять буду работать рука об руку с Вами, на победу и славу Сталинской передовой науки!» [7, л. 15].

Обратим внимание на указанный факт масштабности запланированной работы: одновременно шла подготовка учебников и для средних школ, и для УВО. Однако в скором времени слово «учебник» перестало конкретизироваться своей предназначенностью, что можно расценить как намерение (либо установку) создать текст с неким образцовым прочтением и осмыслением прошлого белорусов, а уж потом разделить его по сферам употребления.

Однако ожидания скорого завершения работы в очередной раз не оправдались, хотя, например, В. И. Пичета, не щадя себя, напряженно работал над подготовкой своей части коллективного текста. Академия наук БССР (по большому счету, лично Н. М. Никольский) в значительной степени рассчитывала на ученого, совершенно объективно видя в нем крупнейшего знатока практически всех периодов и белорусской, и украинской, и, что было наиболее важным, российской истории. В данном отношении особую ценность имел отзыв о его научной деятельности, который, вероятно, по запросу Института истории Академии наук БССР дал А. А. Савич – «профессор по кафедре истории народов СССР Московских педагогических институтов: имени К. Либкнехта, имени Бубнова и Городского», как он сам подписал свою многостраничную оценку [8, л. 20–27]. Профессор четко выделил круг проблем, в которых В. И. Пичета наиболее преуспел как авторитетный историк. В их числе были названы и такие темы, как история Белоруссии и Литвы и история народов СССР XVI–XX вв. [8, л. 20].

И все же тень «нацдемовского» и «великодержавного» прошлого незаурядного ученого постоянно

но сопровождала его. Так, вопиющую ситуацию, случившуюся уже в 1942 г., описал Даниил Мицкевич – сын известного белорусского писателя Якуба Коласа. Во время пребывания в эвакуации в Ташкенте один из лидеров КП(б)Б И. Ф. Климов с очевидным намеком «пошутил» при случайной встрече с В. И. Пичетой: «Ну ты, стары <...> у цябе яшчэ не ўсе валасы павылазілі?» [9, с. 109]. Якуб Колас попытался несколько сгладить ситуацию. Позже в доверительном письме к нему Владимир Иванович не только слал привет писателю и его «ласковой семье», но и жаловался на моральную и физическую усталость от напряженной научной работы [10, с. 334].

В конце 1942 г. В. И. Пичета конкретизировал суть этой работы в письме секретарю ЦК КП(б)Б по пропаганде Т. С. Горбунову. Историк подробно изложил свое видение структуры учебника «История Белоруссии», хотя преимущественно положительно оценил программу, утвержденную Наркомпросом БССР еще до войны. Ее реализация, как указывалось в письме, была завершена в 1940 г. Однако военное время, по мнению Владимира Ивановича, требовало внести некоторые коррективы в эту программу: «...усилить первоначальную общность славян <...> показать, что Белоруссия – авангард русского народа в борьбе против завоевателей <...> ослабить антипольский характер веков XVI–XVIII» [11, л. 65] и др. При этом тон письма историк избрал явно подобострастный и просительный. В отношении учебника «История Белоруссии» профессор буквально умолял партийного идеолога дать «последние замечания», чтобы первый том скорее вышел. Со своей стороны ученый обязывался «по указанию ЦК БССР выполнить любую работу по истории белорусского досоветского периода» и назвал 32 темы по древней и новейшей истории Беларуси, которые был готов лично развернуть в виде отдельных брошюр объемом «от двух до четырех печатных страниц» (т. е. печатных листов. – Авт.) [12, л. 66].

К чести Т. С. Горбунова, он вскоре дал свои (а фактически партийно-установочные) «последние замечания» (он все-таки, хоть и заочно, окончил исторический факультет БГУ). Профессор В. И. Пичета мог приступать к внесению правок, так как имел в своем распоряжении один из немногих машинописных экземпляров первого тома учебника «История Белоруссии» объемом 1,5 тыс. страниц, о чем упомянул Т. С. Горбунов в предновогоднем приветственном письме, посланном 26 декабря 1942 г. из Москвы в Ташкент Якубу Коласу [12, с. 109–110].

По поручению президента Академии наук БССР К. В. Горева историк занялся не только внесением правок, но и работой над продолжением текста первого тома – написанием учебника «История Белоруссии 1861–1914 гг.». Официально это поручение было озвучено руководителем белорусских ученых

на сессии Академии наук БССР в Казани. Якубу Коласу доверили курировать этот проект. Однако уже в скором времени Владимира Ивановича охватило смутное, отразившееся в его письме от 12 мая 1943 г. в Президиум Академии наук БССР. Ученый был вынужден признать, что «специалистов по истории Белоруссии вообще нет» [11, л. 67], и он не знает, кто будет ее разрабатывать. Вместе с тем В. И. Пичета высказал свое возмущение передачей другому лицу части уже выполненной им работы. Историк признал определенную незавершенность текста, но заявил, что после внесения правок оставляет за собой право использовать его «по собственному усмотрению без всяких руководств и редакций малокомпетентных лиц», и подытожил: «Я никому не позволю использовать мой труд <...> ни Президиум Академии наук БССР, ни другие учреждения БССР не умеют ценить мои знания и мое желание отдать их Белоруссии. <...> Я являюсь специалистом по истории БССР и считаю других лиц малокомпетентными. Поэтому я не нуждаюсь в чьей бы то ни было редакции» [11, л. 67].

Подобную реакцию ученого, видимо, можно объяснить тем, что ему стал известен иной отклик Т. С. Горбунова на свое письмо. Вскоре последовала пространная оценка научного и политического кредо В. И. Пичеты, прозвучавшая в докладной записке Т. С. Горбунова, направленной первому секретарю ЦК(б)Б П. К. Пономаренко. В августе 1943 г. Т. С. Горбунов информировал своего руководителя, также считавшегося историком, о положении дел с пониманием и написанием учебника «История Белоруссии». Исключительно В. И. Пичете были предъявлены претензии и за старые «грехи», и за выявленные в последних его работах новые «ошибки». Особенно партийное руководство республики возмутило содержание статьи ученого «История Белоруссии в советской историографии», опубликованной в 1942 г. в высокостатусной коллективной работе «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», которую редактировали столь разные ученые, как В. П. Волгин, Е. В. Тарле и А. М. Панкратова [13]. Статья была оценена как очевидный возврат В. И. Пичеты на нацдемовские позиции в трактовке белорусской истории, попытка реанимировать как бы уже вычеркнутые из бытия имена А. Н. Ясинского, Ф. И. Забелло, А. В. Бурдейко, К. Н. Товстолес-Шионок, В. Д. Друщица, М. В. Мелешко, К. И. Кернажицкого и даже российского историка Д. А. Жаринова [14, л. 28]. Отметим, что большинство работ этих ученых до сих пор находятся вне поля зрения белорусской историографии. Поэтому при составлении очередного авторского коллектива по переписыванию уже много раз изменяемых текстов учебника по истории БССР Т. С. Горбунов испрашивал разрешения не вводить в него В. И. Пичету. При этом он просил П. К. Пономаренко лично включиться в работу,

обосновывая это следующим образом: «Нам известно, что у Вас имеются написанные целые очерки и фрагменты по истории Белоруссии, о белорусских деятелях. Все это может послужить для написания подлинной истории белорусского народа» [15, л. 467]. Были предложены следующие участники нового авторского коллектива: академик Никольский, Якуб Колас, профессор Добрынин, Горбунов, доценты Лочмель, Пьянков, Шекун, Поликарпович [15, л. 467–477].

На исходе Великой Отечественной войны эта партийная атака на донельзя измученного ученого продолжилась на самом высоком по меркам республики уровне. Владимир Иванович 21 октября 1943 г. в свой юбилейный день рождения попытался найти у первого секретаря ЦК КП(б)Б совета и защиты от развернувшегося гонения, отстранения от участия в подготовке учебника и буквально изгнания из Беларуси, написав ему письмо, в содержании которого звучал вопрос о возможности перехода на работу в Академию наук БССР. Однако историк благоразумно так и не отослал это письмо [16, л. 1–1 об.]. Как оказалось, ответ Владимиру Ивановичу в своеобразной форме был дан и выразился в учиненном разгроме всех научных позиций историка. На VI Пленуме ЦК КП(б)Б, который состоялся 29 марта 1945 г., П. К. Пономаренко в своем докладе как бы ответил на письмо-обращение к нему ученого. С трибуны партийного форума было заявлено, что и без В. И. Пичеты «учебник по истории в ближайшее время будет». При этом П. К. Пономаренко, совершенно опровергая самого себя и суть положений в критике Владимира Ивановича, буквально пропел оду «героическому белорусскому народу» и его истории как особенной, исключительно значимой и сравнимой с историей всех прочих народов, в том числе русского [17, л. 28].

Вскоре после победного завершения Великой Отечественной войны в августе 1945 г. в Москве было проведено 4-е Всесоюзное совещание руководителей кафедр общественных наук. Впервые на нем присутствовали заведующие кафедрами истории СССР. Слово было предоставлено и Владимиру Ивановичу. В его выступлении (как и в докладах некоторых других участников) обращалось внимание на отдельные сюжеты белорусской истории, но лишь в контексте исключительной роли «русского народа в исторических судьбах славянских народов» [18, с. 204]. Правда, Владимир Иванович позволил себе назвать ряд аспектов, на которые ранее не обращалось надлежащего внимания: например, он отметил, что «предел агрессии немецких феодалов» был обозначен не только на Чудском озере, но и под Грюнвальдом [18, с. 204–206]. Для победного 1945 г. такая констатация была естественной, указывала на связи в истории народов СССР. Вот только как проследить их по всему необъятному прошлому, как

выделить одно и умолчать о другом, как сохранить науку в объятиях политики и идеологии – эти вопросы по-прежнему для историков оставались нерешаемой проблемой.

Спустя некоторое время массированная атака высоких партийных инстанций заставила В. И. Пичету смягчить свою позицию и даже выразить согласие на предоставление в Институт истории Академии наук БССР части рукописи учебника. По крайней мере, об этом можно судить, исходя из содержания письма, посланного ему Н. М. Никольским в Москву 12 декабря 1946 г. Однако в этом письме одновременно с упоминанием о проявленной конструктивной позиции коллеги было выражено недоумение очередным несогласием Владимира Ивановича прийти на выручку минским историкам. Со ссылкой на А. М. Панкратову директор Института истории Академии наук БССР утверждал и одновременно вопрошал: «Вы в большой обиде на “Белоруссию” и не собираетесь давать нам своих глав» [19, л. 2]. При этом Н. М. Никольский как бы оправдывался в том, что семь глав одного тома учебника «История БССР» передали для подготовки другому автору, хотя они уже были написаны В. И. Пичетой. По утверждению директора института, Владимир Иванович Пичета никак не откликнулся на предыдущие письма с просьбой срочно выслать в Минск эти главы, а в июльском полугодовом отчете 1946 г. будто бы даже выразил свое сомнение в том, нужны ли они институту [19, л. 2].

Это письмо несколько проясняет и измененную стратегию в выполнении столь затянувшейся важной работы. В нем речь идет всего лишь о семи главах, подготовленных В. И. Пичетой для однотомника, тогда как ранее от профессора пытались получить работу объемом полторы тысячи страниц – часть запланированных в довоенные годы трех выпусков белорусской истории. Интригующим является краткое упоминание В. И. Пичеты в названной выше его статье 1942 г. о том, что Институт истории Академии наук БССР сумел уже в 1941 г. опубликовать первую часть книги «Нарысы па гісторыі Беларусі», в которой представлена «первая история Белоруссии, начиная от первобытно-общинного строя до упадка Польско-Литовского государства» [13, с. 181]. Историк высказывал сожаление о том, что «во время варварского фашистского погрома Минска все отпечатанные экземпляры погибли, и сохранились лишь несколько экземпляров этой ценной книги» [13, с. 181]. Эта реплика тиражируется в некоторых историографических работах, но пока никто из белорусских исследователей не смог прикоснуться к упомянутым сохранившимся экземплярам.

Вновь отметим, что в условиях войны историки были обязаны сделать то, что не смогли ранее, и даже превзойти намеченное. Для них открыва-

лись новые горизонты. Они должны были стать летописцами, аналитиками и интерпретаторами текущих событий, которые, будучи вписанными в учебник, служили бы величественным апофеозом всей предшествующей истории. Однако к исполнению обновленных планов возможно было привлечь лишь совершенно истонченный кадровый потенциал, когда все громче о себе заявляло поколение вчерашних студентов, прошедших дорогами войны. Победы под Сталинградом и на Курской дуге абсолютно конкретизировали задачи.

Обстоятельства и коллизии, возникшие при написании учебника «История Белоруссии» и связанные с именем В. И. Пичеты, с несколько иной стороны раскрываются при изучении документов, отражающих роль в данном процессе еще одной знаковой для советской белорусской исторической науки личности – В. Н. Перцева. В отсутствие Н. М. Никольского, который оказался в оккупированном Минске (его лишь к 1944 г. партизаны и подпольщики смогли вывезти из города в партизанскую зону, а затем Москву), именно В. Н. Перцев был привлечен к руководству выполнением партийного задания. Незаурядный медиевист посмотрел на ситуацию по-своему, исходя из условий и возможностей военного времени, и предложил конкретные поэтапные действия, которые были изложены им в докладной записке в ЦК КП(б)Б, направленной в высший партийный орган 1 ноября 1943 г. Новоназначенный секретарь-академик Отделения общественных наук Академии наук БССР назвал архиважные проблемы, которые следовало незамедлительно решить: издание брошюр, посвященных замечательным людям прошлого и настоящего Беларуси; переработка 1-й части учебника по истории БССР (до 1861 г.) и «скорейшее осуществление частей 2-й и 3-й»; издание серии брошюр, посвященных разработке проблем, «выдвинутых в письме т. Гуторова к академикам и научным сотрудникам Отделения общественных наук АН БССР» [20, с. 86–87]. Среди этих брошюр предлагались следующие: «Извечная дружба славянских народов», «Формы проявления всеславянского движения в истории Европы», «Нацизм и фашизм как самая мрачная реакция внутренней и внешней политики в истории», «Совместная борьба белорусского и русского народов против немецкой агрессии» и т. д.

Владимир Николаевич указал на то, что в распоряжении ЦК КП(б)Б находится огромное количество материалов по истории Великой Отечественной войны, которые только частично подверглись обработке, поэтому, по мнению ученого, их полная систематизация и подготовка к печати могли быть осуществлены совместными усилиями Отделения общественных наук Академии наук БССР и отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б. Таким образом

следовало поступить и при выполнении других коллективных работ. Для этого планировалось создать четыре комиссии. Был предложен и их состав (Владимир Николаевич почему-то некоторые фамилии указал без инициалов): по изданию «Замечательные люди Белоруссии» – В. И. Пичета (председатель), А. П. Пьянков, Т. П. Ломтев, Д. А. Дудков, Добрынин; по изданию «Материалы по истории Великой Отечественной войны» – И. С. Кравченко (председатель), Стальнов, Купреев, И. В. Гуторов, Агиевич; по изданию «История Белоруссии» – Т. С. Горбунов (председатель), В. И. Пичета, А. П. Пьянков, Д. А. Дудков, Т. П. Ломтев, А. М. Панкратова, Добрынин, Шекун; по изданию, название которого не было конкретно определено автором записки, – В. Н. Перцев (председатель), И. В. Гуторов, А. П. Пьянков, Добрынин и др. [20, с. 87].

Как видим, историк на тот момент не вник в суть нарастающей обструкции со стороны ЦК КП(б)Б по отношению к В. И. Пичете (августовская записка Горбунова к Пономаренко просто могла быть не доведена до него по причине военных условий или же еще не принятого окончательного решения). Отметим, что среди названных фамилий с необходимыми инициалами в настоящее время удалось выявить интересный материал о причастности к белорусской проблематике московских ученых – историка Олимпиады Алексеевны Шекун и литературоведа Михаила Кузьмича Добрынина.

Далее, в своей записке В. Н. Перцев отмечал: «Ввиду того что первый том “Истории Белоруссии”, как выяснилось, нуждается в переработке, а остальные два тома еще в процессе работы, необходимо ускорить работу над осуществлением этих изданий» [20, с. 87]. Кроме реализации научных исследований, он предложил, чтобы сотрудники Отделения общественных наук Академии наук БССР приняли участие в разработке серии исторических романов, посвященных деятельности выдающихся людей Беларуси. Как планировалось, возглавить эту работу должен был Якуб Колас, а исполнять – белорусские поэты и прозаики Кондрат Крапива, Михась Лыньков, Михась Климкович и др.

Вместе с тем, реально оценивая ситуацию, Владимир Николаевич счел необходимым указать, что кадровый потенциал отделения слаб и «особенно плохо обстоит дело в группе историков» [20, с. 88]. Обратим внимание как раз на это обстоятельство. Крупный специалист в области европейской средневековой и новой истории не только очертил развернутый и крайне напряженный план ближайших изданий, но и сам был вынужден переквалифицироваться в историка-белорусиста. За предшествующую более чем 20-летнюю работу в Академии наук БССР, БГУ и других УВО БССР он не считал необходимым изменять своим научным приоритетам. В годы войны высокая академическая должность

и критическая ситуация с написанием столь долгожданного учебника заставили его активно включиться в процесс очередного нового прочтения белорусской истории.

Активность и инициативность В. Н. Перцева в попытках активизировать реализацию партийного задания в немалой степени обусловили представление его в 1944 г. к званию заслуженного деятеля науки БССР, а главное – включение историка в 1945 г. в состав делегации от БССР на конференцию ООН в Сан-Франциско. Уже по прошествии лет в характеристике ученого, подготовленной к его 80-летию, руководство Академии наук БССР сделало акцент на крупных научно-исследовательских работах по всеобщей истории и истории Беларуси юбиляра, подчеркивая, что «он руководил всей работой по написанию книги, он же является автором нескольких ее разделов и под его руководством редактировалась эта книга» [21, л. 57, 58].

Напряжение, сопровождавшее в годы войны работу белорусских историков, в 1946 г. наконец-то воплотилось в реально созданном творческом продукте – вышедшем в редакции политической литературы государственного издательства БССР с предисловием секретаря ЦК КП(б)Б Т. С. Горбунова учебнике «История БССР» [22]. Среди авторов этого массового издания (25 тыс. экземпляров) в лапидарном предисловии указаны Н. М. Никольский, К. М. Поликарпович, А. П. Пьянков и А. А. Савич. Читателю было заявлено, что это только начало и в 1946 г. будут напечатаны четыре выпуска данной системной истории, которые в сумме «должны охватить историю Белоруссии до начала XX в.», затем издание продолжится «отдельными выпусками по мере их подготовки к печати» [22, предисловие]. Однако эта 128-страничная работа так и не смогла стать достоянием даже аудитории специалистов по причине не столько своей научной примитивности, сколько из-за в очередной раз проявленной «ошибочности» в оценках и подходах. Учиненный в скором времени после выхода книги ее разгром на научном и политическом уровнях предал забвению данный вариант прочтения белорусской истории – забвению как современников, так и историографов.

Обобщая сказанное, можем констатировать, что осмысление белорусской истории, начатое в предвоенное десятилетие, осуществлялось и в годы войны, которая усилила идеологическую подоплеку с таким напряжением создававшейся синтетической работы. Ее завершение еще больше актуализировалось, а вместе с тем обострились научные и политические, личностные и общественные коллизии, которые и так все время сопровождали жизнь и работу историков. В условиях роста патристических настроений и акцента партийного руководства на просопографической составляющей

прошлого белорусские историки попытались найти спасение в создании упрощенного обобщения наследия белорусов – биобиблиографического словаря под условным названием «Выдающиеся люди белорусской земли». Однако этот замысел тихо угас в условиях очередного пересмотра приоритетов на «историческом фронте».

Лишь после многократного изменения на протяжении 1941–1953 гг. авторского коллектива и постоянной переоценки всех событий и фактов в 1954 г.

был наконец издан первый том учебника «История БССР» (второй том появился только в 1958 г.). Подробности этой работы заслуживают отдельного изложения: столь затянувшееся осмысление белорусской истории в очередной раз разъединило ее творцов разных поколений. История белорусов никак не могла вырваться из тенет советских реалий, представлений, идеологем, уровня познания, как и уровня общей моральности ученых, власти, общества.

Библиографические ссылки

1. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 667.
2. Акадэмік В. К. Шчарбакоў. Гістарычны факультэт // За ленинскія кадры. 1936. 31 мая. С. 2.
3. *Канстанцінаў Ф. Непаваротлівасць* // Звязда. 1938. 6 студз. С. 3.
4. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 670.
5. *Каценbogen С. З.* Белорусский государственный университет за 1921–1922 академ. год (итоги и перспективы) // Труды Белорусского государственного университета в Минске. 1922. № 2/3. С. 326–364.
6. *Каценbogen С. З.* Белорусский Государственный Университет за 1922–1923 академ. год (итоги и проблемы) // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 1923. № 4/5. С. 230–281.
7. Арх. Рос. акад. наук. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 171.
8. Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси. Арх. № 607. Личное дело академика Пичеты Владимира Ивановича.
9. *Міцкевіч Д.* Любіць і помніць. Успамінае сын Якуба Коласа. Мінск, 2000.
10. Памяць і слава: першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск, 2011.
11. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4-п. Оп. 47. Д. 15.
12. Шляхам гадоў : гісторыка-літаратурны зб. Мінск, 1990.
13. Член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Пичета. История Белоруссии в советской историографии // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М. ; Л., 1942. С. 179–188.
14. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4-п. Оп. 61. Д. 492.
15. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4-п. Оп. 47. Д. 25.
16. Арх. Рос. акад. наук. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 76.
17. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 63. Оп. 13. Д. 20.
18. *Плотникова Е.* Всесоюзное совещание руководителей кафедр общественных наук // Вопр. истории. 1945. № 5/6. С. 204–206.
19. Арх. Рос. акад. наук. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 88.
20. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941–1945 / склад.: С. А. Балашэнка [і інш.]. Мінск, 2005.
21. Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси. Арх. № 3505. Личное дело академика Перцева Владимира Николаевича.
22. История БССР. Минск, 1946. Вып. 1.

References

1. The Natl. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 4. Regist. 33a. File 667 (in Russ.).
2. Akadjemik V. K. Shcharbakow. Gistarychny fakul'tjet [Akademik V. K. Scharbakou. History Department]. *Za leninskija kadry*. 1936. 31 May. P. 2 (in Belarus.).
3. Kanstancinaw F. Nepavarotlivasc' [Sluggishness]. *Zvjazda*. 1938. 6 Jan. P. 3 (in Belarus.).
4. The Natl. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 205. Regist. 1. File 670 (in Russ.).
5. Katsenbogen S. Z. Belorusskii gosudarstvennyi universitet za 1921–1922 akadem. god (itogi i perspektivy) [Belarusian State University 1921–1922 academic year (results and prospects)]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta v Minske*. 1922. No. 2/3. P. 326–364 (in Russ.).
6. Katsenbogen S. Z. Belorusskii Gosudarstvennyi Universitet za 1922–1923 akadem. god (itogi i problemy) [Belarusian State University 1922–1923 academic year (results and prospects)]. *Pratsy Belaruskaga dzjarzhawnaga universiteta*. 1923. No. 4/5. P. 230–281 (in Russ.).
7. Arch. Russ. Acad. of Sci. Fund 1548. Regist. 3. File 171 (in Russ.).
8. Cent. sci. arch. of the Natl. Acad. of Sci. of Belarus. Arch. No. 607. Lichnoe delo akademika Pichety Vladimira Ivanovi-cha (in Russ.).
9. Mickevich D. Ljubic' i pomnic'. Uspaminae syn Jakuba Kolasa. Minsk, 2000 (in Belarus.).
10. Pamjac' i slava: pershy rjekar Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta – Uladzimir Ivanavich Pichjeta. Minsk, 2011 (in Belarus.).
11. The Natl. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 4-п. Regist. 47. File 15 (in Russ.).
12. Shljaham gadow : gistoryka-litaraturny zb. Minsk, 1990 (in Belarus.).
13. Chlen-korrespondent Akademii nauk SSSR V. I. Picheta. Istoriya Belorussii v sovetskoi istoriografii. *Dvadsat' pyat' let istoricheskoi nauki v SSSR*. Moscow ; Leningrad, 1942. P. 179–188 (in Russ.).

14. The Natl. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 4-п. Regist. 61. File 492 (in Russ.).
15. The Natl. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 4-п. Regist. 47. File 25 (in Russ.).
16. Arch. Russ. Acad. of Sci. Fund 1548. Regist. 2. File 76 (in Russ.).
17. The Natl. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 63. Regist. 13. File 20 (in Russ.).
18. Plotnikova E. Vsesoyuznoe soveshchanie rukovoditelei kafedr obshchestvennykh nauk [All-Union meeting of heads of departments of social sciences]. *Vopr. istorii*. 1945. No. 5/6. P. 204–206 (in Russ.).
19. Arch. Russ. Acad. of Sci. Fund 1619. Regist. 1. File 88 (in Russ.).
20. Pamjac' i slava: Belaruskі dzjarzhawny universitjet u gady Vjalikaj Ajchynnaj vajny. 1941–1945. Minsk, 2005 (in Belarus.).
21. Cent. sci. arch. of the Natl. Acad. of Sci. of Belarus. Arch. No. 3505. Lichnoe delo akademika Pertseva Vladimira Nikolaevicha (in Russ.).
22. Istoriya BSSR. Minsk, 1946. Vol. 1 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 15.12.2016.
Received by editorial board 15.12.2016.*

РАСПАД РУБЛЁВАЙ ЗОНЫ І СТАНАЎЛЕННЕ Ў БЕЛАРУСІ ЎЛАСНАЙ ГРАШОВАЙ СІСТЭМЫ (1991–1994)

П. А. ЖЫЛІНСКІ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Раскрываюцца асноўныя этапы фарміравання беларускай грашовай сістэмы ў першыя гады незалежнасці Рэспублікі Беларусь на аснове афіцыйных дакументаў дзяржаўных органаў, успамінаў палітычных дзеячаў, матэрыялаў перыядычнага друку 1991–1994 гг. Адлюстраваны ключавыя моманты распаду адзінай рублёвай прасторы і роля ў гэтых працэсах Рэспублікі Беларусь. Вызначаны асноўныя прычыны пераходу нашай краіны да нацыянальнай грашовай адзінкі, выяўлены карані няўдач у рэфармаванні рублёвай зоны на прасторах былога СССР. Зроблена выснова пра тое, што, нягледзячы на жаданне беларускага ўрада захаваць агульную грашова-кредытную сістэму ў межах СНД, гэтыя спробы не ажыццявіліся па прычыне яе функцыянавання ва ўмовах дэмантажу адміністрацыйна-каманднай эканомікі і неадпаведнасці новым рэаліям, а таксама ў сувязі з імкненнем кіраўніцтва былых савецкіх рэспублік выбудоўваць уласныя грашавыя сістэмы на рыначнай аснове, пашырэннем інфляцыі і іншых крызісных з'яў у фінансавай сферы пры адсутнасці незалежнай грашова-кредытнай палітыкі.

Ключавыя словы: рублёвая зона; эканамічная трансфармацыя; Рэспубліка Беларусь; рэформы 1990-х гг.; навішая гісторыя Беларусі; эканамічнае развіццё Беларусі.

РАСПАД РУБЛЕВОЙ ЗОНЫ И СТАНОВЛЕНИЕ В БЕЛАРУСИ СОБСТВЕННОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ (1991–1994)

П. А. ЖИЛИНСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Раскрываются основные этапы формирования белорусской денежной системы в первые годы независимости Республики Беларусь на основе воспоминаний политических деятелей, официальных документов государственных органов, материалов периодической печати 1991–1994 гг. Отражены ключевые моменты распада единого рублевого пространства и роль в этих процессах Республики Беларусь. Определены основные причины перехода нашей страны к национальной денежной единице, выявлены корни неудач в сфере реформирования рублевой зоны на просторах бывшего СССР. Сделан вывод о том, что, несмотря на желание белорусского правительства сохранить общую денежно-кредитную систему в рамках СНГ, эти попытки не осуществились по причине ее функционирования в условиях демонтируемой административно-командной экономики и несоответствия новым реалиям, а также в связи со стремлением руководства бывших союзных республик выстраивать собственные денежные системы на рыночной основе, распространением инфляции и иных кризисных явлений в финансовой сфере при отсутствии независимой денежно-кредитной политики.

Ключевые слова: рублевая зона; экономическая трансформация; Республика Беларусь; реформы 1990-х гг.; новейшая история Беларуси; экономическое развитие Беларуси.

Образец цитирования:

Жылінскі П. А. Распад рублёвай зоны і станаўленне ў Беларусі ўласнай грашовай сістэмы (1991–1994) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 41–47.

For citation:

Zhylini P. A. Breakdown of the ruble zone and formation of the independent monetary system in Belarus (1991–1994). *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 41–47 (in Belarus.).

Автор:

Петр Андреевич Жилинский – аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета. Научный руководитель – академик Национальной академии наук Беларуси, доктор исторических наук, профессор М. П. Костюк.

Author:

Zhylini Piotr, postgraduate student at the department of Modern and Contemporary history of Belarus, faculty of history.
zhilinski@tut.by

BREAKDOWN OF THE RUBLE ZONE AND FORMATION OF THE INDEPENDENT MONETARY SYSTEM IN BELARUS (1991–1994)

P. A. ZHYLINSKI^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article casts light on the basic stages of the Belarusian monetary system formation in the early years of independence, reflects the key points of the common ruble space dismantling as well as the role of the Republic of Belarus in these processes, following the memories of political figures, official documents of state bodies, taken from the archival sources, periodical press materials of those times. The author determines the main reasons of our country transition to the national currency and reveals roots of the ruble zone reforming failure in the former USSR. The researcher concludes that despite the intention to maintain the common credit-and-monetary system in the CIS, these attempts failed due to its functioning under the conditions of the vanishing command-administrative economy and non-compliance with the new realities and aspirations of the former Soviet republics leadership to build their own monetary systems on a market basis, spread of inflation and other crisis events in the financial sector in the absence of independent monetary policy.

Key words: ruble zone; economic transformation; Republic of Belarus; reforms of the 1990s; contemporary history of Belarus; economic development of Belarus.

Актуальнасць заяўленай у назве артыкула тэмы здаецца відавочнай, паколькі станаўленне суверэннай Рэспублікі Беларусь застаецца адной з маладаследаваных праблем у сучаснай беларускай гістарыяграфіі. Мэта гэтага артыкула – выяўленне прычын і ўмоў разбурэння савецкай рублёвай зоны і фарміравання ў Беларусі самастойнай грашовай сістэмы ў першай палове 1990-х гг. Асноўнай задачай у рамках акрэсленай мэты з’яўляецца вызначэнне і аналіз ключавых фактараў, якія спачатку садзейнічалі захаванню адзінай рублёвай прасторы пасля разбурэння Савецкага Саюза, а потым прывялі Беларусь да адмаўлення ад савецкага рубля, манетарнага саюза з Расіяй і пераходу да ўласнай нацыянальнай грашовай адзінкі.

Першыя гады станаўлення суверэннай Рэспублікі Беларусь сталі перыядам здабыцця краінай эканамічнай самастойнасці. Нягледзячы на тое што ў 1991 г. Беларусь атрымала палітычную незалежнасць, у эканамічным плане яна па-ранейшаму вельмі цесна была звязана з саюзным цэнтрам. Гэта праяўлялася ў тым, што рэспубліка не магла ў поўнай меры праводзіць самастойную грашова-кредытную палітыку. СССР распаўся, але адзіная зона, у якой дзейнічаў савецкі рубель, засталася.

Яшчэ ў часы існавання Савецкага Саюза беларуская парламенцкая апазіцыя пачала патрабаваць увядзення нацыянальнай валюты. Апазіцыянеры сцвярджалі, што Расія эксплуатае рэспубліку, а пераход на айчынным грошам спыніць гэты працэс. Адзначалася, што агульны рубель у новай сітуацыі мог «функцыянаваць толькі ва ўмовах унітарнай таталітарнай дзяржавы»¹, а для рэальнага ўвядзення адзінай валюты неабходна было гарманізаваць узроўні развіцця краін СНД [1, с. 9]. Значная частка грамадства таксама падтрымлівала пераход да беларускіх грошай, за іх увядзенне падчас

сацыялагічнага апытання ў 1992 г. выступілі 44,2 % рэспандэнтаў [2, арк. 22].

Нягледзячы на тое што яшчэ ў 1990 г. Старшыня Савета Міністраў БССР В. Кебіч заяўляў, што Беларусь «пакідае за сабой магчымасць пераходу на ўласную грашовую адзінку» [3, арк. 82], улады не імкнуліся ўводзіць нацыянальную валюту, бо, як зазначаў віцэ-прэм’ер М. Мясніковіч, «хуткасць у гэтай далікатнай сферы багатая многімі непрадказальнымі наступствамі» [4, с. 1]. Кіраўніцтва Беларусі меркавала, што выхад з рублёвай зоны закрые доступ да таных расійскіх энергараў і сыравіны, а пераход на сусветныя цэны знішчыць беларускую прамысловасць.

На гэта звяртаў увагу і дэпутат Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь ад праўрадавай фракцыі «Беларусь» Р. Унучко, папярэджваючы пра тое, што ўводзіць уласную «валюту, калі <...> ідзе спад вытворчасці, – гэта значыць абясцэніць яе <...> гэта значыць страціць яе аўтарытэт» [5, арк. 124]. Дэпутат пытаўся ў прыхільнікаў выхаду з рублёвай зоны: «Ці мы маем валюту, залаты запас, якім можна было б яе падтрымаць, ці мы маем запасы цвёрдых валют, ці мы маем канкурэнтаздольныя тавары і паслугі? Ні аднаго, ні другога, ні трэцяга сёння ў нас няма» [5, арк. 125], таму і выхад з рублёвай зоны, на думку Р. Унучко, мог прынесці толькі страты для эканомікі. Урад імкнуўся як мага даўжэй выкарыстоўваць выгады ад знаходжання ў адзінай рублёвай зоне, якое садзейнічала захаванню нізкіх цэн у гандлі паміж прадпрыемствамі былога СССР.

Нягледзячы на тое што ў пачатку 1992 г. савецкі рубель заставаўся агульнай валютай для краін СНД і Прыбалтыкі, скаардынаваная фінансавая палітыка сярод былых савецкіх рэспублік адсутнічала. Краіны СНД імкнуліся захаваць адзіную грашовую прастору, асабліва настойліва за гэта высту-

¹Тут і далей пераклад наш. – П. Ж.

палі Расія і Міжнародны валютны фонд, які працаваў канцэпцыю аптымальнага функцыянавання гэтай прасторы. У маі 1992 г. у Ташкенце рэспублікі СНД дасягнулі пагаднення, якое абавязвала ўзгадняць памеры крэдытнай эмісіі, прадугледжвала ўвядзенне адзінага ўзроўню працэнтных ставак па цэнтралізаваных крэдытах і ліквідацыю адміністрацыйных забарон на рублёвыя разлікі, а 9 кастрычніка 1992 г. у Бішкеку было падпісана пагадненне аб адзінай грашовай сістэме і ўзгадненні грашова-крэдытнай палітыкі. Яшчэ адзін міжнародны дакумент быў прыняты ў Мінску ў сакавіку 1993 г. Аднак, нягледзячы на ўсе падпісаныя дамовы, на практыцы яны не выконваліся.

Трэба адзначыць, што ўжо ў пачатку 1992 г. наяўны і безнаяўны зварот фактычна былі разарваны, нярэдка іх абслугоўвалі розныя грашавыя адзінкі. У выніку разбалансаванасці таварна-грашовай масы наяўныя грошы замяняліся сурагатам у выглядзе картак і талонаў, дзякуючы якім удалося змякчыць наступствы плацежнага крызісу. Іх увядзенне таксама было выклікана жаданнем абараніць унутраны рынак. Грамадзянам Беларусі пачалі выдаваць карткі спажывання для пакупкі тавараў шырокага ўжытку і талоны на прадукты харчавання. Без пашпарта і гэтых дадаткаў да рублёў немагчыма было набываць тавары.

У сваю чаргу, увесь безнаяўны зварот здзяйсняўся з выкарыстаннем агульных для СНД савецкіх рублёў. Склалася парадаксальная сітуацыя, калі пры існаванні агульнай валюты адсутнічаў адзіны эмісійны цэнтр, пры тым што грашова-крэдытная палітыка не каардынавалася. З часоў СССР цэнтральныя банкі саюзных рэспублік фактычна мелі права крэдытнай эмісіі савецкага безнаяўнага рубля. Кіраўніцтва Беларусі карысталася гэтым правам і накіроўвала безнаяўныя грошы на пакрыццё дэфіцыту бюджэту. Першую крэдытную эмісію Беларусь здзейсніла ўжо ў пачатку 1992 г. Захаванне агульнага рубля было выгадным для беларускіх прадпрыемстваў, бо за пустыя эмісійныя грошы яны куплялі ў суседняй Расіі рэальныя тавары.

Схему крэдытавання эканомік СНД, якую выкарыстоўвала і Беларусь, дакладна апісаў тагачасны старшыня Цэнтральнага банка Расіі В. Герашчанка: «Краіны, якія знаходзіліся ў рублёвай зоне, не маглі займацца выпускам грошай, аднак яны лёгка абыходзілі гэта абмежаванне. Рабілі гэта так: для таго каб пакрыць дэфіцыт бюджэту, пералічвалі нейкую суму на рахунак бюджэту, афармляючы яе як дэбетавае рэшткі, а запазычанасць адпівалі на сваё міністэрства фінансаў. Міністэрства за гэты кошт пачынала ажыццяўляць пэўныя выдаткі, дзякуючы чаму з'яўляліся безнаяўныя плацяжы тым ці іншым прадпрыемствам за набытае абсталяванне або пастаўленыя тавары. Далей заставаўся не самая складаная праблема іх ператварэн-

ня ў наяўныя. Так, Нацыянальны банк Украіны раздаваў шматмільярдныя крэдыты сваім прадпрыемствам, якія расплачваліся гэтымі фіктыўнымі рублямі з расійскімі пастаўшчыкамі, наносячы ўдар па расійскім рынку» [6, с. 255].

Такім чынам, галоўнымі фактарамі захавання савецкай рублёвай зоны на пачатковым этапе з'яўляліся: зацікаўленасць у недапушчэнні разрыву шчыльных эканамічных сувязей паміж рэспублікамі былога СССР; неканкурэнтаздольнасць айчыннай прадукцыі на знешніх рынках і неабходнасць захавання нізкіх цэн на сыравіну, матэрыялы і прадукцыю; агульная эканамічная няўстойлівасць; незабяспечанасць золатам ці таварамі, якія мелі б грашовую масу; павольнае і непаслядоўнае фарміраванне ў Беларусі рыначных інстытутаў; магчымасць эмісійнага крэдытавання эканомікі.

Трэба адзначыць, што шырокая крэдытная эмісія стала прычынай хуткага распаўсюджвання інфляцыі. Акрамя таго, яна прывяла да павелічэння попыту на наяўныя рублі, выпуск якіх заставаўся пад кантролем Расіі. Пры практычным зніжэнні аб'ёмаў выпуску тавараў і аказання паслуг склалася напружаная сітуацыя з забеспячэннем грашовага абарачэння наяўнасцю ў неабходных аб'ёмах.

У лютым 1992 г. дэпутат Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь А. Якабсон скардзіўся на адсутнасць у аперацыйных касах Светлагорскага аддзялення Белаграпрамбанка наяўных грошай [7, арк. 113]. Цэнтральны банк Расіі, як эмітэнт савецкіх рублёў, спасылаўся на тое, што вытворчыя магутнасці і тэхналагічныя складанасці вырабу банкнот не дазваляюць за кароткія тэрміны ліквідаваць недахоп грашовых знакаў [8, арк. 150]. Такое становішча падштурхоўвала беларускія ўлады да змен у грашова-крэдытнай палітыцы.

Акрамя таго, у Беларусі склалася сітуацыя, пры якой безнаяўныя грошы сталі таннейшымі за наяўныя, што прывяло да росту спекуляцый. Больш за тое, ва ўмовах адмаўлення ад савецкіх рублёў былымі рэспублікамі СССР назіралася грашовае «інтэрвенцыя»: прыток грашовых знакаў у Беларусь вымяраўся мільярдамі [9, с. 61].

Меркавалася, што гэтыя праблемы вырашыць пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 8 мая 1992 г. № 270, якая ўводзіла з 1 чэрвеня 1992 г. разліковыя білеты Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь [10, с. 284]. Білеты атрымалі ў народзе назву «зайчыкі», яны мелі паралельнае хаджэнне са старымі савецкімі рублямі і выкарыстоўваліся спачатку толькі ў якасці плацежнага сродку. Іх увядзенне дазволіла часткова зняць дэфіцыт наяўнасці, вырашыць праблемы з выплатамі зарплат, паменшыць небяспеку завозу грашовых знакаў звонку.

Тым не менш значная частка праблем, асноўнай з якіх была інфляцыя, захоўвалася. Ва ўмовах фінансавай нестабільнасці савецкія рублі імкліва

абсяцэнваліся. Паводле А. Баюры, у снежні 1992 г. на чорным рынку за 100 рублёў разліковымі білетамі давалі 2000 савецкіх рублёў [9, с. 62]. У сваю чаргу, у параўнанні з расійскімі безнаяўнымі грошамі курс беларускага рубля таксама працягваў зніжацца. Праз вялікую інфляцыю больш надзейнымі ва ўзаемаразліках становіліся долар ЗША і іншыя цвёрдыя валюты.

Лёс захавання адзінай рублёвай зоны залежаў ад пазіцыі Расіі, якая ўсё больш пераконвалася ў тым, што ўзаемаадносіны, якія склаліся з былымі саюзнымі рэспублікамі, супярэчаць яе эканамічным інтарэсам, пра што сведчыла ўстойлівае перавышэнне расійскага экспарту ў рэспублікі СНД над імпартам адтуль. Пры гэтым партнёры Расійскай Федэрацыі мелі магчымасць фінансаваць свой гандлёвы дэфіцыт аўтаматычна. Як адзначаў Я. Гайдар, працяглае захаванне ў Расіі старой грашовай сістэмы выракала яе на гады крызісу [11, с. 24].

Паколькі расійскі ўрад праводзіў палітыку, накіраваную на зніжэнне крэдытнай эмісіі і скарачэнне грашовай масы, рублёвая экспансія рэспублік СНД вымусіла яго перайсці да абарончых мерапрыемстваў. Прэзідэнт Расійскай Федэрацыі Б. Ельцын 21 чэрвеня 1992 г. выдаў Указ № 636, з мэтай рэалізацыі якога з 1 ліпеня 1992 г. Масква ўввела клірынговую сістэму разлікаў праз карэспандэнцкія рахункі цэнтральных банкаў дзяржаў, якія выкарыстоўвалі агульны рубель. Такім чынам, Расія фактычна аддзяліла свой безнаяўны рубель ад безнаяўнага рубля іншых рэспублік былога СССР, што вырашыла многія яе праблемы.

Як успамінаў другі прэзідэнт Украіны Л. Кучма, для кліентаў расійскіх банкаў з краін СНД праблема не стала менш, бо «рахункі губляліся дзесьці ў тым разлікова-карэспандэнцкім цэнтры, іх не маглі знайсці месяцамі» [12, с. 90], а прадстаўнікі прадпрыемстваў «з мяхамі дакументаў выязджалі ў Маскву шукаць сляды згубленых плацяжоў» [12, с. 92]. Так, у кастрычніку 1992 г. вытворчае аб'яднанне «Сургутнафтагаз» звярталася да С. Шушкевіча па дапамогу ў пошуку сродкаў, пералічаных Наваполацкім нафтапрапрацоўчым заводам, якія зніклі на рахунках Цэнтральнага банка Расійскай Федэрацыі [13, арк. 246].

У сакавіку 1993 г. расійскія ўлады ажыццявілі канфіскацыю папяровых грашавых знакаў СССР. Выемка грошай стала нечаканасцю для Беларусі, якая таксама была вымушана адмяніць банкноты старога ўзору. З 1 ліпеня 1993 г. Цэнтральны банк Расійскай Федэрацыі прыпыніў прадастаўленне так званых тэхнічных крэдытаў краінам СНД, а ўся назапашаная імі да таго часу запазычанасць была перааформлена ў дзяржаўны доўг у адносінах да Масквы. Нарэшце 26 ліпеня 1993 г. Расійская Федэрацыя выпусціла ў абарачэнне новыя расійскія рублі, што канчаткова ліквідавала некалі адзіную

рублёвую зону і фактычна ўсталявала ў Беларусі нацыянальную валюту.

Пасля правалу спробы захаваць савецкую рублёвую прастору ўзнікла ідэя стварэння агульнай рублёвай зоны новага тыпу. Не маючы магчымасці бязмежна нарошчваць знешнюю запазычанасць за энерганосьбіты і сыравіну, беларускі ўрад паспрабаваў знайсці рашэнне праблемы шляхам пераходу на адзіную з Расіяй валюту, мяркуючы, што ў такім выпадку Беларусь зможа ажыццяўляць эмісію расійскіх рублёў для аплаты імпарту. Прэм'ер-міністр Рэспублікі Беларусь В. Кебіч ва ўспамінах адзначаў, што «ў адзіночку прабіцца на заходні рынак было крайне складана. Прышлося б звярнуцца да шокавай тэрапіі, да якой насельніцтва <...> не было гатова ні эканамічна, ні псіхалагічна» [10, с. 245]. Старшыня беларускага ўрада выказаў упэўненасць у тым, што «альтэрнатывы будаўніцтву з Расіяй адзінай эканомікі няма» [10, с. 341].

Асноўным спосабам стабілізацыі эканамічнай сітуацыі ўлады лічылі здзяйсненне сумеснай эканамічнай палітыкі на прасторах былога СССР. Пастановай ад 31 сакавіка 1993 г. Вярхоўны Савет Рэспублікі Беларусь даручыў ураду неадкладна ўступіць у перамовы з краінамі СНД аб стварэнні эканамічнага саюза. У Мінск паступалі тэлеграмы ад імя кіраўніцтва і працоўных калектываў прадпрыемстваў, саўгасаў, калгасаў у падтрымку інтэграцыі з патрабаваннямі аднавіць парушаныя сувязі і стварыць адзіную рублёвую зону [14, арк. 59–67]. У заяве Магілёўскай асацыяцыі прамыслоўцаў і прадпрымальнікаў сцвярджалася: «Выказваючы меркаванне большасці членаў сваіх калектываў, мы настойліва патрабуем <...> прыняць рашэнне па стварэнні эканамічнага і палітычнага саюза (магчыма, у рамках славянскіх дзяржаў). <...> Разбураць тое добрае, што створана пакаленнямі нашых народаў, проста злачынна» [14, арк. 49].

Апазіцыя, у сваю чаргу, была пераканана ў тым, што інтэграцыя вядзе да яшчэ большага падрыву беларускай эканомікі і ўзмацнення залежнасці ад Расіі. Дэпутат Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь А. Сасноў засцерагаў: «Уступіўшы ў такі эканамічны саюз, мы праз год поўнасю ўгробім уласную прамысловасць» з-за розных узроўняў развіцця краін і жорсткіх умоў выжывання прадпрыемстваў, якія існавалі ў Расіі [5, арк. 143]. У заяве парламенцкай апазіцыі БНФ адзначалася, што аб'яцанае ўрадам аб'яднанне грашавых сістэм – гэта «не што іншае, як разбурэнне беларускай эканомікі і беларускай дзяржавы перад больш магутным расійскім капіталам» [15]. Гучала меркаванне аб тым, што «рублёвая зона новага тыпу – яшчэ адзін міф, з дапамогай якога ўрад хоча засцерагчыся ад сацыяльнага выбуху» [16].

Нягледзячы на пратэсты апазіцыі і крытыку курсу на шчыльную інтэграцыю з усходняй сусед-

кай, у выніку настойлівых намаганняў беларускай выканаўчай улады 8 верасня 1993 г. паміж урадамі і цэнтральнымі банкамі Расіі і Беларусі было заключана пагадненне аб аб'яднанні грашовых сістэм. Падпісанне канкрэтнага дагавора адбылося толькі вясной 1994 г. пасля сыходу з расійскага ўрада праціўнікаў рублёвай зоны Я. Гайдара і Б. Фёдарова. У падпісаным дакуменце ўтрымліваліся меры па збліжэнні эканомік дзвюх дзяржаў. Краіны бралі на сябе абавязак жорстка гарманізаваць свае бюджэтныя сістэмы, што на практыцы магло азначаць перадачу права фарміраваць беларускі бюджэт расійскаму парламенту. Беларусь абавязвалася на працягу трох месяцаў пасля аб'яднання грашовых сістэм прыняць расійскую сістэму аплаты працы, а сацыяльная палітыка павінна была стаць прадметам узаемнай каардынацыі.

Прадугледжвалася, што ў Беларусі будзе ўведзены расійскі рубель. Як успамінаў В. Кебіч, «уряд Расіі рабіў яму (насельніцтву Беларусі. – П. Ж.) шчодры падарунак. Курс [беларускага] рубля [да расійскага] складаў на той момант 1 да 5 і працягваў падаць. Масква пагаджалася зрабіць абмен наяўных грошай па курсе 1 да 1» [17, с. 386]. Але нават гэта прывабная для беларусаў мера хавала ў сабе шэраг праблем. Па меркаванні міжнародных экспертаў, такі абмен значыў неапраўданае павелічэнне зарплат, што магло прывесці да росту цэн і зніжэння канкурэнтаздольнасці беларускіх тавараў.

Падчас перамоў беларускі бок настойваў на тым, каб Нацыянальны банк Рэспублікі Беларусь захоўваў усе свае функцыі, у тым ліку эмісійныя. У эканамічным плане ідэя была малаверагоднай, паколькі прадугледжвала суіснаванне дзвюх суверэнных дзяржаў з адзінай валютай, але двума эмісійнымі цэнтрамі, таму такая фармулёўка не знайшла падтрымкі ў Маскве. У сваю чаргу, іншы варыянт дамовы, пры якім эмісію здзяйсняў Цэнтральны банк Расійскай Федэрацыі, супярэчыў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, дзе адзначалася, што толькі Нацыянальны банк Рэспублікі Беларусь можа ажыццяўляць эмісію плацежнага сродку, абавязковага для прыняцця на тэрыторыі краіны. Менавіта ён вызначаў парадак валютнага рэгулявання і меў выключнае права нагляду за нацыянальнай банкаўскай сістэмай. У сувязі з гэтым дагавор знайшоў моцнае супрацьдзеянне з боку кіраўніцтва Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь і часткі дэпутатаў Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь.

Старшыня Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь С. Багданкевіч заяўляў, што, адышоўшы ад першапачатковых дамоўленасцей, расійскі бок «высоўвае новыя дыскрымінацыйныя ўмовы і патрабаванні, непрымальныя нават для перамоў» [18, с. 9]. Спікер парламента С. Шушкевіч прама адзначаў, што «ў выпадку, калі б Беларусь прыняла ўмовы, на якіх Цэнтральны банк Расіі прапануе ёй увайсці

ў рублёвую зону, гэта была б катэгарычная страта не толькі самастойнасці, але і самапавагі» [19, с. 2]. У выніку С. Багданкевіч падпісаў дамову з перацаненнямі па пятым артыкуле, які перадаваў Расіі права адзінага эмісійнага цэнтра. Па сутнасці, гэта ператварыла пагадненне ў пратакол аб намерах.

Ужо пасля выбараў Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь улады адмовіліся ад хуткага пераходу на расійскі рубель, бо яшчэ да абрання прэзідэнтам А. Лукашэнка заяўляў, што «падпісаная ў Маскве дамова – гэта далёка не тое, што нам хацелася» [20, с. 4], бо ў ёй не ішло гаворкі пра цэны на энерганосьбіты, што было вельмі важна для айчынай эканомікі, а падпісаннем дакумента ўрад парушыў Канстытуцыю. «Я за самастойнасць нашага нацыянальнага банка і за самастойны бюджэт», – адзначаў будучы прэзідэнт [21]. Ужо агучваючы праграму выхаду з крызісу, А. Лукашэнка казаў, што «адна з галоўных задач, якія стаяць перад намі, – аздараўленне грашова-крэдытнай сістэмы. Для яе рашэння мы прапануем перш за ўсё заканадаўча аб'явіць разліковы білет Нацыянальнага банка – беларускі рубель – адзіным законным плацежным сродкам» [22, арк. 24]. Гэта прапанова была замацавана рашэннем Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь ад 19 кастрычніка 1994 г., а размовы пра рублёвую зону сышлі з павесткі дня. «Мы стаім на пазіцыі таго, каб не ўносіць змен у Канстытуцыю Рэспублікі Беларусь. Я кажу гэта ў сувязі з пытаннямі аб аб'яднанні грашовых сістэм. Наш Вярхоўны Савет упэўнены ў тым, што грашова-крэдытная сістэма павінна быць прывілеем нашай дзяржавы», – заяўляў на сустрэчы з прадстаўнікамі МВФ старшыня беларускага парламента М. Грыб [23, арк. 2].

Такім чынам, адмова ад агульнай рублёвай прасторы і пераход Беларусі на нацыянальную грашовую адзінку былі абумоўлены наступнымі прычынамі:

- адсутнасць у рэспублік СНД скаардынаванай грашова-крэдытнай палітыкі, фактычнае невыкананне заключаных дамоўленасцей, пераход Расіі да больш жорсткай манетарнай палітыкі;

- функцыянаванне савецкага валютнага саюза не на рыначнай аснове, а ва ўмовах адміністрацыйна-каманднай эканомікі, у сувязі з чым узніклі і праблемы рэфармавання грашова-крэдытнай сістэмы СССР;

- пашырэнне ў Беларусі інфляцыі, плацежны крызіс і звязаныя з гэтым праблемы дэфіцыту наяўнасці, грашовай «інтэрвенцыі» з іншых рэспублік СССР, валютных спекуляцый і г. д.

Спробы стварыць рублёвую зону новага тыпу таксама не скончыліся поспехам па прычыне немагчымасці забяспечыць роўныя ўмовы для суб'ектаў саюза (Расіі і Беларусі) у будучым аб'яднанні.

Нягледзячы на тое што першапачаткова відавочнымі былі перавагі адзінай рублёвай зоны, захаваць яе ў тым ці іншым выглядзе не ўдалося. Прадпрыемствы і ўрад жадалі жыць па-ранейшаму і не праводзіць «балючыя» для насельніцтва і дзяржавы рэформы, выкарыстоўваючы выгаду ад агульнай эканамічнай прасторы, але рыначныя пераўтварэнні сталі каталізатарам змен у грашова-крэдытнай сферы. У тагачасных умовах захаванне савецкага рубля нараджала новыя праблемы для ўстойлівасці эканомікі, павялічвала інфляцыю.

Кіраўніцтва Беларусі, хоць і спрабавала зберагчы адзіную рублёвую зону, вымушана было насупе-

рак сваім планам увесці ўласную грашовую адзінку спачатку ў якасці наяўнага, а потым і ў выглядзе адзінага законнага плацежнага сродку. Такім чынам фактычна была створана незалежная грашовая сістэма.

Эканамічныя рэаліі дыктавалі кіраўніцтву Беларусі і астатнім рэспублікам СНД новыя шляхі фарміравання грашова-крэдытнай палітыкі. Увядзенне нацыянальнай валюты ў большай ступені адпавядала мэтам маладых краін, якія фарміравалі самастойныя сацыяльна-эканамічныя сістэмы і шукалі шляхі выхаду з крызісу, які выбухнуў у выніку распаду СССР і пераходу да новай мадэлі развіцця.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Белорусская валюта будет или уже есть? // Белорус. рынок. 1992. Январь (№ 2). С. 9.
2. Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 7. Воп. 12. Спр. 83.
3. Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 968. Воп. 1. Спр. 2822.
4. Директивная была. Будет ли рыночная? // Белорус. рынок. 1992. Март (№ 5). С. 1.
5. Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 968. Воп. 1. Спр. 4135.
6. Кротов Н. И. Путь Геракла: история банкира Виктора Геращенко, рассказанная им Николаю Кротову. М., 2011.
7. Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 7. Воп. 12. Спр. 118.
8. Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 968. Воп. 12. Спр. 70.
9. Баюра А. Формирование денежной системы суверенной Беларуси в 1992–1994 гг. // Банк. вестн. 2013. Май. С. 60–64.
10. Кебич В. Ф. Испытание властью: из жизни премьер-министра. Минск, 2008.
11. Гайдар Е. Т. Собрание сочинений : в 15 т. М., 2014. Т. 8.
12. Кучма Л. Д. Своим путем: размышления об экономических реформах в Украине. Киев, 2004.
13. Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 968. Воп. 12. Спр. 121.
14. Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 968. Воп. 12. Спр. 129.
15. Ёсць сілы, здольныя на барацьбу // Свабода. 1994. 8–14 лют. (№ 5). С. 1.
16. За адзін даляр – 60 000 «зайцаў» // Свабода. 1994. 1–7 лют. (№ 4). С. 3.
17. Кебич В. Ф. Любим ли мы Россию? Минск, 2015.
18. Богданкевич С. Эту экономику не спасти денежными вливаниями // Белорус. рынок. 1994. 5–11 янв. (№ 2). С. 1, 9.
19. Груздзіловіч А. Год маўклівага процістаяння // Нар. газ. 1994. 4 студз. С. 1–2.
20. Лукашэнка супраць // Свабода. 1994. 19–25 крас. (№ 15). С. 4.
21. Абрамович В. Александр Лукашенко: «Если мы не справимся с мафией, она задушит экономику» // Белорус. рынок. 1994. 6–12 июня (№ 25). С. 4.
22. Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 968. Воп. 1. Спр. 3341.
23. Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 968. Воп. 11. Спр. 21.

References

1. Belorusskaya valyuta budet ili uzhe est'? *Beloruss. rynok*. 1992. January (No. 2). P. 9 (in Russ.).
2. Natl. arch. Rep. of Belarus. Fund 7. Regist. 12. File 83 (in Belarus.).
3. Natl. arch. Rep. of Belarus. Fund 968. Regist. 1. File 2822 (in Belarus.).
4. Direktivnaya byla. Budet li rynochnaya? *Beloruss. rynok*. 1992. March (No. 5). P. 1 (in Russ.).
5. Natl. arch. Rep. of Belarus. Fund 968. Regist. 1. File 4135 (in Belarus.).
6. Krotov N. I. Put' Gerakla: istoriya bankira Viktora Gerashchenko, rasskazannaya im Nikolayu Krotovu. Moscow, 2011 (in Russ.).
7. Natl. arch. Rep. of Belarus. Fund 7. Regist. 12. File 118 (in Belarus.).
8. Natl. arch. Rep. of Belarus. Fund 968. Regist. 12. File 70 (in Belarus.).
9. Bayura A. Formirovanie denezhnoi sistemy suverennoi Belarusi v 1992–1994 gg. *Bankovskii vestnik*. 2013. May. P. 60–64 (in Russ.).
10. Kebich V. F. Iskushenie vlast'yu: iz zhizni prem'er-ministra. Minsk, 2008 (in Russ.).
11. Gaidar E. T. Sobranie sochinenii : in 15 vol. Moscow, 2014. Vol. 8 (in Russ.).
12. Kuchma L. D. Своим путем: razmyshleniya ob ekonomicheskikh reformakh v Ukraine. Kiev, 2004 (in Russ.).
13. Natl. arch. Rep. of Belarus. Fund 968. Regist. 12. File 121 (in Belarus.).
14. Natl. arch. Rep. of Belarus. Fund 968. Regist. 12. File 129 (in Belarus.).
15. Josc' sily, zdol'nyja na barac'bu. *Svaboda*. 1994. 8–14 Febr. (No. 5). P. 1 (in Belarus.).
16. Za adzin daljar – 60 000 «zajcaw». *Svaboda*. 1994. 1–7 Febr. (No. 4). P. 3 (in Belarus.).
17. Kebich V. F. Lyubim li my Rossiju? Minsk, 2015 (in Russ.).

18. Bogdankevich S. Etu ekonomiku ne spasti denezhnymi vlivaniyami. *Beloruss. rynok*. 1994. 5–11 Jan. (No. 2). P. 1, 9 (in Russ.).
19. Gruzdzilovich A. God mawklivaga procistajannja. *Nar. gaz.* 1994. 4 January. P. 1–2 (in Belarus.).
20. Lukashjenka suprac'. *Svaboda*. 1994. 19–25 April (No. 15). P. 4 (in Belarus.).
21. Abramovich V. Aleksandr Lukashenko: «Esli my ne spravimsya s mafiei, ona zadushit ekonomiku». *Beloruss. rynok*. 1994. 6–12 June. (No. 25). P. 4 (in Russ.).
22. Natl. arch. Rep. of Belarus. Fund 968. Regist. 1. File 3341 (in Belarus.).
23. Natl. arch. Rep. of Belarus. Fund 968. Regist. 11. File 21 (in Belarus.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 10.10.2016.
Received by editorial board 10.10.2016.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ АРАБСКОГО ПИСЬМА ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ИНДИЙСКИХ СЛОВ И ТЕРМИНОВ (по материалам произведений аль-Бируни «Индия» и «Патанджала»)

Т. В. ШАХЗАД¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Исследуются особенности языка произведений аль-Бируни в отношении индийских источников. Рассматриваются способы передачи индийских терминов посредством арабской графики на примере книг ученого. Проанализированы характерные черты перевода отдельных слов с санскрита и индийских языков на арабский язык. Изучаются грамматические особенности транскрипций индийских лексем, способы использования арабской графики для передачи индийских звуков. Выявляется связь языка, передаваемого аль-Бируни, с языками Северо-Западной Индии 1-й половины XI в. Сделаны выводы о том, что ученый пытался создать систему графических знаков для передачи индийских звуков: в транскрипциях один и тот же звук мог передаваться разными знаками. Отмечено, что местный язык был использован правителями региона для укрепления своей власти среди покоренных народов, что положило начало дальнейшему взаимодействию двух культур (мусульманской и индийской), которое проявило себя в более поздний период.

Ключевые слова: аль-Бируни; Индия; санскрит; арабский язык; индийская философия.

Образец цитирования:

Шахзад Т. В. К вопросу о применении арабского письма для передачи индийских слов и терминов (по материалам произведений аль-Бируни «Индия» и «Патанджала») // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 48–52.

For citation:

Shahzad T. V. To the question of adaptation of the Arabic script for transliteration of Indian words and concepts (based on the works of al-Biruni «India» and «Kitab Batanjala»). *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 48–52 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Валерьевна Шахзад – аспирантка кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент О. В. Перзашкевич.

Author:

Tatiana Shahzad, postgraduate student at the department of Ancient and Medieval history, faculty of history.
tanya_shahzad@mail.ru

TO THE QUESTION OF ADAPTATION OF THE ARABIC SCRIPT FOR TRANSLITERATION OF INDIAN WORDS AND CONCEPTS (based on the works of al-Biruni «India» and «Kitab Batanjal»)

T. V. SHAHZAD^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to peculiarities of al-Biruni's language in attitude to Indian sources. The object of the article is consider the way of transmitting of Indian terms by the use of the Arabic script on the example of the scientist's works. The author analyzes the features of translation from Sanskrit and Indian languages into Arabic. The author studies the grammatical features of transcriptions of Indian words; way to use Arabic script to transfer the sounds of Indian language. The author considers connection of language used by al-Biruni with the languages of the North-Western India of the first half of XI century. The author concludes that the scientist attempted to create a system of graphic signs for the transmission of Indian sounds. The transcriptions of the same sound can be transmitted by different signs. Local language was used by the rulers of the region to consolidate their power among the conquered peoples. Therefore, we can say that the beginning of further cooperation between two cultures (Muslim and Indian) which would demonstrate itself in later period was started.

Key words: al-Biruni; India; Sanskrit; Arabic language; Indian philosophy.

Изучение взаимодействия народов, не имеющих, на первый взгляд, между собой ничего общего, сформировавшихся в различных природных условиях и, соответственно, характеризующихся различными представлениями о мироздании, не теряет актуальности и сегодня. В данной статье речь пойдет не столько о взаимодействии народов, сколько о соприкосновении двух культур – мусульманской и индийской. С распространением ислама покоренные народы постепенно перенимали мусульманскую культуру. Арабское письмо со временем адаптировалось к новому языку, однако это вызывало трудности, так как в арабской графической системе было недостаточно знаков для отражения отсутствующих в нем звуков.

Цель данной статьи – рассмотреть способы передачи индийских терминов посредством арабской графики на примере произведений аль-Бируни.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: рассмотреть особенности использования аль-Бируни слов санскрита и современного ему индийского языка в произведениях «Индия» и «Патанджала»; определить особенности передачи индийских терминов аль-Бируни посредством арабской графики. В данной работе мы использовали транслитерацию санскритских и арабских знаков.

Историография проблемы весьма обширна. За последние 100 лет вышло достаточно большое количество переводов произведения аль-Бируни «Индия». Переводчики по-разному интерпретировали спорные моменты рукописи, предлагая различные варианты прочтения отдельных слов и трактовки определенных понятий, переданных автором на арабском языке, исходя из особенностей санскрита и индийских языков времен аль-Бируни. Первооткрыватель в данном вопросе – Э. Захау [1, р. VII–L]. Его перевод произведения «Индия» с арабского на английский язык лежит в основе всех последующих переводов данной работы.

Наибольшие трудности возникают при изучении произведения аль-Бируни «Патанджала», которое представляет собой перевод с санскрита на арабский язык текстов «Йога-сутры» Патанджали (индийский философский трактат об освобождении души от оков тела). В переводе осуществлена попытка изложить индийские философские взгляды посредством арабского языка, однако аль-Бируни не имел сложившегося понятийного аппарата для передачи индийских реалий, что привело к наличию большого числа трактовок отдельных слов. Усугубляет ситуацию и то, что рукопись перевода была переписана небрежно, с ошибками [2]. Произошло это по вышеуказанной причине, что усложнило понимание текста арабоязычными читателями. В решении данной проблемы особое значение имеют работы С. К. Чаттерджи [3], Ш. Пинеса и Т. Гельблюма [4–7]. Заслуга С. К. Чаттерджи состоит в том, что ученый систематизировал информацию из названных источников непосредственно по применению аль-Бируни арабской графики для передачи индийских понятий. Исследователи Ш. Пинес и Т. Гельблюм в результате кропотливой работы смогли найти более точные соответствия арабскому переводу в текстах «Йога-сутры» на санскрите.

В первой главе книги «Индия» аль-Бируни описал те трудности, с которыми ему пришлось столкнуться при изучении индийского языка и записи индийских слов. Он отмечал, что индийский язык похож на арабский тем, что одно слово может иметь в нем несколько значений [8, р. 64]. Это обусловлено метрической системой, согласно которой написаны индийские тексты, что приводит к вынужденному многословию и, соответственно, к многозначности слов [8, р. 65]. Ученый отмечал, что язык, на котором индийцы говорят в повседневной жизни, отличается от языка, на котором написаны книги.

Аль-Бируни отмечал, что он столкнулся с трудностями при записи звуков изучаемого языка и ему

понадобилось преобразовывать арабское письмо под индийский фонетический строй. Ученый сетовал на то, что в санскрите часто встречаются слова с тремя согласными без гласных, что затрудняет их произношение. Кроме того, аль-Бируни утверждал, что переписчики книг невнимательны и мало заботятся о точности излагаемой информации [8, р. 65].

В первой главе аль-Бируни также раскрывал некоторые особенности своей работы: если для индийского понятия существовал арабский термин, он указывал его; если же подобный термин отсутствовал, то автор пытался передать его звучание; если слово было заимствовано и широко распространено в арабском языке, то объяснял его [8, р. 69–70]. Следует уточнить, что в арабском языке и санскрите нет полного соответствия философских и религиозных понятий. Приводимые аль-Бируни соответствия могут быть похожи по смыслу на оригинальные термины, но отличаться от них из-за разного мировосприятия и условий, в которых формировались языки (первостепенную роль здесь играет религия).

Как показывал Э. Захау, аль-Бируни прибегал к помощи брахманов или пандитов, которые переводили интересующие его тексты. Возможно, аль-Бируни сам мог читать их с помощью таких переводов. Велика вероятность того, что ученый для собственного использования записывал на персидском или арабском языках пересказы индийских произведений [3, р. 86–87].

Следует упомянуть о том, что определенное количество текстов было переведено с санскрита на пехлевийский язык в период правления Сасанидов, а арабские переводы индийских работ по математике, астрономии, медицине и философии были сделаны в Багдаде в период правления Аббасидов [3, р. 88].

Аль-Бируни в произведении «Индия» дал более 2500 транскрипций санскритских слов. На наш взгляд, можно согласиться с предположением С. К. Чаттерджи о том, что эти транскрипции в рукописи передавались двумя способами: и как слова, записанные куфическим письмом, и как слова, записанные непосредственно аль-Бируни, однако позже переписанные с ошибками. Обоснованным представляется также мнение С. К. Чаттерджи о том, что во времена аль-Бируни точки, которые показывали разницу между буквами, были скорее исключением, чем правилом [3, р. 89–90].

Для передачи индийских терминов, названий сочинений и имен собственных аль-Бируни применил созданную им на базе арабской графики систему транскрипции. Для обозначения звуков [p], [ch], [g] он использовал персидские буквы, которые впоследствии закрепились в письменности Индии. Персидская буква, служащая для передачи звука [g], в эпоху аль-Бируни имела другую форму – вместо

дополнительной черты над ней ставились две точки [3, р. 90]. Аль-Бируни также ввел в свою систему знаки для обозначения индийских звуков [v] (*āvarta* – *āvrt*) и [j] (*rājanya* – *rājn*), но чаще он употреблял те знаки, которые используются и в настоящее время [9, с. 42].

Рассматривая транскрипцию индийских слов у аль-Бируни, не следует забывать, что автор книги «Индия» не проводил строгого разграничения между санскритом и народным языком современного ему Пенджаба, соответственно, он не различал в ряде случаев собственно санскритские и пракритские, или новоиндийские, формы слов [3, р. 89; 9, с. 42]. Нельзя не согласиться с утверждением С. К. Чаттерджи о том, что аль-Бируни был «непостоянен: он иногда произносит санскритские буквы одним способом, иногда – другим»¹ [3, р. 89]. Как указывал Э. Захау, в написании многих санскритских слов у аль-Бируни отразилось нестандартное, подвергшееся влиянию пракритов и народных говоров, произношение его индийских помощников [1, р. XXII]. Исследователь приводит некоторые слова, транскрибированные неодинаково в разных частях книги: *matsya* (*mts* и *mch*, причем *maccha* – пракритская форма); *bhaviSyā* (*bbsh* и *bhbsh*); *yājñavalkya* (*dzāndz nlk* и *dzākmlak*) – в первом случае аль-Бируни, очевидно, списывал слово с книги, во втором – воспроизводил его на слух [1, р. XXII].

Несомненно, «пракритизированное» произношение обусловило частое воспроизведение в текстах аль-Бируни санскритского [u] через [dz] – эта замена характерна для народного произношения санскритских слов, очевидно, еще с древних времен: *ayuta* (*ādzūt*), *āryaka* (*ārdzak*), *yavana* (*dzbn*), но *ana* (*in*), *hayagrīva* (*higrū*) и т. д. [1, р. 92]. Часто аль-Бируни не различал санскритских слов и соответствующих им новоиндийских значений, это особенно наглядно проявляется в транскрибировании названий месяцев и некоторых числительных [9, с. 42].

Помимо этого, аль-Бируни почти систематически передавал стандартное санскритское *v* через *b*: *avama* (*ābm*), *cravana* (*āshrbn*), *ilāvṛta* (*ālābrt*), *vāsu-ki* (*bāsk*). Такое произношение характерно как раз не для Пенджаба, а для Северо-Восточной Индии. Возможно, аль-Бируни ориентировался на произношение внутренних районов страны сознательно как на более чистое. Реже передавал он *w* как *v* (в начале слова – никогда): *acvīn* (*āshvn*), *cRngavant* (*āshrnkvt*), *cveta* (*shvīt*). Еще реже аль-Бируни использовал *v* или *f* для отражения звука [v]: *avanti* (*āfnt*), *vaDavāmukha* (*frfāmh*) [9, с. 43]. Символ, соответствующий латинской букве *v*, присутствовал в хорезмийском языке [10, с. 10].

Церебральные согласные, которым нет соответствия ни в арабском, ни в персидском языках,

¹Здесь и далее перевод наш. – Т. III.

аль-Бируни передавал либо через соответствующие дентальные *t*, *d* – *dandaka* (*dndk*), *kutāra*, (*ktrh*), – либо обозначал церебральность буквой *r*, которую также использовал для глубокого [*ḍ*], когда он произносился как [*r*]: *tvtastr* (*dvstr*), *cudāmanI* (*dzurāmn*). Характерно, что аль-Бируни различал обычное и церебральное [*ṇ*] (сохранившиеся до наших дней в панджаби, синдхи и пушту), для которого он использовал комбинацию *nr* или *rn* (*p'nrt* = *Pāṇini*, написанное *p'nrt*, *brnj* = *banij* или *vanij*) [3, p. 90]. Интересны различные способы воспроизведения церебрального [*s*]: через *sh*, *r*, *kh* [9, с. 43].

Придыхательные звуки аль-Бируни в некоторых случаях обозначал добавлением буквы *h* (*arundhati* (*ārndht*), *bhāra* (*bhār*)). В других случаях оставлял придыхание необозначенным. Местами придыхательные [*th*] передавались через глухие *th*, а [*dh*] – через *z* (составляет с предыдущим звуком пару по глухости/звонкости): *atharvaNa* (*āthrbn*), *gomedha* (*kwmḍh*); *kh* обозначалось через [*kh*] (*svamukha* (*svmkh*), *khara* (*khr*), *khara* (*khrb*) [9, с. 43].

Часто встречаются случаи передачи глухих согласных через звонкие: *ācarya* (*ādzārdz*), *pulastya* (*blst*); звонких – через глухие: *Ārjuna* (*ārchn*), *catuSpada* (*jzschz*). Очевидно, по большей части указанные примеры являются ошибками переписчика [9, с. 44].

Вокализм санскритских слов аль-Бируни передавал при помощи знака «дамма» (служит для обозначения краткого гласного [*y*]), однако переписчики, создавая в дальнейшем путаницу, вместо даммы использовали сукун, обозначающий отсутствие гласного после согласного [3, p. 90].

Как отмечал Э. Захау, индийские слова были известны в арабской и персидской литературе до аль-Бируни и воспроизводились им в традиционной транскрипции: *dvipa* (*dīb*), *nālikera* (*nārdzīl*), *viḥāra* (*bhār*), *veda* (*bīz*), *bhārata* (*bhārt*), *dharma* (*dharm*) и др. [1, p. XXVII].

В соответствии с нормами арабского письма аль-Бируни воспроизводил главным образом согласные звуки индийских слов. Для устранения стечения двух согласных в начале слова ставился знак «алиф». Существенные затруднения переводчик испытывал при передаче системы индийских гласных, поскольку в арабском языке передаются только три гласных звука в кратком и долгом вариантах, и им соответствуют шесть графических знаков, а также имеются символы для обозначения отсутствия гласного и удвоенного согласного. В употреблении этих знаков в текстах аль-Бируни наблюдается непоследовательность, а порой и неясность [9, с. 44].

Аль-Бируни в книге «Индия» привел пример того, почему некоторые индийские названия искажаются. Арабская транслитерация, наиболее часто

используемая для астрономических теорий Арьябхаты, передает его имя как *Arjabhar* или *Arjabhadh*, а также в неправильной форме *al-Azjir* [11, p. 237]. Аль-Бируни писал о том, что «произношение индийцами *d* в этом слове похоже на что-то среднее между *d* и *r*, поэтому согласный меняется на *r*, и люди стали писать *Arjabhar*. Впоследствии оно еще больше искажилось: первое *r* было заменено на *z*, и поэтому люди стали писать *Azjabhar*. Если слово в данном виде вернется к индийцам, они его не узнают» [11, p. 356].

Исходя из сказанного, можно согласиться с мнением С. К. Чаттерджи, который отмечал, что аль-Бируни в произведении «Индия» передал значительную часть слов, употребляемых в Северо-Западной Индии, вместо санскритских лексем [3, p. 93].

После присоединения Пенджаба к государству Газневидов Махмуд использовал специальные для этого региона двуязычные монеты: на одной стороне находились надписи на арабском языке: указывались калима, имя правителя, который выпустил эти монеты, место, где они были отчеканены (г. Мухаммадапур, т. е. Лахор), дата по эре хиджры (412 г. = 1021 г. н. э., 419 г. = 1028 г. н. э.); на другой стороне все надписи были сделаны на санскрите [3, p. 96–97]. Данный перевод, как отмечал С. К. Чаттерджи, выполнил аль-Бируни. В доказательство ученый привел перевод калимы (*lā-'ilāha 'illā-llāh*, *Muḥammad rasūl-allāh* ‘нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его’) на санскрит: *Avyaktam ekam, Muhammada avatāra*. Определение Мухаммада как *avatāra* ‘воплощение, олицетворение Бога’ С. К. Чаттерджи связывал с влиянием мистицизма суфиев [3, p. 96]. Можно согласиться с позицией К. Эрнста, который утверждал, что *avatāra* – это термин, который соответствует понятию снисхождения Вишну на землю как воплощения Рамы и Кришны [12, p. 52]. Аль-Бируни переводил слово «Аллах» соответствием *Avyakta* ‘один без формы и образа’ [3, p. 99]. Для термина «пророк» на монете использовано санскритское слово *jina*. В книге «Индия» аль-Бируни употреблял его на санскрите дважды по отношению к Будде [1, p. 57; 3, p. 98].

Таким образом, аль-Бируни был первым, кто попытался расширить использование арабской графики для индийских языков. Это вызывало определенные трудности как у самого ученого, так и у исследователей его произведений. Отсутствие приемлемого понятийного аппарата не способствовало распространению произведений «Индия» и «Патанджала» среди широкого круга читателей. Однако этими работами было положено начало для дальнейшего взаимодействия двух культур – мусульманской и индийской, – которое проявилось в более поздний период.

Библиографические ссылки

1. Sachau E. Alberuni's India. An Account of the Religion, Philosophy, Literature, Geography, Chronology, Astronomy, Customs, Laws and Astrology of India about A. D. 1030 : an Engl. Ed. with Notes and Indices. London, 1888. Vol. 1.
2. Ritter H. Al-Biruni's Übersetzung des Yoga-Sutra des Patanjali // *Oriens*. 1956. Vol. IX, issue 2. P. 165–200.
3. Chatterji S. K. Al-Biruni and Sanskrit // *Al-Biruni Commemoration Volume*. Calcutta, 1951. P. 83–100.
4. Pines Sh., Gelblum T. Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his First Chapter and Comparison with Related Sanskrit Texts // *Bull. Sch. Orient. Afr. Stud.* Cambridge, 1966. Vol. 29, issue 2. P. 302–325.
5. Pines Sh., Gelblum T. Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his Second Chapter and Comparison with Related Texts // *Bull. Sch. Orient. Afr. Stud.* Cambridge, 1977. Vol. 40, issue 2. P. 522–549.
6. Pines Sh., Gelblum T. Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his Third Chapter and Comparison with Related Texts // *Bull. Sch. Orient. Afr. Stud.* Cambridge, 1983. Vol. 46, issue 2. P. 258–304.
7. Pines Sh., Gelblum T. Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his Fourth Chapter and Comparison with Related Texts // *Bull. Sch. Orient. Afr. Stud.* Cambridge, 1989. Vol. 52, issue 2. P. 265–305.
8. *Abu ar-Raihan al-Biruni*. Tahqiq ma lil-hind. Hedarabad, 1958.
9. Бируни. Индия. М., 1995.
10. Фрейман А. А. Хорезмийский язык. М. ; Л., 1951.
11. Khan M. S. Āryabhata I and al-Biruni // *Indian J. Hist. Sci.* 1977. № 12 (2). P. 237–244.
12. Ernst W. C. *Eternal Garden: Mysticism, History, and Politics at a South Asian Sufi Center*. Oxford, 2004.

References

1. Sachau E. Alberuni's India. An Account of the Religion, Philosophy, Literature, Geography, Chronology, Astronomy, Customs, Laws and Astrology of India about A. D. 1030 : an Engl. Ed. with Notes and Indices. London, 1888. Vol. 1.
2. Ritter H. Al-Biruni's Übersetzung des Yoga-Sutra des Patanjali. *Oriens*. 1956. Vol. IX, issue 2. P. 165–200 (in Ger.).
3. Chatterji S. K. Al-Biruni and Sanskrit. *Al-Biruni Commemoration Volume*. Calcutta, 1951. P. 83–100.
4. Pines Sh., Gelblum T. Al-Biruni's Arabic version of Patañjali's Yogasutra: a translation of his first chapter and comparison with related sanskrit texts. *Bull. Sch. Orient. Afr. Stud.* Cambridge, 1966. Vol. 29, issue 2. P. 302–325. DOI: S0041977X00058870.
5. Pines Sh., Gelblum T. Al-Biruni's Arabic version of Patañjali's Yogasutra: a translation of his second chapter and comparison with related texts. *Bull. Sch. Orient. Afr. Stud.* Cambridge, 1977. Vol. 40, issue 3. P. 522–549. DOI: S0041977X00045900.
6. Pines Sh., Gelblum T. Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his Third Chapter and Comparison with Related Texts. *Bull. Sch. Orient. Afr. Stud.* Cambridge, 1983. Vol. 40, issue 3. P. 258–304. DOI: S0041977X00078848.
7. Pines Sh., Gelblum T. Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his Fourth Chapter and Comparison with Related Texts. *Bull. Sch. Orient. Afr. Stud.* Cambridge, 1991. Vol. 40, issue 3. P. 265–305. DOI: S0041977X00035461.
8. Abu ar-Raihan al-Biruni. Tahqiq ma lil-hind. Hedarabad, 1958 (in Arabic).
9. Biruni. Indiya. Moscow, 1995 (in Russ.).
10. Freiman A. A. Khorezmiiskii yazyk. Moscow ; Leningrad, 1951 (in Russ.).
11. Khan M. S. Āryabhata I and al-Biruni. *Indian J. Hist. Sci.* 1977. No. 12 (2). P. 237–244.
12. Ernst W. C. *Eternal Garden: Mysticism, History, and Politics at a South Asian Sufi Center*. Oxford, 2004.

Статья поступила в редколлегию 04.10.2016.
Received by editorial board 04.10.2016.

ВРАЧЕБНАЯ ПРОФЕССИЯ В ГОРОДАХ АНГЛИИ XI–XIII вв.

А. С. ОХРИМЕНКО¹⁾

¹⁾Национальный центр «Малая академия наук Украины», ул. Дегтярёвская, 38/42, 04112, г. Киев, Украина

Анализируется положение городских врачей в Англии в XI–XIII вв. Рассматриваются социальный статус, уровень обеспеченности, особенности изображения медиков на миниатюрах и витражах во времена развитого Средневековья на основе документальных, нарративных и художественно-изобразительных источников. Показано, что в английских городах к обязанностям врачей относился широкий круг занятий, о чем свидетельствует употребление в источниках различных терминов для обозначения данной профессии: *medicus, phisicus, chirurgus, phlebotomator, apotecarius, leech, mires, ffecissian, barber, magister, «wise woman»*. Отмечено, что в период XI–XIII вв., до открытия медицинских факультетов в университетах Англии, медицина являлась семейным делом. Доказывается, что во времена высокого Средневековья возросла роль городских лекарей и уменьшилось значение церковных врачей. Утверждается, что представления о медиках среди самих горожан были неоднозначными: с одной стороны, их пугало использование кровопускания, с другой – к услугам врачей они обращались часто. Установлено, что существовал специальный жест медика, изображаемый на миниатюрах рукописей. Описаны особенности костюма доктора на основе анализа визуального материала. Высказано предположение о том, что городских врачей можно отнести как к группе интеллектуалов, так и к классу ремесленников. Проведена параллель между возрастанием роли врачей в городском окружении и пониманием горожанами, городской властью и королевской администрацией важности общественного здоровья.

Ключевые слова: социальная история медицины; средневековая медицина; социальный статус медика; английский город; развитое Средневековье.

MEDICAL PROFESSION IN URBAN CENTERS OF ENGLAND DURING THE XI–XIII CENTURIES

O. S. OKHRIMENKO^a

^aNational Center «Minor Academy of Sciences of Ukraine», Dehtyariivska street, 38/42, 04112, Kyiv, Ukraine

The article deals with the position of the physicians in English urban centers of the XI–XIII centuries. On the base of documents, narrative and visual sources it investigates the social status, levels of profits, key features of the representation of the English doctors during the High Middle Ages. The article shows, that there were various titles for medieval medics in English towns (*medicus, phisicus, chirurgus, phlebotomator, apotecarius, leech, mires, ffecissian, barber, magister, «wise woman»*). Faculty of medicine was not opened in England at that time. Medicine was a family business in English urban centers during the XI–XIII centuries. The investigation demonstrates that in the High Middle Ages there was a rise of role of doctors that practiced in towns and decline of doctors of religious centers. Based on the sources, author proves that there was no clear position of the urban residents on medics. On the one hand town doctors made a distrust of using the bloodletting. On the other hand the urban documents of the XI–XIII centuries involved many such evidences of the treatment cases of town's residents. According to the miniatures there were certain features of the doctors' costume and special «doctor's gesture». During the High Middle Ages in English urban centers, the professional treatment became a part of doctor profit, but very often, it was done with the violation of law. The author draws the parallel between growing of the importance of the doctors in English urban centers during the XI–XIII centuries and increase of the public health.

Key words: social history of medicine; medieval medicine; social status of medic; English town; the High Middle Ages.

Образец цитирования:

Охрименко А. С. Врачебная профессия в городах Англии XI–XIII вв. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 53–60.

For citation:

Okhrimenko O. S. Medical profession in urban centers of England during the XI–XIII centuries. *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 53–60 (in Russ.).

Автор:

Александр Святославович Охрименко – кандидат исторических наук; методист 2-й категории отдела научно-аналитической работы.

Author:

Oleksandr Okhrimenko, PhD (history); methodist of the 2nd category at the department of scientific and analytic work.
alexoh@ukr.net

Изучение истории медицины, этапов ее становления и развития лежат в плоскости научных интересов как самой медицины, так и исторических наук. Накопление и систематизация научных знаний необходимы для прогресса в области медицинских исследований. Историков интересуют прежде всего положение врача в обществе, взаимоотношения между ним и пациентом, восприятие болезни средневековым человеком, иными словами, социальная составляющая истории медицины.

Цель изучения проблемы врачебной профессии в городах Англии XI–XIII вв. состоит в том, чтобы определить, что входило в компетенцию английских медиков эпохи развитого Средневековья и как возрастание их роли влияло на жизнь горожан. Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть взаимодействие круга людей, которые занимались лечебным делом, с другими категориями горожан – представителями религиозной среды, городскими чиновниками, рядовыми жителями.

Исследования социальной истории английского города в российской историографии началось еще в XIX в. В работах А. К. Дживелегова, И. М. Бондаренко [1; 2] и других ученых рассматривались лишь отдельные аспекты городских профессий Англии в эпоху развитого Средневековья. Специальное исследование, посвященное возникновению и ранней истории английских городов, принадлежит А. Я. Левицкому [3]. Его работа заложила основы постоянного интереса ученых к исследованию социальных аспектов существования городов Англии в Средние века. Этой проблеме, в частности, были посвящены статьи Е. В. Гутновой и А. А. Кирилловой [4; 5].

История медицины в социальном ключе – сравнительно новое научное направление. Обстоятельными исследованиями английской медицины Средних веков являются работы Ф. Гетс [6–8], К. Роуклифф [9–11], Е. Кили [12] и других авторов. Особое внимание в зарубежной исторической науке уделено исследованиям биографий медиков-практиков [7; 13], их доходов [14]. Отдельно отметим работу о г. Йорке, в которой подробно проанализирована ранняя история организации медицинской практики в средневековом городе [15]. Последние исследования по санитарии городов (в англоязычной историографии – *public health* ‘общественное здоровье’) позволяют определить социальную роль врача в городе, влияние медицинских научных знаний на жизнь населения [16; 17]. Однако проблема врачебной профессии в английских городах времен развитого Средневековья, к сожалению, исследована недостаточно полно.

Источники по указанной теме весьма разнообразны. Письменные свидетельства включают в себя нарративы, законодательные постановления и документы. К первой категории источников относятся научные трактаты самих медиков и философов («Анатомия» Ричарда Английского [18], «Ошибки

врачей» Роджера Бэкона [19], «О природе вещей» Бартоломея Английского [20], «Трактат о душе» Джона Бланда [21], «О смерти сердца» Альфреда Сарисельского [22]), ранние среднеанглийские городские фаблио («О Лисе и Волке», «Госпожа Сириц» [23]) и хроники [24]. Постановления королевской администрации [25; 26] и городских властей [27] отражают официальную точку зрения на медиков, их деятельность. Однако трудно определить точно, насколько эти документы воплощались в жизнь. Также важным источником по избранной теме являются судебные реестры [28–30] и завещания [31], фиксировавшие отдельные случаи, в которых фигурировали английские медики. Для развитого Средневековья они носили скорее казуальный характер, что, однако, не умаляет их значения. Сопоставление свидетельств разных типов дает возможность показать общую картину состояния врачебного дела в английских городах XI–XIII вв.

Важной группой источников по проблеме врачебной профессии в Англии XI–XIII вв. является визуальный материал. Первые исследования английских медицинских миниатюр появились лишь в начале XX в. Отметим работы Ч. Сингера, который в 1930-х гг. опубликовал репродукции отдельных фолио средневековых медицинских рукописей, изучил некоторые аспекты медицины XI–XIII вв. [32–35]. Одним из видных исследователей данной проблематики была Л. К. Маккинни, которая в 1950-х гг. начала сбор средневековых иллюминированных рукописей медицинской тематики, делая фотографии и создавая коллекцию слайдов [36]. Среди современных исследователей в этом направлении работает П. Джоунс из Кембриджского университета [37]. Помимо миниатюр, важными источниками визуального характера являются витражи средневековых городских соборов. Большая коллекция английских материалов оцифрована и может быть использована исследователями [38]. При работе с такими источниками следует помнить, что они имели также символическое содержание, для прочтения которого необходимо сопоставлять миниатюры нескольких рукописей с письменными свидетельствами.

Таким образом, письменные сведения позволяют установить имена медиков-практиков, конкретные жизненные ситуации, связанные с ними, взгляды самих врачей и людей, которые сотрудничали с врачами. Однако, дополнив их визуальным материалом – изображениями витражей и миниатюр, – мы можем показать реальную картину исследуемой эпохи.

В английских городах XI–XIII вв. люди, которые занимались медициной, в источниках назывались по-разному. Например, Паулиний из г. Йорка в судебных делах первой половины XII в. обозначен латинским словом *medicus* ‘врач’ [15, р. 2]. В материалах, относящихся к г. Йорку и датируемых до

1300 г., с таким же профессиональным определением упомянуты 26 человек [15, р. 5]. Это были медики-практики, которые занимались лечением. Такое понимание работы *medicus* мы находим и в трактате Ричарда Английского (умер в 1252 г.) «Анатомия», в котором идет речь о внутренних органах и строении человеческого тела. Во вступлении автор подчеркивал практическое знание анатомии для работы врача (*medicus*) [18, р. 1]. Кроме того, для обозначения медицинских профессий применялось и латинское слово *phiscus*, получившее распространение в континентальной Европе (например, при упоминании мастера Хью из г. Винчестера, относящемся к концу XII в., употреблялось выражение *medicus et phiscus* [8, р. 8]). Использовалось также англо-саксонское слово *leche* (*leech*). В источниках упоминается Матильда, *la leche*, из г. Волингфорда, которая платила 20 пенсов налога [8, р. 96]. В литературе находим и французское название этой же профессии – *mires*. Так, Якоб из г. Йорка в судебных делах 1275 г. охарактеризован как *medicus et mire* [15, р. 2]. Использовались и слова «хирург» (*chirurgus, surgicus*) – человек, который выполнял операции [8, р. 8]; «кровопускатель» (*phlebotomator*) [39, р. 122], который занимался кровопусканием; «фармацевт» (*apothecarii*), знавший травы и настойки [39, р. 129]. Позже возникла специальность парикмахера (*barber*), совмещающая в определенной степени три вышеназванные профессии [15, р. 7]. Стоит упомянуть и магистров – образованных людей, которые имели специальное образование и занимались лечебной практикой [8, р. 11]. Кроме того, англичане развитого Средневековья обращались за помощью к так называемым знающим людям [40, р. 12, 19]. Таким образом, говоря об английских врачах XI–XIII вв., мы подразумеваем значительный круг людей, которые занимались медицинским делом.

Факт того, что название профессии врачей встречается в источниках на различных языках – латинском, английском, французском, – свидетельствует о сложности социально-политической ситуации в Англии высокого Средневековья. Королевство имело тесную связь с французскими территориями, как, впрочем, и со всей Европой, поэтому неудивительно, что в Англии (особенно в городах) жили врачи – представители разных наций. Например, Симон из г. Бовэ был хирургом Эдуарда I, а также лечил пациентов в Лондоне и Мальборо в 1270-х гг. Отдельно отметим врачей-евреев, представителей коммун в Лондоне, Йорке, Норидже, Кентербери и других городах Англии. Чаще всего в источниках не фиксировались их имена, как, например, в хронике Вильяма Ньюбургского, где под 1190 г. упоминается о «некоем еврее, медики, известном своим искусством и характером среди

христианских семей и почитаемом другими»¹, который был убит во время мятежа [24, р. 310]. Сохранилась информация о враче Мило, лондонском еврее, который в 1239 г. заплатил 2 шиллинга и 5 пенсов налога [8, р. 22], а также о Исааке, раввине и враче, который в XIII в. владел садом в г. Норидже [9, р. 23]. Стоит отметить, что проблемы иностранцев в городах средневековой Англии и их профессиональной специализации требуют изучения.

В период высокого Средневековья медицинские факультеты в качестве отдельных структурных единиц в английских университетах еще не функционировали [6, р. 382]. Специальное обучение доктора в XI–XIII вв. англичане получали на континенте. Например, Николас из г. Фарнама в первой половине XIII в. учился в Париже, Болонье, а затем – Кембридже и Оксфорде. Позже он стал королевским врачом английского монарха Генриха III и его жены Элеоноры. Но также есть сведения о том, что Николас лечил и горожанина Вудстока Роджера ле Пенетьера, за что получил 40 шиллингов [7, р. 223–225]. Подобная история обучения была и у Ричарда Английского: он окончил Парижский университет, затем служил врачом Папы Римского Георга IX, а последние годы жизни провел в Лондоне, где умер в 1252 г. [7, р. 270–272]. Медицина в Оксфорде и Кембридже преподавалась только в рамках общенаучных знаний, философии, астрономии. Первые оригинальные научные трактаты, затрагивающие медицинскую тематику, в Англии начали появляться в начале XIII в.: Джон Бранд написал «Трактат о душе», Альфред Сарисельский – «О смерти сердца». Бартоломей Английский в трактате «О природе вещей» одну из семи книг посвятил медицине. Нельзя утверждать, что эти научные деятели были медиками-практиками, скорее, они являлись учеными-теоретиками. Перейти к практической медицине их современникам помогали обучение на континенте или непосредственное знакомство с лечебным делом городских врачей [6, р. 284].

Судя по сведениям из источников, во времена развитого Средневековья лечебное дело в городах Англии передавалось из поколения в поколение. Из завещания Томаса, лондонского хирурга третьей четверти XIII в., известно о двух его дочерях и сыне, которые впоследствии упоминаются в документах как хирурги [8, р. 11; 31, р. 13–14]. В XIII в. сестры Солицита и Матильда со своим братом Джоном также занимались медициной, являвшейся семейным делом [8, р. 11]. В сборнике «Лондонские судебные дела 1276 г.» зафиксировано, что в Лондоне врачи – отец и двое сыновей – обвинялись в убийстве [8, р. 11]. Сохранились лишь ранние договоры об обучении медицинскому делу начала XV в. [8, р. 11].

¹Здесь и далее перевод наш. – А. О.

Отношение к разным категориям врачей в английских городах в XI–XIII вв. было неодинаковым. В религиозной среде лечение практиковали сами монахи. Так, в лазарете аббатства Святой Марии в г. Йорке в середине XII в. лечил некий Адам, а в 1259 гг. – Адам де Франсиний [15, р. 5]. Дискуссионным остается вопрос о наличии у них специального образования и возможности лечения ими горожан, однако очевидно, что врачебная практика в среде монахов существовала. Синодальный устав Петера Квивела (XIII в.) определял то главное, что следовало понять о медицине души: лекарем является Христос [41, р. 129].

Правильное с точки зрения церкви представление о тех, кто занимался лечением на профессиональной основе, с диагностированием заболеваний и применением лекарств, городская религиозная среда Англии XI–XIII вв. формировала у прихожан посредством витражей соборов. Обратим внимание на сохранившееся с начала XIV в. изображение из Йоркского собора [38, № 002138]. На нем врачи, проводящие уроскопию и осмотр пациента, имеют вид обезьян. Подобные сцены мы находим также в английских миниатюрах развитого Средневековья [43, р. 75–77; 44]. Трактовать эти изображения, по нашему мнению, следует так: обезьяны, которые являются подобными человеку, по средневековым бестиариям [45, folio 12v] только приближаются к главному врачу – Господу, который является настоящим лекарем души.

Другими словами, обычный медик-практик из городов Англии в эпоху Средневековья не мог рассчитывать на поддержку или признание своей работы со стороны церкви. Вместе с тем можно утверждать, что городские врачи являлись продолжателями лечебного дела, которое изначально распространялось в монастырях. В XI–XII вв. монархи обращались к помощи медиков из религиозного круга, но уже в XII–XIII вв. при дворе находился личный врач короля, который имел соответствующее образование и был связан с городской врачебной практикой [8, р. 13–16].

У купцов, ремесленников и других рядовых городских жителей врачи вызывали недоверие из-за применения ими метода кровопускания. Такое понимание деятельности врача находим в фаблио. Так, в рассказе «О Лисе и Волке» главный герой, Лис Ренар, желая получить добычу из курятника, представляется врачом, имеющим «средство хорошее»: *Я должен пустить этим курам кровь / Под ребром. Они ведь больные, / И не могут дальше жить, / Я их изношенные вены заберу, / Это сделаю из милости. / Я им выпущу кровь – / Это их спасет...* [23, с. 82].

О том, что жители английских городов обращались в период высокого Средневековья к знахарям, косвенно свидетельствует содержание среднеанглийского фаблио «Госпожа Сириц». К умной женщине – госпоже Сириц – обращается главный герой,

Вилекин, потому что она «хорошее средство знает» [23, с. 48]. Однако женщина отвечает ему, что она честная и святая, колдовством не занимается, ежедневно читает «Отче наш» и «Символ веры», а главное – не хочет предстать перед церковным судом за подобные действия [23, с. 50]. Несмотря на ограниченные данные материалов судебных дел и других документальных источников, можно предположить, что английские горожане в повседневной жизни все же обращались для лечения и к таким «осведомленным женщинам» (ведь любовь Вилекина в фаблио описана именно как болезнь).

Применение трав в качестве лечебного средства также имело популярность у городских жителей Англии. К началу XIII в. относится описание профессии фармацевта (наряду с кузнецами, ткачами, пекарями) в книге «Словарь Джона Гарландского»: фармацевты «в аптеке имеют настоящий имбирь и александриарий, который подходит людям холодного строения; диапендий, что хорош для еды; сливовые изделия; прохладные пастилки из камеди; морозник, который применяется как слабительное» [39, р. 129]. Вместе с тем автор указывал, что фармацевты поступают нечестно, наживаясь на горожанах, потому что «смешивают жиры и электуарий, корешки с растениями, куркуму с имбирем, перец с тмином, гвоздику с корицей, анис с фенхелем, воск пчелиный со свечным воском, сахар с лакрицей» [39, р. 129]. Описание подготовки травяных смесей находим и в миниатюрах [46, folio 242r, 246v]. Александр Неккам, описывая многочисленные лечебные свойства растений, критиковал врачей за то, что они редко обращаются к делу фармацевтов [19, р. 26]. В источниках сохранилась информация о стоимости услуг аптекаря в конце развитого Средневековья в Лондоне: так, Вильгельм де Флаяно из Гаскони должен был заплатить около 20 шиллингов и 11 пенсов фармацевту Саймону Гуту [26, s. 17].

Применять кровопускание Джон Гарландский рекомендовал каждому, кто хотел освободиться от одного из четырех «соков» тела (гуморов) – холеры, сангвиния, флегмы или меланхолии, которые накапливаются в организме от еды [39, р. 122]. Этот метод лечения настолько широко применялся, что в начале XII в. городские власти Лондона запретили врачам (*barbers*) выливать кровь из окна на улицу [27, р. 270]. В конце XIII в. услуги лекаря в Лондоне стоили 4–7 шиллингов. При этом известен случай, когда, пребывая в английской столице, лорд Кастилон из Гаскони, несмотря на столь невысокую плату, задолжал доктору 8 фунтов [26, s. 16–25].

Роджер Бэкон жаловался на то, что врачи не наблюдают весь ход болезни, а только один раз посещают больных [19, р. 31]. Как следствие, лечение не всегда означало выздоровление. Наглядную картину жизни медика показывает серия миниатюр рукописи *Ashmole 399* из Бодлеянской библиотеки Оксфордского университета. Сборник был создан

около 1292 г. и содержит различные медицинские трактаты с многочисленными иллюстрациями. Особый интерес представляют отдельные фрагменты [47, folio 33r, 33v, 34v]. На шести связанных миниатюрах разворачивается история заболевания женщины истерией (*furor uterinus*), о чем свидетельствует, в частности, первое изображение, символическим элементом которого является собака, скрученная клубком в низу живота больной. На миниатюре женщину, потерявшую сознание, поддерживают два человека. На втором изображении продемонстрировано применение известного метода лечения Тротулы из г. Салермо: фармацевт и еще одна женщина подносят пропитанное в теплой воде перо и держат руки над копотью очага [48, р. 32], однако это не помогает, и больная умирает. На третьей миниатюре изображены священник, плакальщицы, две большие церковные свечи, врач. Последний прощупывает женщине пульс, выясняется, что она жива, а смерть была ложной. Тротула обращала внимание на то, что при истерии наблюдается сокращение частоты дыхания, и это создает впечатление, будто женщина умерла [48, р. 34]. Фармацевт на четвертом изображении применяет ароматные вещества, завернутые в ткань. Из его рук выпала книга, что как будто показывает нам, что такое лечение не помогает. На пятой миниатюре изображена женщина в постели, рядом с ней – медик, у которого из рук выпала колба для исследования мочи; женщина обречена на смерть. Шестое изображение показывает посмертное вскрытие с детальной диаграммой внутренних органов.

В двух миниатюрах изображены врач, который приезжает к пациенткам на коне, и группа женщин, которым применение душистых трав помогло в лечении. Описанные миниатюры имеют несколько особенностей в создании образа врача: его изображают в сюрко с капюшоном и берете, позади, очевидно, находится ученик – в длинной тунике, с характерной для клириков прической [39, р. 129]; указательный палец у врача вытянут при собранных в кулак четырех других пальцах. На четвертой миниатюре, демонстрирующей, что лечение было неудачным, фигура врача противопоставлена другому персонажу – вероятно, фармацевту, который применяет травы. Как и на второй миниатюре, фармацевт изображен с книгой. Сомнительно, что в данном случае представлен врач из религиозной среды – священник на пятой миниатюре не имеет иконографического сходства с ним. Вскрытие проводит третий тип врача: здесь показана фигура медика с закатанной туникой и другим беретом.

Разъяснение того, почему у врача на изображении вытянут указательный палец, находим у Джона Гарланского. Он отмечал, что пять пальцев имеют названия «кавурник», «указательный», «средний», «медицинский», «мизинец». Медицинский, по утверждению ученого, – это тот палец, которым меди-

ки указывают лечение [39, р. 129]. Подобным образом врачи изображены и в других английских рукописях развитого Средневековья [49, folio 16r, 27v, 28v, 34v, 35r, 36r, 37r; 50, folio 1r, 6r, 13r, 64v; 51, folio 82 (83), 96 (97), 109v (110v), 131; 52, folio 23, 59v, 103, 113]. В миниатюрах из рукописи *Ashmole 399* изображены все сложности отношений в среде врачей: лечение клириками противопоставляется делу ученых-медиков, значение опытного знания (вскрытия) – книжной учености. Нехватку именно опытного знания отмечал и Роджер Бэкон, утверждавший, что учение приходит от опыта [19, р. 31]. Отметим, что на исследованных миниатюрах сюрко врача почти везде коричневого цвета, туника – синего (или наоборот), что, вероятно, также носило символический смысл. Судя по миниатюрам, врачебной практикой в английских городах XI–XIII вв. занимались и женщины-врачи, о чем свидетельствуют их изображения с характерным «медицинским» пальцем, в синей тунике и коричневом плаще [49].

Оплата труда медиков могла быть различной. Для выявления ее особенностей обратимся к трактату нормандского медика Генриха де Вондевилля (конец XIII в.). Он классифицировал своих пациентов на пять групп: обедневшие (их следовало лечить бесплатно), лица среднего достатка (могли расплачиваться продуктами либо платить мало), друзья и родственники (не платили денег, но делали подарки), знать, судьи, бейлифы и юристы (плохие плательщики) и пациенты, которые платят хорошо [14, р. 155]. Конкретные случаи оплаты врачам XI–XIII вв. в английском городе фиксировались в источниках крайне редко. Например, в 1161 г. епископ Лондона заплатил за лечение врачу Ральфу 14 шиллингов и 3 пенса [14, р. 163]. В 1223 г. кузине короля Элеоноре пришлось заплатить довольно щедро (3 фунта) магистру Джону де Бошамп за лечение и путешествие из Лондона в замок Корфе, где она находилась [14, р. 163]. Как и должники из Гаскони, о которых мы уже упоминали ранее, лондонский ювелир Роджер Ле Лишье в 1304 г. задолжал доктору Уильяму де Флиту 40 шиллингов [30, р. 162], в 1306 г. плотник Вольтер Осекин был должен врачу Джону де Винчестеру 100 шиллингов [30, р. 189–190], а продавец перца Томас де Норттемpton – 6 фунтов [30, р. 194]. Отметим, что проблема платы врачам может рассматриваться в системе городских профессий и поэтому требует отдельного исследования.

Неоднозначный образ врача в бюргерском обществе Англии развитого Средневековья дополняют следующие данные. Достаточно часто врачи являлись заемщиками. Так, Рейджиальд де Волсингем задолжал гасконскому купцу, очевидно за вино, более 7 фунтов [30, р. 154]. Впоследствии он втянул в долги и жену Мароту. Они задолжали Арнольду и Аминину Оливерам 10 фунтов и выплачивали их целый год [30, р. 173]. Хирург Джон де Линкольн был

должен олдермену Лондона Томасу Сели 63 шиллинга [30, р. 221]. Репутации врачей вредили не только долги. Как и все горожане, медики были склонны к играм и выпивке. Например, лондонского врача Джона Пикарда арестовали во время проверки таверн ночью в 1292 г. [30, р. 7]. В 1301 г. Уильям ле Барбер де Биллинггесдейт избил клирика Саймона де Ньюгейта [30, р. 104].

Городские власти Англии XI–XIII вв. были заинтересованы в работе врачей: в компетенцию медиков входило распознавание естественной и насильственной смерти, которая влекла за собой юридическую ответственность. В судебных делах врачи рассматривались как свидетели. Например, по делу об убийстве Кристины Морель из Лондона (1300) в качестве свидетеля выступал магистр Уильям Хирург [29, р. 3–4]. В случае с Уильямом, ректором церкви Святой Маргариты, отдельно постановили о необходимости приобщения к делу показания врача [28, р. 51].

Кроме того, власть была заинтересована в поддержке санитарии городов. Стремление к чистоте подкреплялось соответствующими предписаниями городских властей. «Ассиза о строительстве» регулировала вопросы уличных канав. Указанный документ уделял внимание выливанию на улицы разных жидкостей. Городские хартии постановляли, что города должны убираться от грязи, как, например, Лондон [27, р. 335] или Оксфорд [25, р. 374]. Отметим, что лондонский мэр, заботясь о своем городе, в «Ассизе о строительстве» описывал работу уборщиков улиц, которым «с разрешения констебля и церковного старосты должны платить люди города» [27, р. 335].

Одной из санитарно-гигиенических проблем стало водоснабжение и использование чистой воды. Так, хартия Оксфорда 1305 г. предупреждала пивоваров о том, чтобы те для варки пива не брали воду из канализации и других «грязных мест», а использовали только качественное сырье [25, р. 376]. К концу XIII в. Бат, Бристоль, Винчестер, Кентербери, Личфилд, Лондон, Солсбери, Тивертон и другие города специально снабжались водой, поступившей по трубам [17, р. 389–393].

Это свидетельствует о том, что английские городские чиновники со времен высокого Средневековья имели представление о важности поддержки здоровья горожан, что невозможно без развития медицинского и врачебного дела, признания его общественно важным.

Таким образом, в эпоху развитого Средневековья в Англии быть медиком означало принадлежать к профессиональной группе, для определения которой использовались латинские термины *medicus*, *phiscus*, *chirurgus*, *phlebotomator*, *apotecarius*, англосаксонское слово *leech*, французские *mires*, *ffecissian*, среднеанглийское *barber*. Медицина в то время принадлежала к общенаучным знаниям, иногда к названию медицинской профессии добавляли определение *magister*. Медицинские факультеты еще не были открыты в Англии, а знания передавались из поколения в поколение в семьях. В течение XI–XIII вв. происходило увеличение роли городских врачей в противовес медикам из религиозной среды. Наряду с другими причинами это привело к некоторому противопоставлению разных категорий врачей, а настоящим лекарем средневекового человека считался Господь. Отношение горожан к врачам было неоднозначным. Профессиональный медик вызывал недоверие из-за использования при лечении метода кровопускания, однако к врачам обращались достаточно часто. Наряду с этим о помощи при болезнях просили «умных женщин», которых, однако, нередко обвиняли в колдовстве. Иконография четко зафиксировала особенности облачения (синие и коричневые цвета верхней одежды) и жестов врачей (указательный палец получил название «медицинский»). Также во времена развитого Средневековья в Англии происходила коммерциализация медицинского дела: врачи хотели заработать на лечебных средствах, самом лечении, операциях, иногда путем обмана, завышения цены и т. д. Возрастание роли медиков в английской городской среде в XI–XIII вв. привело к пониманию и горожанами, и городскими властями, и королевской администрацией большого значения гигиены пространства, важности его постоянного улучшения.

Библиографические ссылки

1. Дживелегов А. К. Средневековые города в Западной Европе. М., 2002.
2. Бондаренко И. М. Английский город в Средние века. Одесса, 1904.
3. Левицкий А. Я. Город и феодализм в Англии. М., 1987.
4. Гутнова Е. В. Политика королевской власти по отношению к городам и городскому сословию в Англии XIII – начала XIV в. // Средние века. 1958. Вып. 12. С. 51–72.
5. Кириллова А. А. Из социальной истории городов Англии XIII в. (к вопросу о социально-экономическом содержании «свободы» и «полноправия» в английском городе XIII в.) // Средние века. 1958. Вып. 13. С. 27–48.
6. Getz F. M. The Faculty of Medicine before 1500 // The History of the University of Oxford. Oxford, 1992. Vol. 2 : Late Medieval Oxford. P. 373–405.
7. Getz F. M. Medical Practitioners in Medieval England // Soc. Hist. Med. 1990. Vol. 3, № 2. P. 245–283.
8. Getz F. M. Medicine in the English Middle Ages. Princeton, 1998.
9. Rawcliffe C. Medicine and Society in Later Medieval England. Stroud, 1995.
10. Rawcliffe C. The Profits of Practice: the Wealth and Status of Medieval Men in Later Medieval England // Soc. Hist. Med. 1988. № 1. P. 61–78.

11. Rawcliffe C. *Urban bodies: Communal Health in Late Medieval English Towns and Cities*. Woodbridge, 2013.
12. Kealey E. J. *Medieval Medicus. A Social History of Anglo-Norman Medicine*. Baltimore, 1981.
13. Talbot C. H., Hammond E. A. *The Medical Practitioners in Medieval England. A Biographical Register*. London, 1965.
14. Hammond E. A. *Incomes of Medieval English Doctors* // *J. Hist. Med. Allied Sci.* 1960. Vol. XV, issue 2. P. 154–169.
15. Stell P. M. *Medical practice in medieval York*. [York], 1996.
16. Bonfield C. *Medical Advice and Public Health: Contextualising the Supply and Regulation of Water in Late Medieval London and King's Lynn* // *Poetica*. 2009. № 72. P. 1–20.
17. Lee J. S. *Piped water supplies managed by civic bodies in medieval English towns* // *Urban Hist.* 2014. Vol. 4, issue 3. P. 389–393.
18. *Anatomia Ricardi Anglici (c. a. 1242–1252) : ad fidem codicis MS numero 1534 in Bibliotheka Palatina Vindobonensis asservati* / ed. by R. R. von Töply. Vindobonae, 1902.
19. *The Errors of the Doctors according to Friar Roger Bacon of the Minor Order* / transl. by M. C. Welborn // *Isis*. 1932. Vol. 18, № 1. P. 26–62.
20. *Medieval lore from Bartholomew Anglicus* / ed. by R. Steele. London, 1905.
21. *Johannes Blund. Tractatus de anima* / ed. by D. A. Callus, R. W. Hunt. London, 1970.
22. *Baeumker C. Alfred of Sareshel. De mortu cordis*. Münster, 1923.
23. *Англійські фабліо XIII ст. : оповід. у віршах / пер. з середньоангл.* Київ, 2013.
24. *Chronicles of the Reign of Stephen, Henry III, and Ricard II*. London, 1884. Vol. 1: *Containing the first four books of the Historia Anglicarum of William of Newburgh*.
25. *British borough charters 1216–1307* / ed. by A. Ballard and J. Tait. Cambridge, 1923.
26. *Collection générale des documents français qui se trouvent en Angleterre* / ed. J. Delpit. Paris, 1847.
27. *Munimenta Gidhallae Londoniensis: Liber Albus, Liber Custumarum, Et Liber Horn* / ed. by H. T. Riley. London, 1861. Vol. I.
28. *Calendar of Early Mayor's Court Rolls: 1298–1307* / ed. by A. H. Thomas. London, 1924.
29. *Calendar of Coroner's Roll of the City of London* / ed. by R. R. Sharpe. London, 1913.
30. *Calendar of letter-books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall. Letter-book B, circa A. D. 1275–1312* / ed. by R. R. Sharpe. London, 1900. Vol. 2.
31. *Calendar of wills proved and enrolled in the Court of Husting, London, A. D. 1258 – A. D. 1688 : in 2 vol.* / ed. by R. R. Sharpe. London, 1889. Vol. 1 : A. D. 1258 – A. D. 1358.
32. *Singer C. A Review of the Medical Literature of the Dark Ages, with a New Text of about 1110* // *Proc. Royal Soc. Med. (Sect. Hist. Med.)*. 1917. № 10. P. 107–160.
33. *Singer C. A. Thirteenth Century Drawing of the Anatomy of the Uterus and Adnexa* // *Proc. Royal Soc. Med. (Sect. Hist. Med.)*. 1916. № 9. P. 43–47.
34. *Singer C. Note on a Thirteenth Century Diagram of the Male Genitalia* // *Proc. Royal Soc. Med. (Sect. Hist. Med.)*. 1916. № 9. P. 212–214.
35. *Singer C. Thirteenth Century Miniatures illustrating Medical Practice* // *Proc. Royal Soc. Med. (Sect. Hist. Med.)*. 1916. № 9. P. 29–42.
36. *The MacKinney Collection of Medieval Medical Illustration* [Electronic resource]. URL: <http://www.lib.unc.edu/dc/mackinney/index.html> (date of access: 15.05.2016).
37. *Jones P. Word and Image in Medieval Medicine* // *Visualizing Medieval Medicine and Natural History, 1200–1550* / ed. J. Givens, et al. Aldershot, 2006. P. 1–24.
38. *Corpus Vitrearum Medii Aevi: Medieval Stained Glass in Great Britain* [Electronic resource]. URL: <http://www.cvma.ac.uk/> (date of access: 15.05.2016).
39. *A Dictionarius of John de Garlande* // *A volume of vocabularies* / ed. by T. Wright. London, 1857. P. 122–138.
40. *Harley D. Historians as Demonologists: The Myth of the Midwife-witch* // *Soc. Hist. Med.* 1990. Vol. 3, № 1. P. 12–19.
41. *Synodus Exoniensis diocesis a Petro Quivilejusdem episcopo Exonii congregata die incerta quoad initium ; sed finita (ut patet in cacle) xvi. cal.* // *Concilia Magnae Britanniae et Hiberniae, ab Anno MCCLXVII. Londoni, [1777].* Vol. 2. P. 129–168.
42. *Hardwick P. The Monkeys' Funeral in the Pilgrimage Window, York Minster* // *Art Hist.* 2000. Vol. 23, № 2. P. 290–299.
43. *Connor H. Medieval uroscopy and its representation on misericords* // *Clin. Med. J. Royal Coll. Physicians*. 2002. Vol. 2, № 1. P. 75–77.
44. *British Library. Royal. MS 14 B V. roll.*
45. *Aberdeen University Library. MS 24 [Aberdeen Bestiary].*
46. *Trinity College (Cambridge). MS 1044.*
47. *Bodleian Library (Oxford). MS Ashmole 399.*
48. *Dixon L. S. Furor Uternius in Medieval Art* // *Perilous Chastity: Women and Illness in Pre-Enlightenment Art and Medicine*. Ithaca ; London, 1995. P. 32.
49. *British Library (Sloane). MS 2435.*
50. *All Souls College (Oxford). MS 71.*
51. *All Souls College (Oxford). MS 79.*
52. *St. John's College (Cambridge). MS 99 (D. 24).*

References

1. Dzhivelegov A. K. *Srednevekovye goroda v Zapadnoi Evrope*. Moscow, 2002 (in Russ.).
2. Bondarenko I. M. *Angliiskii gorod v srednie veka*. Odessa, 1904 (in Russ.).
3. Levitskii A. Y. *Gorod i feodalizm v Anglii*. Moscow, 1987.
4. Gutnova E. V. *Politika korolevskoi vlasti po otnosheniyu k gorodam i gorodskomu sosloviyu v Anglii XIII – nachala XIV v.* [Politics of royal authority against towns and burghers in England in the 13th – beginning of the 14th century]. *Srednie veka*. 1958. Vol. 12. P. 51–72 (in Russ.).

5. Kirillova A. A. Iz sotsial'noi istorii gorodov Anglii XIII v. (k voprosu o sotsial'no-ekonomicheskom sodержanii «svobody» i «polnopraviya» v angliiskom gorode XIII v.) [From the social history of towns in England in the 13th century (To the social and economic meaning of freedoms and rights in English town in the 13th century)]. *Srednie veka*. 1958. Vol. 13. P. 27–48 (in Russ.).
6. Getz F. M. The Faculty of Medicine before 1500. The History of the University of Oxford. Oxford, 1992. Vol. 2 : Late Medieval Oxford. P. 373–405.
7. Getz F. M. Medical Practitioners in Medieval England. *Soc. Hist. Med.* 1990. Vol. 3, No. 2. P. 245–283.
8. Getz F. M. Medicine in the English Middle Ages. Princeton, 1998.
9. Rawcliffe C. Medicine and Society in Later Medieval England. Stroud, 1995.
10. Rawcliffe C. The Profits of Practice: the Wealth and Status of Medieval Men in Later Medieval England. *Soc. Hist. Med.* 1988. No. 1. P. 61–78.
11. Rawcliffe C. Urban bodies: Communal Health in Late Medieval English Towns and Cities. Woodbridge, 2013.
12. Kealey E. J. Medieval Medicus. A Social History of Anglo-Norman Medicine. Baltimore, 1981.
13. Talbot C. H., Hammond E. A. The Medical Practitioners in Medieval England. A Biographical Register. London, 1965.
14. Hammond E. A. Incomes of Medieval English Doctors. *J. Hist. Med. Allied Sci.* 1960. Vol. XV, issue 2. P. 154–169.
15. Stell P. M. Medical practice in medieval York. [York], 1996.
16. Bonfield C. Medical Advice and Public Health: Contextualising the Supply and Regulation of Water in Late Medieval London and King's Lynn. *Poetica*. 2009. No. 72. P. 1–20.
17. Lee J. S. Piped water supplies managed by civic bodies in medieval English towns. *Urban Hist.* 2014. Vol. 4, issue 3. P. 389–393.
18. Anatomia Ricardi Anglici (c. a. 1242–1252) : ad fidem codicis MS. numero 1534 in Bibliotheka Palatina Vindobonensis asservati. Vindobonae, 1902 (in Lat.).
19. The Errors of the Doctors according to Friar Roger Bacon of the Minor Order. *Isis*. 1932. Vol. 18, No. 1. P. 26–62.
20. Medieval lore from Bartholomew Anglicus. London, 1905.
21. *Johannes Blund*. Tractatus de anima. London, 1970 (in Lat.).
22. *Baeumker C.* Alfred of Sareshel. De mortu cordis. Münster, 1923 (in Lat.).
23. Anglijs'ki fablio HIII st.: opovidannja u virshah. Kyiv, 2013 (in Ukrainian).
24. Chronicles of the Reign of Stephen, Henry III, and Ricard II. London, 1884. Vol. 1 : Containing the first four books of the Historia Anglicarum of William of Newburgh.
25. British borough charters 1216–1307. Cambridge, 1923.
26. Collection générale des documents français qui se trouvent en Angleterre. Paris, 1847 (in Fr.).
27. Munimenta Gidhallae Londoniensis: Liber Albus, Liber Custumarum, Et Liber Horn. London, 1861. Vol. I.
28. Calendar of Early Mayor's Court Rolls: 1298–1307. London, 1924.
29. Calendar of Coroner's Roll of the City of London. London, 1913.
30. Calendar of letter-books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall. Letter-book B, circa A. D. 1275–1312. London, 1900. Vol. 2.
31. Calendar of wills proved and enrolled in the Court of Husting, London, A. D. 1258 – A. D. 1688 : in 2 vol. Ed. by R. R. Sharpe. London, 1889. Vol. 1 : A. D. 1258 – A. D. 1358.
32. *Singer C.* A Review of the Medical Literature of the Dark Ages, with a New Text of about 1110. *Proc. Royal Soc. Med. (Sect. Hist. Med.)*. 1917. No. 10. P. 107–160.
33. *Singer C. A.* Thirteenth Century Drawing of the Anatomy of the Uterus and Adnexa. *Proc. Royal Soc. Med. (Sect. Hist. Med.)*. 1916. No. 9. P. 43–47.
34. *Singer C.* Note on a Thirteenth Century Diagram of the Male Genitalia. *Proc. Royal Soc. Med. (Sect. Hist. Med.)*. 1916. No. 9. P. 212–214.
35. *Singer C.* Thirteenth Century Miniatures illustrating Medical Practice. *Proc. Royal Soc. Med. (Sect. Hist. Med.)*. 1916. No. 9. P. 29–42.
36. The MacKinney Collection of Medieval Medical Illustration [Electronic resource]. URL: <http://www.lib.unc.edu/dc/mackinney/index.html> (date of access: 15.05.2016).
37. *Jones P.* Word and Image in Medieval Medicine. *Visualizing Medieval Medicine and Natural History, 1200–1550*. Aldershot, 2006. P. 1–24.
38. Corpus Vitrearum Medii Aevi: Medieval Stained Glass in Great Britain [Electronic resource]. URL: <http://www.cvma.ac.uk/> (date of access: 15.05.2016).
39. A Dictionarius of John de Garlande. *A volume of vocabularies*. London, 1857. P. 122–138.
40. *Harley D.* Historians as Demonologists: The Myth of the Midwife-witch. *Soc. Hist. Med.* 1990. Vol. 3, No. 1. P. 12–19.
41. Synodus Exoniensis diocesis a Petro Quivilejusdem episcopo Exonii congregata die incerta quoad initium ; sed finita (ut patet in cacle) xvi. cal. *Concilia Magnae Britanniae et Hiberniae, ab Anno MCCLXVII*. Londoni, [1777]. Vol. 2. P. 129–168 (in Lat.).
42. *Hardwick P.* The Monkeys' Funeral in the Pilgrimage Window, York Minster. *Art Hist.* 2000. Vol. 23, No. 2. P. 290–299.
43. *Connor H.* Medieval uroscopy and its representation on misericords. *Clin. Med. J. Royal Coll. Physicians*. 2002. Vol. 2, No. 1. P. 75–77.
44. British Library. Royal. MS 14 B V. roll.
45. Aberdeen University Library. MS 24 [Aberdeen Bestiary].
46. Trinity College (Cambridge). MS 1044.
47. Bodleian Library (Oxford). MS Ashmole 399.
48. *Dixon L. S.* Furor Uternius in Medieval Art. *Perilous Chastity: Women and Illness in Pre-Enlightenment Art and Medicine*. Ithaca ; London, 1995. P. 32.
49. British Library (Sloane). MS 2435.
50. All Souls College (Oxford). MS 71.
51. All Souls College (Oxford). MS 79.
52. St. John's College (Cambridge). MS 99 (D. 24).

УДК 947.084.8:332.1(=161.3)(470.22)

БЕЛОРУСЫ В КАРЕЛИИ И ИХ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ (1914–2016)

Е. Г. НЕМКОВИЧ¹⁾, А. Е. КУРИЛО¹⁾

¹⁾Институт экономики Карельского научного центра Российской академии наук,
пр. А. Невского, 50, 185030, г. Петрозаводск, Россия

Прослежен процесс миграции белорусов на территорию Карелии (с дореволюционных времен до настоящего времени) и раскрыты ее причины. Показаны разные этапы изменения численности белорусов в Республике Карелия. Приведены данные о численности белорусского населения – третьей по величине этнической группы на территории Карелии, в том числе по данным переписи населения 2010 г. в разрезе муниципальных районов республики. Отражено участие белорусов в социально-экономическом развитии Карелии со времени строительства Мурманской железной дороги (1914) до современного периода. Проиллюстрирована заинтересованность и взаимовыгодность разностороннего сотрудничества двух республик – Беларуси и Карелии.

Ключевые слова: Беларусь; Республика Карелия; население; миграция; экономическое сотрудничество.

BELARUSIANS IN KARELIA AND THEIR CONTRIBUTION TO DEVELOPMENT OF THE TERRITORY (1914–2016)

E. G. NEMKOVICH^a, A. E. KURILO^a

^aInstitute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Al. Nevsky avenue, 50, 185030, Petrozavodsk, Russia

Corresponding author: akurilo@mail.ru

Process of migration of Belarusians on the territory of Karelia is traced (since pre-revolutionary times so far) and its reasons are opened. Different stages of increase in number of Belarusians in the Republic of Karelia are shown. Data on the number of the Belarusian population – the third largest ethnic group in the territory of Karelia, including according to population census of 2010 by municipal districts of the republic are provided. Participation of Belarusians in social and economic development of Karelia since construction of the Murmansk railroad (1914) till this period is reflected. Interest and mutual benefit of versatile cooperation of two republics – Belarus and Karelia is illustrated.

Key words: Belarus; Republic of Karelia; population; migration; economic cooperation.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в ноябре 2013 г. на встрече с Главой Республики Карелия А. П. Худилайненем во время визита карельской официальной делегации, говоря о белорусской диаспоре в Карелии, отметил, что белорусы, по утверждению руководителей регионов, не

создают никаких проблем или напряжения в районах [1]. Откуда же взялись белорусы на древней северной карельской земле?

Карелия – многонациональная республика, на ее территории проживают более 150 национальностей. Такой разнообразный состав населения

Образец цитирования:

Немкович Е. Г., Курило А. Е. Белорусы в Карелии и их вклад в развитие территории (1914–2016) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 61–71.

For citation:

Nemkovich E. G., Kurilo A. E. Belarusians in Karelia and their contribution to development of the territory (1914–2016). *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 61–71 (in Russ.).

Авторы:

Евгений Григорьевич Немкович – кандидат технических наук, доцент.

Анна Евгеньевна Курило – доктор экономических наук, доцент; заместитель директора по научной работе.

Authors:

Evgenij Nemkovich, PhD (technics), docent.
enemkovich@mail.ru

Anna Kurilo, doctor of science (economics), docent; vice-director for science work.
akurilo@mail.ru

складывался на протяжении длительного времени под воздействием различных процессов, происходящих на карельской земле и в стране в целом. Исторически на территории Карелии жили финно-угорские племена: лопари (саамы), корела (карелы) и весь (вепсы). В начале 2-го тысячелетия здесь появились славяне – новгородцы, осваивавшие северные земли. Русское население селилось на берегах Онежского озера и Белого моря (в Заонежье и Поморье), а затем и по территории всей Карелии. Коренное финно-угорское население до первой половины XX в. преобладало по численности и мирно проживало с русским населением.

Сегодня белорусы в Карелии являются третьей по величине национальностью после русских и карелов. Появилось даже такое выражение – «карель-

ские белорусы», поэтому неслучайно сложились такие прочные связи между Карелией и Беларусью во всех областях экономики и культуры. Карелия занимает пятое место по численности белорусов, проживающих в субъектах Российской Федерации.

В настоящее время белорусы как этническая группа сохраняются в Карелии главным образом за счет представителей старшего поколения, прибывших сюда в разные годы. Динамика изменения численности белорусов в Карелии приведена в табл. 1.

По данным всероссийской переписи, в 1897 г. на территории Олонецкой губернии проживали 120 321 человек, в том числе только 7 белорусов [4, с. 306]. Сегодня в республике белорусы проживают во всех муниципальных районах (МР) и городских округах (ГО) (табл. 2).

Таблица 1

Динамика численности белорусов в Карелии

Table 1

Dynamics of the number of Belarusians in Karelia

Годы переписи населения	Все население, тыс. чел.	Количество белорусов, тыс. чел.	Доля белорусов в общей численности населения Карелии, %
1926	269,8	0,5	0,21
1933	368,9	1,9	0,5
1939	468,9	4,3	0,91
1959	651,3	71,9	10,9
1970	713,4	66,4	9,3
1979	732,1	59,4	8,1
1989	790,2	55,5	7,0
2002	716,3	37,7	5,3
2010	643,3	23,3	3,6

Примечание. Составлено и рассчитано авторами на основе [2; 3].

Таблица 2

Доля белорусов в численности населения МР и ГО Республики Карелия по данным переписи 2010 г., %

Table 2

The share of Belarusians in the total population of the municipal districts and urban districts of the Republic of Karelia according to the census of 2010, %

МР, ГО	В численности постоянно проживающего населения территории	В численности всех белорусов Республики Карелия
Петрозаводский ГО	1,8	20,7
Костомукшский ГО	2,8	3,5
Беломорский МР	4,5	3,7
Калевальский МР	8,0	2,9
Кемский МР	3,9	3,0
Кондопожский МР	2,9	5,1
Лахденпохский МР	5,0	3,0
Лоухский МР	5,8	3,7
Медвежьегорский МР	3,4	4,6

Окончание табл. 2
Ending table 2

МР, ГО	В численности постоянно проживающего населения территории	В численности всех белорусов Республики Карелия
Муезерский МР	14,3	7,5
Олонецкий МР	2,0	2,0
Питкярантский МР	7,1	6,0
Прионежский МР	3,1	2,9
Пряжинский МР	4,2	2,7
Пудожский МР	5,1	4,7
Сегежский МР	4,9	8,7
Сортавальский МР	5,7	7,8
Суоярвский МР	9,5	7,6
Республика Карелия, всего	3,6	100

Примечание. Составлено и рассчитано авторами на основе [5].

Самый высокий процент белорусов (14,3 %) зафиксирован на территории Муезерского МР. Около 10 % белорусов проживают в Суоярвском и Калевальском МР, в Питкярантском МР – 7 %. На остальной территории от 3 до 5 % населения считают себя белорусами. Меньше всего удельный вес белорусов (1,8 %) в Петрозаводском городском округе, но здесь проживает пятая часть (20,7 %) всего белорусского населения республики. Город только в последнее время стал привлекать внимание как столица, в которую пытается выехать население из районов в поисках работы.

Проследим процесс появления и расселения белорусов на территории Карелии.

Строительство Мурманской железной дороги. Важным событием в жизни региона стало строительство Мурманской железной дороги, соединяющей Карелию с Кольским полуостровом и центральными районами страны.

Первые белорусы стали массово прибывать в Олонецкую губернию в 1914–1916 гг. на строительство железной дороги от Петрозаводска до выхода в Баренцево море – г. Романова-на-Мурмане, переименованного в Мурманск в 1917 г.

Строительство Мурманской железной дороги было многонациональным. На карельском участке трудились русские, карелы, финны, а также белорусы, армяне, черкесы, киргизы, татары и китайцы. В строительстве принимали участие до 170 тыс. рабочих [6, с. 168]. Большую часть контингента работников составляли военнопленные немцы, мадьяры и австрийцы. В документах того времени отмечалось, что в числе землекопов, грузчиков и других неквалифицированных рабочих нередко встречались выходцы из разных белорусских губерний, прежде всего близких к России, – Витебской и Могилёвской [7]. После окончания строительства большинство работников разъехались, но

около 16,7 тыс. человек остались на эксплуатационных работах, и белорусская диаспора пополнилась. В 1917 г. в Карелии насчитывалось уже несколько десятков белорусов.

Советский период. После революции 1917 г. в Карелии, как и во всей стране, происходили глубокие качественные социально-экономические изменения, которые оказали воздействие на все процессы жизни населения.

Государство было заинтересовано в развитии экономики Карелии в первую очередь из-за богатства природно-ресурсного потенциала региона, выгодного географического положения, позволяющего реализовывать геополитические и оборонные интересы страны. Благодаря этому Карелия – единственная из автономий России – получила ряд бюджетных преимуществ. Все собираемые в регионе налоги включались в доходную часть государственного бюджета Карельской Автономной Советской Социалистической Республики (КАССР).

В соответствии с планом хозяйственно-экономического развития КАССР началось активное освоение природных богатств, в первую очередь лесных. На территории республики стали создаваться десятки новых предприятий, началась достройка Мурманской железной дороги. Все это потребовало значительного числа новых рабочих рук, которых было недостаточно в Карелии, что обусловило привлечение рабочей силы из-за пределов КАССР. Образулся непрерывный приток населения извне, порядка 20–25 тыс. человек, подгоняемый общей безработицей в других регионах. Новые рабочие места в республике привлекли население и вынужденных переселенцев из соседних областей РСФСР и БССР. В 1920 г. даже были изданы постановления Политбюро ЦК РКП(б) (от 29 июня и от 5 декабря), в которых предусматривалась система высылки и отправки кулаков в концентрационные лагеря

«карательным порядком». Население, входящее в данную категорию граждан, из зоны сплошной коллективизации отправлялось в слабообжитые районы Карелии, где переселенцам следовало заниматься промыслами (лес, рыба), а уж потом сельским хозяйством. Из БССР в КАССР высылались так называемые кулацкие элементы целыми семьями. В 1922 г. на территории Карелии уже насчитывалось 158 белорусов [2, с. 66].

К 1925 г. процесс восстановления хозяйства КАССР практически завершился. Численность белорусов в миграционном потоке в 1926 г. достигла 0,5 тыс. человек, и их удельный вес составлял 0,2 % населения Карелии. К тому времени началась механизация лесозаготовок и реконструкция лесопильных заводов. Появились новые отрасли промышленности: целлюлозно-бумажная, мебельная, горнодобывающая, энергетическая. Требовались работники для строительства новых промышленных объектов – Кондопожского каскада ГЭС, Сегежского и Кондопожского целлюлозно-бумажных комбинатов и т. д. К 1930 г. в республику прибыло 300 семей из БССР. Многие белорусы, приехавшие в Карелию в период индустриализации, попали на строительство этих объектов.

В 1930 г. были построены первые спецпоселки. Они размещались на малонаселенных территориях вдоль Беломорско-Балтийского канала, строительство которого началось в конце 1930 г. В 1931 г. в КАССР было создано переселенческое управление, в результате активизировалась насильственная миграция населения [8]. К концу 1931 г. на строительство канала было мобилизовано около 10 тыс. семей спецпереселенцев в количестве 50 тыс. человек [9]. Они приняли активное участие в строительстве Беломорско-Балтийского канала, вспомогательных объектов, объектов эксплуатации, а также новых поселков и городов. За два года строительства через канал прошло в общей сложности 126 тыс. заключенных ГУЛАГа [10]. В книгах памяти о репрессированных в советское время жителях, издаваемых центром «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке, указано, что среди строителей канала были белорусский экономист-аграрник, государственный деятель, публицист, нарком земледелия БССР Д. Ф. Прищепов и его заместитель А. Ф. Адамович. Здесь же проходил «перековку» белорусский ученый, экономист-аграрник, геолог, директор НИИ лесного и сельского хозяйства Г. И. Горецкий. Белорусские мыслители, публицисты, журналисты три брата Иван, Борис, Юрий Солоневичи, раскулаченный крестьянин А. Полещук и директор Института языкознания Академии наук БССР И. С. Дворчанин, белорусский агроном А. Ф. Лашкевич, драматург и театральный деятель Ф. Алехнович, как и тысячи других репрессированных граждан, также копали канал [11].

С момента организации строительства канала до 1 января 1936 г. переселенцами были выстроены 22 спецпоселка. В них расселили 10 тыс. семей общей численностью 35 тыс. человек. Часть этих поселков существуют и в настоящее время: Сосновец, Летняя-1, Летняя-2, Тунгуда, Попов-порог, Кяргозеро, Пиндуши, Кумса, Шавань, Данилово.

В августе 1933 г. Беломорско-Балтийский канал вступил в эксплуатацию. После окончания строительства основная масса спецпереселенцев, примерно 71 тыс. человек, продолжали работать на объектах по эксплуатации канала. Многие из них впоследствии принесли трудовую славу предприятию. Лукьяновы, Харитоновы, Петуховы, Серёгины, Колесниковы, Шакуло, Быковы, Дятловы, Москвины и многие другие рабочие отдали каналу десятилетия жизни, положив начало трудовым династиям речников-путейцев, которые и сегодня трудятся на Беломорско-Балтийском канале [12]. Численность белорусов в Карелии к 1933 г. достигла 1,9 тыс. человек, что составило 0,5 % всего населения.

После строительства канала на его территории был создан и остался работать Беломорско-Балтийский комбинат НКВД СССР. Спецпереселенцы и заключенные составляли основную производительную силу предприятия. К этому времени их руками здесь была создана мощная производственная и социальная инфраструктура. К 1936 г. на территории комбината размещались 20 спецпоселков. Кроме того, в Карелии появились исправительно-трудовые лагеря – СЛОН, Белбалтлаг, Сороклаг, – входившие в число первых подобных поселений в СССР. Руками заключенных, помимо Беломорско-Балтийского канала, были построены Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат, Пиндушская судовой верфь и другие объекты. К этому времени спецпереселенцы освоили 750 га болотных и минеральных земель, создали крупную животноводческую базу. К 1940 г. Белбалтлаг давал более 50 % заготавливаемого в Карелии леса. Это был «лагерный сектор экономики», который играл значительную роль в развитии республики.

К сожалению, Беломорско-Балтийский канал стал огромным кладбищем для десятков тысяч безвинных людей различных национальностей – русских, украинцев, белорусов, поляков, немцев, чехов, китайцев, итальянцев, французов [13]. Об этом сегодня напоминает мемориал в местечке Сандармох в Медвежьегорском районе. В 19 км от поселка Повенец на территории в 10 га в 1937–1938 гг. было расстреляно и захоронено по разным оценкам от 4500 до 9500 и более человек свыше 60 национальностей (русские, финны, белорусы, евреи, карелы, украинцы, татары, цыгане, немцы и др.).

По данным переписи населения 1939 г., белорусов в Карелии насчитывалось 4,3 тыс. человек, что составляло 0,9 % всего населения республики.

Зимняя война. Советско-финская, или, как ее еще называют, Зимняя война, началась 30 ноября 1939 г. В боевых действиях принимали участие военнослужащие различных военных округов СССР, включая и Краснознаменный Белорусский военный округ. Среди военнослужащих были белорусы, уроженцы и жители Беларуси, а также воины частей Красной армии, которые дислоцировались к началу Зимней войны на территории БССР. Всего в военных действиях приняли участие более 120 тыс. человек из состава Белорусского особого военного округа (БОВО) [14, с. 68].

Практически на всех участках фронта, во всех звеньях управления присутствовали белорусы. Так, в небе Финляндии проявил себя 31-й скоростной бомбардировочный полк БОВО под командованием майора Ф. Добыша. Этот полк героически воевал до самого конца войны, сбросив на врага более 11 тыс. бомб и сбив в воздушных боях 17 финских истребителей [14, с. 74].

Белорус С. Красовский был командующим военно-воздушными силами 14-й армии, действовавшей совместно с кораблями Северного флота. Во главе эскадрильи бомбардировщиков стоял белорус, уроженец д. Райково Полоцкого района, Д. Валентик. За боевые подвиги, совершенные в Советско-финской войне, он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Командующим Ладожской военной флотилией являлся житель г. Пинска контр-адмирал П. Трайнин. Командирами дивизий на направлении главного удара – Карельском перешейке – были белорусы С. Черняк, А. Пастревич, уроженец г. Бреста Герой Советского Союза А. Благовещенский. Особо отличились в этой войне и были удостоены звания Героя Советского Союза белорусы капитан И. Матрунчик, лейтенант Г. Пинчук и капитан П. Кондратьев.

В суровых условиях Карелии советские воины проявляли поистине чудеса стойкости, выносливости и массового героизма, при этом в боях советско-финской войны погибли 9508 воинов-белорусов [14, с. 77].

В память об этих событиях в местах боевых действий на территории Карелии сохранилось много объектов периода Зимней войны, прежде всего это места боев и воинские захоронения. Наиболее известны памятники в приграничных районах на юге Карелии. Один из них – историко-мемориальный комплекс «Долина героев» в Питкярантском районе, который является местом массовой гибели бойцов Красной армии.

В Финляндии вблизи поселка Суомусалми, где шли самые тяжелые бои в 1939–1940 гг., создан мемориальный комплекс финским и советским воинам – «Монумент Зимней войне». Свыше 20 тыс. каменных глыб светло-розового оттенка с рваными краями, красными крапинами и прожилками

плотно установлены в память о каждом погибшем вне зависимости от национальности, убеждений и вероисповедания. Это единый символ боли, скорби, светлой памяти и надежды, позволяющий участвовавшим в войне народам понять бессмысленность тех смертей. Надпись на финском, русском и английском языках гласит: «Этот памятник – дань уважения ветеранам и участникам войны 1939–1940 гг., а также всем пострадавшим от нее». Комплекс размещен на площади примерно 3,5 га.

По окончании Советско-финской войны граница СССР была приведена в соответствие с границей, установленной Ништадтским договором 1721 г. Уступленные Финляндией территории, за исключением Карельского перешейка, 31 марта 1940 г. были объединены в Карело-Финскую ССР (КФСР). Из присоединенных к СССР земель Приладожья выселили всех граждан Финляндии, а на эти территории прибыли советские граждане, главным образом из БССР.

Советское правительство 28 мая 1940 г. приняло постановление № 896 «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах КФСР и Ленинградской области», по которому в Карелию было переселено из Минской области 1300 хозяйств, Могилевской – 700, Витебской – 2300, Гомельской – 1700, Полесской – 1000 хозяйств. В рамках этого сельскохозяйственного переселения колхозникам и целым колхозам, пожелавшим переехать, предоставляли различные льготы: ссуды, дома в собственность с погашением их стоимости в течение 8 лет. По состоянию на 1 ноября 1940 г. сообщалось о 5053 белорусских семьях, переехавших в КФСР. Имеются данные о том, что в 1940–1941 гг. переселилось более 30 тыс. белорусов [15]. Как раз в это время в Сортавальский район приехал из Гомельской области тракторист А. Д. Шаколин, который впоследствии стал Героем Социалистического Труда.

Это было масштабное, преимущественно добровольное, переселение в Карелию из БССР, в отличие от интенсивной иммиграции в 1920–30-х гг., когда переселение строилось не только на добровольных, экономических принципах, но и на принудительно-репрессивном законодательстве тех времен.

В результате, по данным переписи населения 1939 г., численность населения в КФСР увеличилась в 1,7 раза и достигла 468,9 тыс. человек, а количество белорусов в Карелии возросло в 8,6 раза – до 4,3 тыс. человек, а их удельный вес среди всех жителей Карелии составил 0,9 %.

Великая Отечественная война. В период Великой Отечественной войны врагу удалось временно захватить две трети территории КФСР и разрушить почти 500 населенных пунктов, около 200 промышленных предприятий, сотни колхозов, вывести из строя южную часть Кировской железной дороги и Беломорско-Балтийский канал, разрушить

сотни школ, клубов, библиотек. Война стоила Карелии многих десятков тысяч человеческих жизней. Здесь дислоцировались войска Карельского фронта, в которых служили жители БССР. Среди них – генерал-лейтенант Г. К. Козлов, подполковник Д. И. Хольцов, пулеметчик, полный кавалер ордена Славы А. И. Далидович, Герои Советского Союза подполковник С. И. Азаров, полковник Л. В. Деменков, старший лейтенант И. С. Леонович, лейтенанты Н. Н. Томашевич и А. Г. Товпеко, генерал-майор А. Я. Киселёв. Впоследствии отдельные части фронта были переданы 2-му Белорусскому фронту под командованием К. К. Рокоссовского.

За особые заслуги в обеспечении перевозок для фронта и народного хозяйства и выдающиеся достижения в восстановлении железнодорожного хозяйства в трудных условиях военного времени в 1943 г. уроженец д. Петревичи Минской губернии машинист паровоза на станции Кемь И. П. Першукевич Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1943 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Послевоенный период. После окончания Великой Отечественной войны с осени 1944 г. республика приступила к восстановлению разрушенных во время войны городов и предприятий. Чтобы возродить утраченное и заново отстроить Карелию, требовалась дополнительная рабочая сила. В связи с этим правительством республики было предпринято организованное переселение из других районов страны, главным образом из БССР. В этот период Беларусь стала одним из основных источников пополнения рабочей силы для Карелии. Из разоренных войной белорусских деревень и сел, прошедших все невзгоды вражеской оккупации, в порядке организованного набора люди ехали в Карелию целыми колхозами, бригадами, группами семей. Чаще всего это были уроженцы Барановичской, Гомельской, Гродненской, Могилёвской и Молодечненской областей [6, с. 26].

Постановлением Совета министров СССР от 11 февраля 1949 г. намечалось переселение в республику на добровольных началах в течение двух лет 25 тыс. семей. Лесная промышленность получила преимущество в пополнении своих предприятий кадрами из БССР. Этим же постановлением были определены условия и льготы для переселенцев, которые шли работать на лесозаготовительные предприятия Министерства лесной промышленности СССР в КФССР.

В 1949 г. началось строительство Западно-Карельской железной дороги, которое осуществляли железнодорожные войска под руководством фронтовика, военного инженера белоруса А. Я. Кириченко. На работы привлекались и белорусские переселенцы, которые впоследствии остались жить в поселках и работать на станциях. Магистраль свя-

зала Западную Карелию с центральными регионами республики, в том числе Муезерский район, в котором и сейчас проживают дети и внуки первых строителей этой железной дороги, их доля составляет 18 % всего населения района.

Освоение прилегающих к Западно-Карельской железной дороге лесных массивов, ввод в строй домостроительного, металлообрабатывающего и судоремонтного заводов, завода строительных деталей в г. Петрозаводске, Пиндушской судовой верфи, Кондопожского и Летнереченского кирпичных заводов, первого в республике рыбконсервного завода в г. Беломорске – все это привело к росту населения в регионе. Возникли новые лесозаготовительные и лесосплавные предприятия: Ухтинское, Медвежьегорское, Пяльмское, Поросозерское, Кестеньгское, Валдайское лесопромышленные хозяйства, Кемская, Медвежьегорская, Сунская и Пудожская сплавные конторы и т. д. Это способствовало расселению белорусов по всей территории республики. Главным образом это были рабочие, а инженерно-технические специалисты, в которых остро нуждалась республика, приезжали по направлениям с предприятий и по распределению после окончания учебных заведений.

Большую помощь республике в становлении Онежского тракторного завода (ОТЗ) оказала БССР. В январе 1956 г. Постановлением Совета министров СССР на базе Онегзавода было создано специализированное предприятие по производству трелевочных дизельных лесных тракторов ТДТ-40, ранее выпускаемых Минским тракторным заводом (МТЗ). В основе организации нового предприятия была положена широкая кооперация с МТЗ, откуда доставлялось специальное оборудование и техническая документация. У коллектива ОТЗ установился хороший, теплый контакт с минскими коллегами. Неоднократно в Карелии бывали и оказывали помощь главный конструктор МТЗ И. И. Дронг и главный технолог А. В. Шестунин, что обеспечило качественную и быструю подготовку кадров для ОТЗ в цехах и службах МТЗ.

В помощь коллективу нового завода на постоянную работу в г. Петрозаводск были направлены Н. И. Клеванский (на должность главного технолога), А. Ц. Зорин (заместитель главного технолога), Г. И. Фролов (начальник штампово-инструментального хозяйства), К. И. Резник (начальник литейного цеха). Главным конструктором ОТЗ назначили начальника конструкторского бюро МТЗ Н. П. Магировского. Благодаря этой помощи уже 23 июня 1956 г. из деталей, полученных преимущественно с МТЗ и частично изготовленных онежцами, собрали первый дизельный трелевочный трактор на древней земле Калевалы. Говоря современным языком, была осуществлена отверточная сборка карельского качества, и началась история ОТЗ.

Уже в 1949 г. промышленные предприятия республики практически достигли довоенного уровня выпуска валовой продукции. За 1946–1950 гг. промышленное производство в Карелии увеличилось в 4,7 раза, в то время как по РСФСР – в 1,6 раза.

В 1950-х гг. белорусы расселились по всей территории республики. Во многих населенных пунктах на западе и юго-западе Карелии численность белорусов преобладала. Чаще всего такая ситуация складывалась в лесных поселках: в конце 1950-х гг. в некоторых из них проживало около 80 % белорусов. В число таких поселков входили Вача, Ахвенламби, Шалговаара, Тулос, Телекино, Маслозеро, Тикшезерка и др. При этом белорусы по численности к 1959 г. вышли на третье место среди национальностей республики, приблизившись вплотную к карелам. В этот период вплоть до 1965 г. БССР являлась крупным «поставщиком» рабочей силы для Карелии.

С 1939 по 1959 г. из Беларуси на карельскую землю переселились несколько десятков тысяч человек, в Карелии сформировалась новая этническая группа белорусов, состоявшая из приезжего населения. Карелия превратилась в многонациональную республику. К 1959 г. численность белорусов в Карелии увеличилась почти в 17 раз по сравнению с довоенным уровнем и достигла 71,9 тыс. человек. Их удельный вес в общей численности населения республики достиг 11 % [2, с. 154]. С этих пор белорусы остаются третьей по величине этнической группой республики. В 1950-х гг. Карелию в шутку называли «Карело-Минская республика». В 1960–1964 гг. в результате миграционного обмена с БССР население Карелии увеличилось еще на 7,5 тыс. человек.

Высокие темпы индустриального развития Карелии в первые послевоенные годы способствовали привлечению сюда десятков тысяч людей из разных районов страны. В этот период среди всех факторов, порождавших миграцию населения, наряду с принудительными, решающую роль играли факторы экономического характера. Население перемещалось в те районы, где имелся повышенный спрос на рабочую силу и были созданы более благоприятные условия жизни. Уместно сказать, что практически с 1953 по 1965 г. руководителем Госплана КФССР был уроженец д. Райково Полоцкого уезда Витебской губернии, белорус И. Я. Валентик, а заместителями генеральных директоров по экономике двух крупнейших заводов республики (ОТЗ и «Петрозаводскмаш») были белорусы Е. И. Кулаковский и М. Н. Шестюк.

Отток переселенцев. С середины 1960-х гг. лесозаготовки в республике пошли на убыль, условия жизни в лесных поселках Карелии ухудшились, а в БССР, напротив, улучшились. Многие белорусы стали возвращаться на родину, в результате чего их численность в КАССР стала постепенно сокращаться.

С 1965 г. начался вялотекущий отток белорусов из Карелии в БССР: приезжало меньше людей, чем уезжало. Так, в период с 1965 по 1976 г. из Беларуси в КАССР прибыло 41,7 тыс. человек, а выбыло в обратном направлении 54,9 тыс. граждан, т. е. на 100 прибывших приходилось 132 выбывших. В итоге за это время численность белорусов в республике уменьшилась на 13,2 тыс. человек [2, с. 116].

Из-за начавшегося оттока населения в БССР число белорусов в КАССР стало постепенно сокращаться. За период между переписями населения 1959 и 1970 гг. в результате сокращения численности белорусов на 7,6 % их удельный вес в КАССР снизился с 11 до 9,3 %. В 1970 г. численность белорусов составляла 66,4 тыс. человек (9,3 %), в 1979 г. – 59,4 тыс. человек (8,1 %).

Одной из главных причин оттока населения из КАССР послужило замедление темпов промышленного производства, что в значительной мере было обусловлено сокращением объемов лесозаготовок в связи с приведением их в соответствие с расчетной лесосекой. Оттоку населения из Карелии способствовало и то обстоятельство, что по условиям, комфортности и уровню жизни она заметно уступала центральному и южному регионам страны.

В 1970–80-х гг. для Карелии, как и страны в целом, было характерно постепенное снижение темпов социально-экономического роста и усиление кризисных явлений, вызванных истощением экстенсивных источников развития и возможностей административно-командной системы управления.

Карельская земля знает и благодарно хранит в своей памяти имена многих талантливых исследователей, подвижников и защитников Карелии, чьей родиной была Беларусь. В их числе директор Института леса Карельского научного центра Российской академии наук С. С. Зябченко (уроженец д. Горовцы Витебской области), капитан дальнего плавания Л. Л. Хотькин (уроженец д. Альшутино Витебской области), Герой Социалистического Труда, бригадир малой комплексной бригады Ругозерского лесопромышленного хозяйства В. И. Палынский (уроженец с. Забелы Витебской области) и многие другие карельские белорусы.

Перестройка и постсоветское время. Очень сложный и исторически длительный процесс слома и разрушения командно-административной системы начался в 1990-х гг. В условиях нараставшего системного кризиса в СССР в 1991 г. КАССР была переименована в Республику Карелия. После распада СССР 31 марта 1992 г. Республика Карелия подписала федеративный договор в качестве полноправного субъекта Российской Федерации и встала на путь развития рыночной экономики и демократических реформ. Наступил переходный период в социально-экономическом развитии Карелии.

На начало перестройки в 1989 г. в КАССР проживали 55,5 тыс. белорусов и их доля составляла 7 % населения республики. При этом из всех белорусов, живших в Карелии в 1989 г., в Беларуси родились только 33,9 тыс. человек (61 %), а остальные 21,6 тыс. человек (39 %) являлись наследниками ранее приехавших белорусов. Новых мигрантов из БССР практически не было.

В КАССР, как и во всей стране, начался спад производства, происходило снижение его эффективности, обострение социальных проблем, снижение уровня жизни людей. С 1992 г. население Карелии постоянно сокращалось, причем это затронуло все этнические группы, за исключением русских. Этот процесс продолжается и в начале XXI в. Причиной сокращения численности населения являлась его естественная убыль, обусловленная низким уровнем рождаемости и высокой смертностью. Сложившийся в 1990-х гг. уровень рождаемости был более чем на треть ниже необходимого для простого замещения поколений. Так, в 2000 г. в белорусских семьях родился 231 ребенок, умерли 1103 человека, при этом доля национально-смешанных семей у белорусов составила 90,9 % [16, с. 184]. К 1994 г. по сравнению с 1989 г. стала ухудшаться возрастная структура населения республики. Эта тенденция имеет и этнический аспект: доля молодежи в составе белорусов – 10,9 %, хотя в целом по республике этот показатель равен 23,8 % [16, с. 185].

Для периода 1998–1999 гг. характерен отток населения. В эти годы Карелию покинула заметная часть русских, белорусов, украинцев, татар и особенно много финнов, выехавших на постоянное место жительства в Финляндию. Миграционный обмен Республики Карелии с территориями Российской Федерации, странами ближнего и дальнего зарубежья за 2001 г. составил 14 972 чел. Среди мигрировавших было 2,6 % белорусов.

С 1989 по 2002 г. количество белорусов уменьшилось на 17,8 тыс. человек, и в 2002 г. осталось 37,7 тыс. человек, а их доля в общей численности населения Карелии составила 5,3 %.

По итогам переписи населения 2010 г. численность постоянных жителей республики уменьшилась по сравнению с зафиксированными переписью 2002 г. показателями на 71 тыс. человек и составила 643,5 тыс. человек. В это время на территории Карелии проживали 23 345 белорусов, и они составляли 3,8 % всего населения республики [5, с. 4].

В настоящее время белорусы живут в Карелии повсеместно. Многие проживают в районе Западно-Карельской железной дороги, в Приладожье, а также в центральной и юго-восточной Карелии. В городских поселениях сосредоточено примерно 50,5 %, в сельской местности – 49,5 % белорусов. Наибольший удельный вес этнической группы (20–24 %) отмечается в Муезерском и Суоярвском районах. И сейчас в Карелии имеются поселения, жители

которых состоят преимущественно из белорусов (Панозеро, Водлозеро, Кимоваара, Тулос, Лавиярви, Вожмозеро и т. д.). Много белорусов проживают в крупных лесных поселках со смешанным населением, таких как Гимолы, Пийтсиёки, Лоймола, Кривцы, Кубово, Колово, Пудожгорский, Онежский, Водла, Сосновый.

В Карелии доля национально-смешанных семей одна из самых высоких в России. У белорусов преобладают браки с русскими и карелами. Белорусы и карелы, состоящие в межнациональном браке, нередко выбирают своим детям другую национальность, как правило, русскую. Эта тенденция имеет массовое распространение. Русский язык считают родным большинство белорусов, проживающих в Карелии (91 %), из них только 14 % знают белорусский язык [17].

В целом в настоящее время белорусы как этническая группа сохраняются в Карелии главным образом за счет населения старших возрастов, и тенденция к уменьшению численности диаспоры имеет устойчивый характер. Если же принять во внимание более чем 90-процентную межнациональную брачность белорусской молодежи и ее последствия, то при сохраняющейся этнодемографической и этнокультурной ситуации есть все основания предположить, что белорусы в Карелии будут ассимилированы русскими уже в недалеком будущем [6].

В настоящее время в Карелии формируются позитивные тенденции в развитии гражданского общества – создаются общественные объединения, представляющие интересы народов и национальных меньшинств России, проживающих в республике. В Карелии сложилась ситуация, когда прежние производства закрываются, а появление новых не может компенсировать потери от ликвидации существовавших ранее предприятий. В этих условиях разработано новое законодательство по привлечению российских и иностранных инвесторов для организации новых современных производств.

Постепенно Республика Карелия вновь становится привлекательным регионом. Уже в 2013 г. увеличилось число лиц, переехавших в регион по государственной программе содействия добровольному переселению соотечественников из-за рубежа. В 2013 г. российское гражданство приобрели 532 человека, в 2014 г. было зарегистрировано 729 желающих его получить [18]. К 2016 г. ожидался миграционный прирост от 1,5 до 3,5 тыс. человек в год. Ожидаемая продолжительность жизни населения в Карелии к 2025 г. составит 66,7 года.

Дружеские отношения. Давние дружеские отношения Карелии и Беларуси после распада СССР переросли во взаимодействие на основе соглашения между правительствами о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, заключенном в 1999 г. Однако основу тесных связей Карелии и Беларуси традиционно

составляют теплые отношения между людьми. В северном регионе действуют общественные организации, представляющие интересы белорусского народа. Зарегистрирована местная национально-культурная автономия белорусов Кондопожского района «Криница», в Сегежском районе – «Сябры», в г. Петрозаводске – «Белая Русь». Работа этих организаций направлена на сохранение и развитие национально-культурных традиций белорусов, проживающих на территории Карелии, поддержание культурных связей с соотечественниками, укрепление мира и согласия между народами, гармонизацию национальных отношений в регионе, реализацию общественно значимых проектов и программ. В ноябре 2015 г. по инициативе автономии «Белая Русь» в г. Петрозаводске прошел Первый съезд белорусов Республики Карелия, целью которого стало создание местных национально-культурных автономий белорусов для последующего объединения их в региональную национально-культурную автономию белорусов Карелии.

Председателем Государственного комитета Республики Карелия по взаимодействию с органами местного самоуправления является белорус В. И. Мудель, заместителем министра финансов республики с 2006 по 2016 г. был А. В. Грищенко, уроженец г. Гомеля. С октября 2014 г. заместителем министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации и руководителем Федерального агентства лесного хозяйства является потомственный белорус, уроженец г. Петрозаводска, выпускник Петрозаводского государственного университета И. В. Валентик.

Руководят крупными предприятиями директор ЗАО «Пряжинский», депутат Законодательного собрания Республики Карелия уроженец д. Бовки Могилёвской области В. П. Колоушкин, генеральный

директор ООО «Производственная компания “Ягода Карелии”» белорус Э. В. Круль.

В научных учреждениях также трудятся белорусы: заместителем директора по научной работе Института геологии Карельского научного центра РАН является В. А. Шеков, уроженец г. Могилёва; главным научным сотрудником Института истории, языка и литературы Карельского научного центра РАН – заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Карелия уроженка г. Жлобина Н. А. Криничная и др.

Успешно трудятся предприниматели: уроженец д. Очесо-Рудня Гомельской области А. С. Коваленко (обработка камня), уроженка д. Морожное Минской области М. И. Пучок (строительство). Братья Григорий и Николай Федоренко заняты рыбоводством. Григорий выращивает форель и изготавливает садки для разведения форели, а Николай владеет цехом по переработке морской и озерной рыбы. Их земляк Г. Гутыра имеет цех по производству легкой и удобной пенопластовой тары для рыбы.

На предприятиях Карелии выполняются заказы для Беларуси. Более 30 лет ЗАО «Петрозаводскмаш» сотрудничает с белорусскими целлюлозно-бумажными предприятиями. В 2007 г. было поставлено и смонтировано оборудование для производства газетной бумаги для г. Шклова. ЗАО «Петрозаводскмаш» изготавливал и монтировал оборудование на нефтеперерабатывающем заводе ОАО «Нафтан» в г. Полоцке. Инженерный центр пожарной робототехники «ЭФЭР», специализирующейся на разработке ствольной пожарной техники, поставлял пожарных роботов для гомельского дворца легкой атлетики «Динамо». Внешнеторговый оборот Республики Карелия с Республикой Беларусь небольшой и имеет значительные колебания (табл. 3).

Таблица 3

**Внешнеторговый оборот Республики Карелия
и Республики Беларусь в 2007–2012 гг., тыс. долл. США**

Table 3

**Foreign trade turnover of the Republic of Karelia
and the Republic of Belarus in 2007–2012, the dollars USA**

Внешнеторговый оборот	Год					
	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Экспорт	31 166	22 517	9687	10 640	14 146	10 640
Импорт	19 101	11 309	12 300	20 641	23 454	27 800
Всего	50 267	33 826	21 987	31 281	37 600	38 440

Примечание. Составлено авторами на основе [19].

В 2012 г. товарооборот составил почти 39 млн долл. США, хотя это и не самый лучший показатель. Например, в 2007 г. он достигал почти 50 млн долл. США. Соотношение экспорта и импорта продукции показывает, что Карелия всегда больше покупала, чем продавала.

Основу белорусских поставок в Республику Карелия составляют средства наземного транспорта, их части и оборудование (39 % общего объема поставок), пневматические шины (28,4 %), продукты питания (20 %). В Карелию из Беларуси везут шины для грузовых автомобилей и большегрузных карьерных

самосвалов, грузовые автомобили и карьерные самосвалы, пищевые продукты – сахар, муку, сыры, творог, колбасы и т. д.

Экспортируются из Республики Карелия в Республику Беларусь бумага и картон (56,4 % общего объема поставок), металлы и изделия из них (25,4 %), котлы, оборудование и механические устройства (15,2 %), гранит (1 %). Также экспортируются в Беларусь алюминиевые чушки, гранит, базальт, песчаник, лом черных металлов и т. д.

Уникальные отливки для станкостроителей Беларуси (компания «МЗОР») выпускает ООО «Литейный завод “Петрозаводскмаш”», уже изготовлены и отгружены заготовки для корпуса реактора и выгородки первого блока строящейся Белорусской АЭС.

По итогам 2013 г. показатели товарооборота были выше, чем в 2012 г., т. е. в целом наблюдается позитивная тенденция, хотя несложно догадаться, что ассортимент продукции будет меняться. Например, Беларусь готова покупать в Карелии рыбу. Данная отрасль республики действительно способна удовлетворить спрос жителей Беларуси.

Экономическое состояние современной Карелии сложное. В промышленности сложилась ситуация, когда старые отрасли исчерпали свои созидательные возможности и их продукция стала неконкурентоспособной, а новые предприятия находятся в процессе формирования, и их созидательный потенциал пока незначителен. В связи с этим Карелия пока мало что может предложить, кроме классического набора – рыбы, камня, леса.

Перспектива. В ноябре 2013 г. подписан Протокол мероприятий по развитию сотрудничества между Республикой Карелия Российской Федерации и Республикой Беларусь на 2014–2015 гг. В ноябре 2015 г. подписан аналогичный документ на 2016–2018 гг. Он определяет целый ряд совместных действий по различным направлениям взаимоотношений республик.

Основное внимание в документе уделено развитию сотрудничества в сфере экономики и торговли

между Беларусью и Карелией. В частности, стороны договорились оказывать содействие карельским предприятиям, заинтересованным в приобретении специализированной техники, троллейбусов и автобусов белорусского производства. Как известно, подобная продукция предприятий Беларуси выгодно отличается по соотношению цены и качества. У карельского транспортного предприятия «Карелавто-транс» уже есть положительный опыт закупки автобусов, произведенных на Минском автомобильном заводе. Общей задачей для Беларуси и Карелии в настоящее время является привлечение инвестиций. Правительства республик будут осуществлять взаимный обмен информацией о своих инвестиционных возможностях и содействовать развитию деловых отношений в данной сфере.

Обе стороны заинтересованы в расширении сотрудничества в сельском хозяйстве. Если Карелию интересуют технологии традиционного сельскохозяйственного производства, то белорусская сторона намерена изучать опыт по сбору и переработке дикорастущих ягод и работу предприятия «Ягода Карелии».

В Правительстве Республики Беларусь отметили положительный опыт Карелии в малой энергетике и строительстве малых гидроэлектростанций. Интерес представляет также совместная работа по использованию торфа в качестве топлива для ТЭЦ. Одной из союзных программ Беларуси и России может стать интенсификация лесного хозяйства.

Стороны также договорились о возможностях использования техники и технологий жилищно-коммунального хозяйства Беларуси, есть понимание того, каким образом использовать наработки Республики Карелия по рыбоводству и рыбопереработке. Не менее интересным для обеих республик может стать развитие туризма.

Это вселяет надежды на то, что, несмотря на различные трудности, возникающие в процессе нашего развития, дружеские взаимоотношения между Карелией и Беларусью будут развиваться.

Библиографические ссылки

1. Беларусь – Карелия: новые пути сотрудничества // Официальный интернет-портал Респ. Карелия. URL: <http://gov.karelia.ru/Karelia/2438/1.html> (дата обращения: 10.05.2016).
2. Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978.
3. Республика Карелия. Статистический ежегодник : стат. сб. Петрозаводск, 2015.
4. Джеглав Е. А. Этномиграционные процессы и социокультурный портрет населения Республики Карелия // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. № 126. С. 305–310.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : в 11 т. Петрозаводск, 2013. Т. 5 : Национальный состав и владение языками, гражданство.
6. Бирин В. Н. Белорусы в Карелии (к вопросу формирования этнической группы и современного ее состояния) // Перспективы развития сельских территорий : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Петрозаводск, 23 сент. 2015 г.). Петрозаводск, 2016. С. 21–39.
7. Шиманский М. Белорусы Мурмана // Союзное вече [Электронный ресурс]. URL: <http://www.souzveche.ru/articles/community/9468/> (дата обращения: 10.05.2016).
8. Вавулинская Л. И., Веригин С. Г., Ильюха О. П. и др. История экономики Карелии : в 3 кн. Петрозаводск, 2005. Кн. 2 : Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.).
9. Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области. Мурманск, 2004.

10. Концентрированная воля Сталина. Беломорско-Балтийскому каналу – 80 лет // Белорусский портал TUT.BY. URL: <http://news.tut.by/culture/360133.html> (дата обращения: 10.05.2016).
11. Ленинградский мартиролог, 1937–1938: книга памяти политических репрессий : в 11 т. / под ред. А. Я. Разумова. СПб., 1999–2010.
12. Гнетнев К. В. Канал. Беломорско-Балтийский канал, 1933–2003. Петрозаводск, 2003.
13. Чухин И. И. Каналоармейцы: история строительства Беломорканала в документах, цифрах, фактах, фотографиях, свидетельствах участников и очевидцев. Петрозаводск, 1990.
14. Литвин А. М. На той войне незначительной // Беларус. думка. 2010. № 3. С. 68–77.
15. Крючкова А. Финские концлагеря. Неизвестные страницы прошлого // Аргументы и факты в Беларуси. 2011. 17 авг. (№ 33) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.by/social/item/14048-fin.html> (дата обращения: 10.05.2016).
16. Кlementev E. I. Республика Карелия // На пути к переписи / под ред. В. Тишкова. М., 2003. С. 181–190.
17. Покровская Е. Полиглотов в Карелии нет // Карел. губ. 2012. 10 окт. (№ 41) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rep.ru/daily/2012/10/10/18867/> (дата обращения: 10.05.2016).
18. У нас все больше иностранных работников // Карелия. 2013. 17 дек. (№ 98) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/2448/t/2448_2.html#2 (дата обращения: 10.05.2016).
19. Внешнеэкономическая деятельность Республики Карелия : стат. сб. Петрозаводск, 2013.

References

1. Belarus' – Kareliya: novye puti sotrudnichestva [Belarus – Karelia: new ways of cooperation]. *The Official Web Portal of the Republic of Karelia*. URL: <http://gov.karelia.ru/Karelia/2438/1.html> (date of access: 10.05.2016) (in Russ.).
2. Pokrovskaya I. P. Naselenie Karelii [Population of Karelia]. Petrozavodsk, 1978 (in Russ.).
3. Respublika Kareliya. Statisticheskii ezhegodnik [The Republic of Karelia. Statistical yearbook] : stat. collect. Petrozavodsk, 2015.
4. Dzheglav E. A. Ethnomigratory processes and sociocultural portrait of the population of the Republic of Karelia. *Izv. Ross. gos. pedagog. univ. im. A. I. Gertsena*. 2010. No. 126. P. 305–310 (in Russ.).
5. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda [Results of the All-Russian population census of 2010] : in 11 vol. Petrozavodsk, 2013. Vol. 5 : Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo [National structure and language skills, nationality] (in Russ.).
6. Birin V. N. Belarusians in Karelia (to a question of formation of an ethnic group and its current state). *Perspektivy razvitiya sel'skikh territorii* : materialy Mezhhreg. nauchn.-prakt. konf. (Petrozavodsk, 23 Sept., 2015). Petrozavodsk, 2016. P. 21–39 (in Russ.).
7. Shimanskiy M. Belorussy Murmana [Belarusians of Murman]. *Soyuznoe veche* [Electronic resource]. URL: <http://www.souzeveche.ru/articles/community/9468/> (date of access: 10.05.2016) (in Russ.).
8. Vavulinskaya L. I., Verigin S. G., Ilyukha O. P., et al. Istoriya ekonomiki Karelii [History of economy of Karelia] : in 3 books. Petrozavodsk, 2005. Book 2 : Ekonomika Karelii sovetskogo perioda (1917–1991 gg.) [Economy of Karelia of the Soviet period (1917–1991)] (in Russ.).
9. Shashkov V. Y. Spetspereselentsy v istorii Murmanskoi oblasti [Special immigrants in the history of Murmansk region]. Murmansk, 2004 (in Russ.).
10. Kontsentrirovannaya volya Stalina. Belomorsko-Baltiiskomu kanalu – 80 let [Concentrated Stalin's will. To White Sea-Baltic Canal – 80 years]. *Belorusskii portal TUT.BY* [Electronic resource]. URL: <http://news.tut.by/culture/360133.html> (date of access: 10.05.2016) (in Russ.).
11. Leningradskii martirolog, 1937–1938: kniga pamyati politicheskikh repressii [Leningrad passional, 1937–1938: book of memory of political repressions] : in 11 vol. Saint Petersburg, 1999–2010 (in Russ.).
12. Gnetnev K. V. Kanal. Belomorsko-Baltiiskii kanal, 1933–2003 [Channel. White Sea-Baltic Canal, 1933–2003]. Petrozavodsk, 2003 (in Russ.).
13. Chuhin I. I. Kanaloarmeitsy: istoriya stroitel'stva Belomorkanala v dokumentakh, tsifrakh, faktakh, fotografii, svidetel'stvakh uchastnikov i ochevidtsev [Channel soldiers: History of construction of Belomorkanal in documents, figures, the facts, photos, certificates of participants and eyewitnesses]. Petrozavodsk, 1990 (in Russ.).
14. Litvin A. M. On that war not well-known. *Belaruskaja dumka*. 2010. No. 3. P. 68–77 (in Russ.).
15. Kryuchkova A. Finskie kontslagerya. Neizvestnye stranitsy proshlogo [Finnish concentration camps. Unknown pages of the past]. *Argumenty i fakty v Belarusi*. 2011. 17 August (No. 33) [Electronic resource]. URL: <http://www.aif.by/social/item/14048-fin.html> (date of access: 10.05.2016) (in Russ.).
16. Klementev E. I. Respublika Kareliya [Republic of Karelia]. In: *Na puti k perepisi*. Moscow, 2003. P. 181–190 (in Russ.).
17. Pokrovskaya E. Poliglotov v Karelii net [There are no polyglots in Karelia]. *Karelskaya guberniya*. 2012. 10 Oct. (No. 41) [Electronic resource]. URL: <http://www.rep.ru/daily/2012/10/10/18867/> (date of access: 10.05.2016) (in Russ.).
18. U nas vse bol'she inostrannykh rabotnikov [We have more and more foreign workers]. *Kareliya*. 2013. 17 Dec. (No. 98) [Electronic resource]. URL: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/2448/t/2448_2.html#2 (date of access: 10.10.2016) (in Russ.).
19. Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' Respubliki Kareliya [Foreign economic activity of the Republic of Karelia] : stat. sb. Petrozavodsk, 2013 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 12.08.2016.
Received by editorial board 12.08.2016.

ИЗУЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ (1945–1990)

В. А. АНДРЕЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматриваются место и роль культурологической советологии в системе западногерманского остфоршунга в период с 1945 по 1990 г. Сделан вывод о том, что внимание к феноменам социалистической культуры СССР, в первую очередь к художественной литературе, было обусловлено дефицитом достоверных источников о развитии идеологического противника в рамках холодной войны, стремлением к выявлению скрытых тенденций социально-политического развития СССР, расцветом социальной истории, культурным поворотом в социогуманитарных исследованиях и интересом политической элиты и широких слоев населения ФРГ к «экзотической» советской культуре. Тематизируется институциональное оформление культурологической советологии, обозначившееся концентрацией исследований этого профиля на кафедрах славистики и восточноевропейской истории, а также в специализированных научно-исследовательских организациях.

Ключевые слова: остфоршунг; художественная культура; Советский Союз; Западная Германия; литература; советология; культурологическая советология.

STUDY OF THE SOVIET ARTISTIC CULTURE IN THE SYSTEM OF THE WEST GERMAN SOVIETOLOGY (1945–1990)

V. A. ANDREYEVA^a

^aBelarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article envisages place and role of the Soviet cultural studies in the system of the West German Ostforschung in the period of 1945–1990. The paper concludes that attention towards the phenomena of the socialist culture of the USSR, particularly of the belles-lettres, was determined by the shortage of reliable sources about the development of the ideological opponent in the framework of the Cold War, intention to detect the hidden tendencies of the social-political development of the USSR, flourishing of the social history, cultural turn in humanities and social sciences and by the interest of the political elite and the wide circles of the FRG's population towards the exotic Soviet culture. The article also thematizes institutional formation of the Soviet cultural studies, which was marked by the concentration of this research at the chairs of slavistics and East European history as well as at the specialized research organizations.

Key words: Ostforschung; artistic culture; Soviet Union; West Germany; literature; sovietology; Soviet cultural studies.

Образец цитирования:

Андреева В. А. Изучение советской художественной культуры в системе западногерманской советологии (1945–1990) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 72–76.

For citation:

Andreyeva V. A. Study of the Soviet artistic culture in the system of the West German sovietology (1945–1990). *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 72–76 (in Russ.).

Автор:

Виктория Анатольевна Андреева – кандидат исторических наук; преподаватель кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Viktoryia Andreyeva, PhD (history); lecturer at the department of Modern and Contemporary history, faculty of history.
andreyevava@bsu.by

Советология, сформировавшаяся в странах Запада после окончания Второй мировой войны и начала холодной войны, представляла собой попытку систематизации научных и околонучных знаний и представлений о Советском Союзе и отдельных социалистических республиках, входивших в его состав.

Представляемое в свете тематического и методологического новаторства, ориентации на актуальность и практическое применение результатов исследований в политической плоскости [1, S. 268], в ФРГ это направление было тесно связано с традицией остфоршунга (нем. *Ostforschung* 'исследование Востока'). Главным содержательным элементом данного направления в периоды Веймарской республики и национал-социализма являлось изучение истории и актуальных вопросов развития немецких этнических общин, проживавших на территориях Центральной и Восточной Европы. После 1945 г. остфоршунг пережил настоящий ренессанс в Западной Германии, что в значительной степени было обусловлено возвращением к работе в университетах и научно-исследовательских институтах ученых, активно развивавших это направление до Второй мировой войны. Кроме того, возрождению остфоршунга способствовало выселение этнических немцев из Венгрии, Польши, СССР, Чехословакии и Югославии и обострение противоречий между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции [2, S. 31]. Таким образом, к этноцентричной перспективе этого направления добавилась антикоммунистическая.

Следует отметить, что среди западногерманских ученых и общественности не было единого мнения относительно того, как определить границы понятий «остфоршунг», «советология» и «остойропафоршунг» (нем. *Osteuropaforschung* 'исследование Восточной Европы'). Некоторые ученые отвергали термин «остфоршунг», который, по их мнению, обозначал нечетко очерченное с географической и научной точек зрения направление, дискредитированное в период национал-социализма в Германии [3, S. 186–187; 4, S. 807–808].

В статье об остфоршунге в ФРГ, вышедшей в 1975 г., редактор телерадиокомпании «Немецкая волна» (*Deutsche Welle*) Хельмут Кёниг отмечал, что вопрос о том, кто из исследователей относится к советологическому направлению, спорный. Если среди ученых старшего поколения превалировало мнение, согласно которому основными представителями остфоршунга являются слависты, то в 1970-х гг. выразителями идей этого научного направления считали себя преимущественно историки [4, S. 792]. Таким образом, вопрос об отнесении исследований западногерманских ученых к остфоршунгу и (или) советологии был неоднозначным. При этом, на наш взгляд, при рассмотрении истории изучения СССР в Западной Германии в период

с 1945 по 1990 г. понятия «советология» и «остфоршунг» целесообразно считать синонимичными.

В системе западногерманского остфоршунга можно выделить такие направления, как политические исследования (кремленология), изучение экономических, социальных и демографических процессов, правовой системы, научно-образовательного пространства, религиозной жизни и художественной культуры Советского Союза.

Западногерманская культурологическая советология, направленная преимущественно на изучение советской литературы и изобразительного искусства, развивалась в рамках различных дисциплин, в первую очередь славистики и восточно-европейской истории. В рассматриваемый период в Западной Германии институционально оформились и активно развивались университетские и внеуниверситетские советологические центры, занимавшиеся исследованиями в этой области. Среди них Институт Восточной Европы при Свободном университете Берлина (*Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin*), Институт по изучению СССР (*Institut zur Erforschung der USSR*) в г. Мюнхене, Институт русской и советской культуры имени Ю. М. Лотмана Рурского университета г. Бохума (*Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur der Ruhr-Universität Bochum*), Исследовательский центр Восточной Европы (*Forschungsstelle Osteuropa*) в г. Бремене, а также Федеральный институт восточных и международных исследований (*Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien*) в г. Кёльне.

Определенную роль в развитии культурологической советологии сыграли расцвет социальной истории в 1960–80-х гг., а также культурный поворот в социогуманитарных исследованиях и развитие новой культурной истории, ярко проявившиеся в мировом научном пространстве с 1970-х гг. Тематически и концептуально пересекаясь с иными советологическими направлениями, культурологическая советология заняла собственную нишу в системе остфоршунга. Этому способствовал стойкий интерес со стороны государственных структур, исследователей и общественности ФРГ к особенностям советского культурного строительства и культурного производства по социалистическому образцу.

Как отмечала немецкий исследователь Текла Кляйндист, значительным фактором, способствовавшим развитию остфоршунга (остойропафоршунга), как и других региональных исследовательских направлений, было недовольство со стороны западногерманских ученых недостаточной осведомленностью об изучаемом регионе [5, S. 2]. Если экстраполировать данный тезис на культурологическую советологию, то можно предположить, что развитие этого исследовательского направления опиралось на недостаток знаний о тех или иных феноменах культурной жизни СССР. Однако

в связи с данным предположением закономерно возникает вопрос о том, могла ли эта причина быть единственным фактором, обусловившим столь пристальное внимание западных ученых к феноменам советской культуры.

На наш взгляд, кроме интереса к исследованию культуры, покрытой флером таинственности и экзотизма, значительному развитию этого ответвления советологии способствовало стремление к изучению идеологического противника в рамках холодной войны, и этот фактор был решающим. Не имея достаточного объема сведений о СССР, ученые из ФРГ пытались выявить актуальные тенденции политического, экономического и в наибольшей степени социального развития этого государства с помощью изучения советской культуры [6, с. 64].

Как утверждал историк Дитрих Байрау в статье «Страх и любопытство. Советский Союз в исторических исследованиях Федеративной Республики Германия во время холодной войны», культурная продукция Советского Союза, особенно художественная литература, рассматривалась западногерманскими исследователями в качестве «сейсмографа» проблем и отклонений в социальном развитии СССР [7, S. 227]. В свою очередь, Карл-Хайнц Руффманн отмечал, что противостояние между капиталистической и социалистической системами не в последнюю очередь осуществлялось с помощью культурной политики, и успехи или неудачи той или иной их модели должны были оказывать устойчивое влияние на ход и итог соревнования систем [8, S. XXIII–XXIV].

На недостаточный объем достоверной информации о Советском Союзе указывал также Хельмут Кёниг, который утверждал, что поступающие из стран Восточной Европы публикации необходимо было рассматривать более критично, чем это обычно происходило в рамках научного исследования [4, S. 802]. Однако ученый делал оговорку о том, что его утверждение относится не ко всем источникам, и отмечал, что, например, в «Литературной газете» «зачастую можно черным по белому прочесть, что будет актуально через два года»¹ [4, S. 803]. Этот тезис подчеркивает неоспоримо большое значение исследований советской культуры в западногерманском научном пространстве, которые, кроме прочего, были призваны выявить наиболее важные, острые и злободневные вопросы развития советского общества и государства. Таким образом, недостаток достоверных публикаций о политическом и социально-экономическом развитии СССР привел к привлечению исследователями из ФРГ альтернативных источников информации, в частности советской художественной литературы. Культурные преобразования, а также изменения в официальной культурной политике Советского Союза

трактовались как своеобразные индикаторы социальных тенденций и общественных настроений, а также достижений и просчетов советской власти и социалистического строя.

Особое значение результаты исследований остфоршунга имели для консультирования органов государственного управления и представителей истеблишмента. Остфоршунг и советология ФРГ балансировали в 1949–1990 гг. между научными поисками исследователей и политическим заказом со стороны государства и общественности, выступавших зачастую спонсорами проводимых исследований. Очевидно также, что у тех или иных ученых и организаций в зависимости от профиля их деятельности, выполняемых задач и источников финансирования перевес мог сдвигаться в сторону науки или политики.

Известный западногерманский советолог, специалист в области сравнительной педагогики О. Анвайлер полагал, что политическая функция восточноевропейских исследований состояла в том, чтобы просвещать общественность в вопросах, входивших в компетенцию данного научного направления. При этом, по мнению ученого, такое консультирование должно было представлять собой не нейтральное изложение рассматриваемых явлений, но и не декларирование некоего единственно верного мнения или провозглашение той или иной политической линии [3, S. 191].

При проведении исследований в рамках остфоршунга ученым, как правило, необходимо было владеть славянскими языками. Для объективного изучения политики, экономики, общества, культуры, а также иных аспектов развития советского государства в западногерманском научном пространстве часто озвучивался вопрос о расширении преподавания этих языков. Так, Немецкое общество по изучению Восточной Европы совместно с руководителями кафедр славистики и восточноевропейской истории с 1950-х гг. содействовало расширению преподавания славянских языков, иногда достигая определенных успехов в данной сфере [4, S. 790]. В свою очередь, для реализации этого замысла большое значение имело знакомство обучающихся с литературными произведениями стран Центральной и Восточной Европы, что также, на наш взгляд, способствовало развитию культурологической советологии.

Следует отметить, что в Западной Германии после Второй мировой войны кафедра славистики работала только в Мюнхенском университете имени Людвига-Максимилиана. Однако в течение 1940–80-х гг. аналогичные кафедры возникли в 23 ведущих университетах в городах Берлине (1948, Свободный университет Берлина), Гёттингене и Кёльне (1949), Гамбурге, Майнце и Марбурге (1952), Бонне (1953),

¹Здесь и далее перевод наш. – В. А.

Франкфурте-на-Майне (1956), Эрлангене, Мюнстере и Вюрцбурге (1958), Киле и Саарбрюкене (1959), Фрайбурге, Гиссене и Тюбингене (1962), а также в университетах городов Бохума (1965), Констанца (1966), Маннгейма (1967), Регенсбурга (1968), Пассау (1976), Бамберга (1978) и Трира (1980) [9, S. 44]. Открытие большого числа кафедр славистики, занимавшихся в том числе изучением русской и советской литературы, свидетельствует о проявлении в рассматриваемый период устойчивого интереса со стороны западногерманских ученых к этим феноменам.

Если в конце 1940-х – начале 1950-х гг. западногерманские слависты исследовали преимущественно произведения русской классической литературы XIX – начала XX в., то с конца 1950-х гг. в университетах и иных научных центрах культурологической советологии началась новая исследовательская фаза, характеризовавшаяся анализом не только классических, но и современных русскоязычных литературных произведений, в том числе соцреалистических [10, S. 44–51]. Этот поворот представлял собой новый шаг в развитии славистики в ФРГ, обозначая ее тесную связь с советологией (остфоршунгом).

Отдельно следует отметить отношение западногерманских исследователей к неконформистской литературе и изобразительному искусству СССР. Наряду с выявлением скрытых социальных процессов в Советском Союзе и общественного мнения, противоречившего социалистической идеологии, исследователей из ФРГ интересовали сами феномены самиздата и культурного неконформизма.

Как утверждал Вольфганг Айхведе, диссидентство было частью советской системы, поскольку «нерешительное и постоянно находящееся под угрозой расширение личного пространства являлось результатом социального развития и способов функционирования системы» [11, S. 62]. Процессы индивидуализации личности в рамках социума, защиты личного пространства, формирования и отстаивания индивидуумами своих персональных интересов отчетливо проявились во второй половине XX в. в различных странах мира. Не чужды были эти процессы и СССР, где они проходили в неразрывной связи с развитием самого социалистического строя, а также с положением дел на международной арене.

Кроме того, в западногерманском научном пространстве высказывалось мнение о том, что в 1960-х гг. литературный неконформизм начал превращаться в своего рода движение за права человека, что обусловило политизацию и криминализацию неконформистской литературы [8, S. XXI]. В связи с этим произведения писателей и художников советского андеграунда коллекционировались и тщательно изучались на Западе. Своеобразным местом сбора для советских неконформистов и их трудов являлся основанный в 1982 г. в г. Бремене Исследовательский центр Восточной Европы.

После окончания Второй мировой войны начали создаваться или возрождаться западногерманские кафедры восточноевропейской истории, внесшие значительный вклад в изучение советской художественной культуры. Так, уже в 1946 г. французские оккупационные власти открыли кафедру этого профиля в Майнцском университете имени Иоганна Гуттенберга. Кроме того, центрами университетского исторического остфоршунга (остойропафоршунга) после 1945 г. стали Гамбург, Гёттинген и Марбург [5, S. 7]. Как и в случае со славистикой, на 1950–60-е гг. пришелся расцвет восточноевропейской истории в ФРГ.

В 1949 г. начало свою деятельность Немецкое общество по изучению Восточной Европы, опиравшееся на традиции основанного в 1913 г. Отто Хётцшем Немецкого общества по изучению России [12, S. 321]. На ежегодном конгрессе организации вопросы советской художественной культуры обсуждались в рамках секций «Идеология» и «Культура». В 1951 г. общество возобновило издание журнала «Остойропа» (*Osteuropa*), впервые увидевшего свет в 1925 г. [3, S. 183].

До настоящего времени этот журнал является крупным периодическим изданием, публикующим аналитические материалы о политическом, экономическом, социальном и культурном развитии стран Восточной и Центральной Европы. Неотъемлемым элементом этих публикаций выступает сравнительная перспектива [13], опирающаяся на традицию межсистемных компаративистских исследований второй половины XX в.

По отношению к исследуемому периоду специалист в области культурологической советологии Карл Аймермахер на основе анализа трудов и биографий отдельных исследователей выделил четыре модели восприятия русской и советской культуры и передачи знаний о ней в западно- и восточногерманском научном пространстве: 1) модель мозаики, предполагающая наличие определенных представлений о художественной культуре, которые при необходимости могут, как мозаика, выстраиваться в комплексную иерархическую смыслообразующую структуру; 2) модель передачи – попытка реконструкции духовного мира русского и советского общества и передачи этих знаний немецкому читателю в доступной форме; 3) просветительская модель Льва Копелева – развенчание распространенных мифов и стереотипов о рассматриваемой культуре с помощью научно-популярных публикаций; 4) модель научного познания – восприятие, основанное на научном подходе, и последующая передача знаний как соответствующего опыта из одного культурного пространства в другое [14].

Указанная статья Карла Аймермахера, опубликованная в 2011 г., на наш взгляд, представляет собой рефлексию рецепции русской и советской культуры и трансляции знаний о ней в 1945–1990 гг. в ключе

современных трендов интерпретативного и переводческого поворотов в социогуманитарном знании. Кроме того, примечательным является то, что автор рассматривает западно- и восточногерманскую традиции изучения русской и советской культуры как единое немецкое научное пространство в этой предметной области, без акцентирования внимания на риторике холодной войны. Позиция ученого заключается в том, что русская и советская культура

была интересна научному сообществу и широкой общественности как в ФРГ, так и в ГДР.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение советской художественной культуры занимало значимое место в системе западногерманской советологии (остфоршунга), поскольку исследования этого профиля открывали дополнительную возможность выявления актуальных тенденций развития советского общества и государства.

Библиографические ссылки

1. Unger C. R. Ostforschung in Westdeutschland. Die Erforschung des europäischen Ostens und die Deutsche Forschungsgemeinschaft, 1945–1975. Stuttgart, 2007.
2. Oberländer E. Das Studium der Geschichte Osteuropas seit 1945 // *Geschichte Osteuropas. Zur Entwicklung einer historischen Disziplin in Deutschland, Österreich und der Schweiz 1945–1990*. Stuttgart, 1992. S. 31–38.
3. Anweiler O. 25 Jahre Osteuropaforschung – Wissenschaft und Zeitgeschichte // *Osteuropa*. 1977. Heft 3. S. 183–191.
4. König H. Ostforschung – Bilanz und Ausblick // *Osteuropa*. 1975. Heft 8/9. S. 786–814.
5. Kleindienst T. Die Entwicklung der bundesdeutschen Osteuropaforschung im Spannungsfeld zwischen Wissenschaft und Politik. Marburg, 2009.
6. Андреева В. А. Западногерманские научные центры по изучению системы образования, художественной литературы и изобразительного искусства СССР (1949–1990 гг.) // *Журн. междунар. права и междунар. отношений*. 2013. № 2. С. 64–69.
7. Beyrau D. Angst und Neugier. Die Sowjetunion in der historischen Forschung der Bundesrepublik während des Kalten Krieges // *Osteuropa*. 2013. Heft 2–3. S. 211–235.
8. Ruffmann K.-H. Einleitung // *Kulturpolitik der Sowjetunion* / hrsg. von O. Anweiler, K.-H. Ruffmann. Stuttgart, 1973. S. XI–XXIV.
9. Schmid O. Ende und Neubeginn der Philologie. Perspektiven für die literaturwissenschaftliche Slavistik // *Osteuropa*. 2013. Heft 2–3. S. 31–54.
10. Eimermacher K. Die Rezeptionsmechanismen russischer Prosa-Literatur in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts in Deutschland // *Russische Literatur als deutsch-deutscher Brückenschlag (1945–1990)* / hrsg. von C. Fischer. Jena, 2010. S. 35–60.
11. Eichwede W. Abweichendes Denken in der Sowjetunion // *Geschichte und Gesellschaft*. 1987. Jarg. 13, Heft 1. S. 39–62.
12. 30 Jahre «Osteuropa» // *Osteuropa*. 1955. Heft 5. S. 321–322.
13. Zeitschrift Osteuropa [Electronic resource]. URL: <http://www.dgo-online.org/publikationen/osteuropa> (date of access: 27.09.2016).
14. Eimermacher K. Modelle kultureller Wahrnehmung und ihre Funktionalisierung // *Kultur und/als Übersetzung. Russisch-deutsche Beziehungen im 20. und 21. Jahrhundert* / hrsg. von C. Engel, B. Menzel. Berlin, 2011. S. 21–37.

References

1. Unger C. R. Ostforschung in Westdeutschland. Die Erforschung des europäischen Ostens und die Deutsche Forschungsgemeinschaft, 1945–1975. Stuttgart, 2007 (in Ger.).
2. Oberländer E. Das Studium der Geschichte Osteuropas seit 1945. In: *Geschichte Osteuropas. Zur Entwicklung einer historischen Disziplin in Deutschland, Österreich und der Schweiz 1945–1990*. Stuttgart, 1992. P. 31–38 (in Ger.).
3. Anweiler O. 25 Jahre Osteuropaforschung – Wissenschaft und Zeitgeschichte. *Osteuropa*. 1977. Vol. 3. P. 183–191 (in Ger.).
4. König H. Ostforschung – Bilanz und Ausblick. *Osteuropa*. 1975. Vol. 8/9. P. 786–814 (in Ger.).
5. Kleindienst T. Die Entwicklung der bundesdeutschen Osteuropaforschung im Spannungsfeld zwischen Wissenschaft und Politik. Marburg, 2009 (in Ger.).
6. Andreyeva V. A. West German Academic Centres of Research on the System of Education, Literature and Art of the USSR (1949–1990). *J. Int. Law Int. Relat.* 2013. No. 2. P. 64–69 (in Russ.).
7. Beyrau D. Angst und Neugier. Die Sowjetunion in der historischen Forschung der Bundesrepublik während des Kalten Krieges. *Osteuropa*. 2013. Vol. 2/3. P. 211–235 (in Ger.).
8. Ruffmann K.-H. Einleitung. *Kulturpolitik der Sowjetunion*. Stuttgart, 1973. S. XI–XXIV (in Ger.).
9. Schmid O. Ende und Neubeginn der Philologie. Perspektiven für die literaturwissenschaftliche Slavistik. *Osteuropa*. 2013. Vol. 2–3. P. 31–54 (in Ger.).
10. Eimermacher K. Die Rezeptionsmechanismen russischer Prosa-Literatur in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts in Deutschland. In: *Russische Literatur als deutsch-deutscher Brückenschlag (1945–1990)*. Jena, 2010. P. 35–60 (in Ger.).
11. Eichwede W. Abweichendes Denken in der Sowjetunion. *Geschichte und Gesellschaft*. 1987. Vol. 13, issue 1. P. 39–62 (in Ger.).
12. 30 Jahre «Osteuropa». *Osteuropa*. 1955. Vol. 5. P. 321–322 (in Ger.).
13. Zeitschrift Osteuropa [Electronic resource]. URL: <http://www.dgo-online.org/publikationen/osteuropa> (date of access: 27.09.2016) (in Ger.).
14. Eimermacher K. Modelle kultureller Wahrnehmung und ihre Funktionalisierung. In: *Kultur und/als Übersetzung. Russisch-deutsche Beziehungen im 20. und 21. Jahrhundert*. Berlin, 2011. P. 21–37 (in Ger.).

Статья поступила в редколлегию 03.10.2016.
Received by editorial board 03.10.2016.

УДК [94+37.014](477-25)«1991/2001»

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ КИЕВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО В 1991–2001 гг.: БЕЛАРУСЬ, ЛИТВА, ПОЛЬША

Ю. М. ШЕМЕТА¹⁾

¹⁾Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, ул. Владимирская, 60, 01601, г. Киев, Украина

Рассматриваются международные связи Киевского национального университета имени Тараса Шевченко на протяжении первого десятилетия независимого существования Украины (1991–2001) на примере построения и развития отношений с Беларусью, Литвой и Польшей. Проанализированы основные направления сотрудничества: визиты официальных делегаций и подписание договоров о сотрудничестве, обмен материалами и опытом, научные контакты не только между учебными заведениями, но и между их подразделениями. Отмечено, что договоры о сотрудничестве, заключенные в это время, предусматривали обмен студентами и преподавателями, научными сотрудниками, совместную работу над научно-исследовательскими темами, проведение конференций. Указаны трудности построения международных отношений в исследуемый период и раскрыты их причины. Определено, что в области естественно-научных исследований наиболее плодотворными оказались контакты с учебными и научными учреждениями Польши, в сфере гуманитарных наук – Беларуси и Литвы. Сделан вывод о необходимости развивать учебно-методическое сотрудничество с учетом опыта прошлых лет.

Ключевые слова: Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко; образование; международные связи; научное сотрудничество; учебно-методические связи; Беларусь; Литва; Польша; Украина.

INTERNATIONAL RELATIONS OF TARAS SHEVCHENKO NATIONAL UNIVERSITY OF KYIV IN 1991–2001: BELARUS, LITHUANIA, POLAND

I. M. SHEMETA^a

^aTaras Shevchenko National University of Kyiv, Vladimirska street, 60, 01601, Kyiv, Ukraine

Dedicated of consideration of international relations of Taras Shevchenko National University of Kyiv during the first decade of their independent existence (1991–2001) based on the example of building and development of relations with Belarus, Lithuania and Poland. The main areas of cooperation are analyzed: official delegations visits and the signing of cooperation agreements, exchange of materials and experience, scientific contacts not only between educational institutions, but also between their divisions. The cooperation agreements concluded at that time, provided for the exchange of students and teachers, research staff, mutual work on scientific researches topics and having conferences together. It is determined that in the natural sciences the most fruitful contacts were established with educational and scientific institutions in Poland, in humanitarian – with Belarusian and Lithuanian. Taking into account past experience the necessity to develop an educational and methodical partnership is pointed out of.

Key words: Taras Shevchenko National University of Kyiv; education; international relations; scientific cooperation; educational and methodical partnership; Belarus; Lithuania; Poland; Ukraine.

Образец цитирования:

Шемета Ю. М. Международные связи Киевского национального университета имени Тараса Шевченко в 1991–2001 гг.: Беларусь, Литва, Польша // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 77–82.

For citation:

Shemeta I. M. International relations of Taras Shevchenko National University of Kyiv in 1991–2001: Belarus, Lithuania, Poland. *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 77–82 (in Russ.).

Автор:

Юлія Марковна Шемета – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры древней и новой истории Украины исторического факультета.

Author:

Iuliia Shemeta, PhD (history), docent; associate professor of the department of Ancient and Modern history of Ukraine, faculty of history.
jumas@i.ua

Неотъемлемая часть современного образовательного и научного пространства каждого государства – его участие в международной жизни. Научными центрами, представляющими постсоветские страны на международной арене, являются главным образом академии наук, однако немалую роль играют и учреждения образования.

Одним из ведущих учреждений высшего образования (УВО) Украины является Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко¹ (далее – КНУ). Его опыт международных отношений интересен, поскольку университету суждено было стать своеобразным флагманом в вопросах построения связей с бывшими и новыми партнерами. Важной вехой в этих процессах можно считать период с 1991 по 2001 г. Именно на протяжении первого десятилетия независимого осуществления университетами внешней политики в КНУ были заложены и разработаны основные направления современных контактов. Период можно считать переходным к современному этапу развития страны, и международные отношения университета в этом плане показательны.

Цель данного исследования – выявление и характеристика связей КНУ с близкими соседями и традиционными историческими партнерами Украины: Беларусью, имеющей схожие проблемы постсоветского развития, Литвой, сумевшей относительно быстро преодолеть аналогичные трудности, и Польшей, сотрудничество с научными центрами которой началось раньше и должно было претерпеть наименьшие изменения. К сожалению, имеющаяся информация по данной теме иногда фрагментарная, неполная (в частности, в документах не всегда конкретизируются подробности межвузовских контактов). Задачей данной работы является определение форм международных связей КНУ, степени их активности и возможностей развития.

Рассмотрению вопроса международной жизни университета посвящено сравнительно немного литературы, преимущественно заметок и публикаций в периодических изданиях, а также материалов КНУ, часть которых находится в его архиве [1–3]. Такое положение обусловлено тем, что исследуемые события происходили относительно недавно и накопленный опыт продолжает переосмысливаться.

Изучение имеющегося материала в данной статье осуществляется при целостном научном подходе, предусматривающем поиск фактов, их связей, сравнение и анализ. Исследуются следующие аспекты международных контактов КНУ с университетами Беларуси, Литвы и Польши: 1) официальные визиты и события; 2) подписание договоров о сотрудничестве; 3) непосредственное научное и учебно-методическое сотрудничество. Конечно,

в рассматриваемый период не все международные проекты могли быть реализованы полноценно, что обусловлено экономическими проблемами государств.

Приходилось также учитывать тот факт, что отношения Украины с Беларусью и Литвой до распада СССР международными не считались.

В 1989 г. была основана Ассоциация университетов СССР (с 1992 г. – Евразийская ассоциация университетов), в состав которой вошли УВО Беларуси и Украины. В октябре 1996 г. в Москве Советом Евразийской ассоциации университетов было проведено заседание, на котором присутствовали ректор КНУ В. Скопенко и ректор Белорусского государственного университета А. Козулин [4, с. 3]. Однако, как показало время, гораздо большей эффективностью обладают различные формы участия в международной жизни на уровне университетов или их подразделений, а не ассоциаций.

Официальные визиты и события. На протяжении 1991–2001 гг. КНУ посетили делегации Литвы во главе с президентом А. Бразаускасом (1995) и Польши во главе с президентом А. Квасьневским (1997). На юбилейных торжествах, посвященных 160-летию основания университета, в 1994 г. присутствовали проректор БГУ П. Кухарчик, профессор Радомского университета Т. Прот, проректор Варшавского университета Я. Голувка и профессор этого же УВО С. Козак. Теплые слова поздравления прозвучали от Я. Голувки, П. Кухарчика [5], представителей Института физики полупроводников Академии наук Литвы. В 1999 г. с 165-летием КНУ поздравили Президент Литовской Республики А. Бразаускас, посольство Республики Польша, Варшавский и Вильнюсский университеты [6, с. 7].

В 1997 г. было принято положение о присвоении звания почетного доктора Киевского университета имени Тараса Шевченко, согласно которому соответствующее звание могло быть присвоено ученым и специалистам за заслуги в развитии международного сотрудничества в области науки и народного образования. На протяжении 1991–2001 гг. почетными докторами КНУ стали около двух десятков государственных и научных деятелей, среди них – Президент Литовской Республики А. Бразаускас (1995), профессор Варшавского университета С. Козак (1993), позже, в 2009 г., – Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко.

Очевидно, эта часть международных отношений являлась прежде всего презентационной, а не практической, однако ее наличие свидетельствует о взаимном интересе стран.

Договоры о сотрудничестве. Наиболее ранние договоры о сотрудничестве были подписаны КНУ с учебными и научными учреждениями Польши

¹В статье употребляется современное название УВО. – Ю. Ш.

(как уже отмечалось, отношения Украины и этой страны рассматривались в качестве международных еще в советские времена). Соглашения касались обмена студентами, совместной подготовки литературы [7, с. 590–592].

Сказывались трудности экономического характера и недостаточность опыта построения самостоятельной международной жизни. К началу 1994 г. в отчете КНУ отмечалось, что формально он имел связи с 37 зарубежными университетами и организациями на основе двусторонних договоров и рабочих программ научно-технического сотрудничества, однако только часть из них реализовались на практике в полной мере (например, с Ягеллонским университетом), а с большинством УВО, в том числе Варшавским и Вроцлавским университетами, только частично [5, л. 70–71].

О необходимости заключения договоров в то время говорилось в контексте связей с университетами Армении, Беларуси, Латвии, Литвы, России [8, с. 9]. К сожалению, несмотря на понимание важности международного сотрудничества, подписание соответствующих соглашений со многими УВО произошло намного позже.

Тем не менее по состоянию на 2002 г. действовали научные связи с Минским педагогическим университетом (в настоящее время – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка), Украинским образовательным центром (Беларусь); Вильнюсским педагогическим университетом (в настоящее время – Литовский университет образовательных наук); Варшавским, Гданьским, Вроцлавским университетами, Институтом биохимии и биофизики Польской академии наук, Институтом экспериментальной биологии имени М. Ненского Польской академии наук, Международным центром медицины и кибернетики, Педагогической академией имени Комиссии народного образования (в настоящее время – Педагогический университет имени Комиссии народного образования г. Кракова), Познаньским ботаническим садом, Познаньским университетом имени А. Мицкевича, Пулавским научным центром, Польской академией наук, Радомским техническим университетом, Украинским образовательным центром, Ягеллонским университетом, Военной технической академией (Варшава) [1, с. 233; 7, с. 705; 3, л. 32].

Часть из них, возможно, действовали в рамках сотрудничества на уровне отдельных подразделений.

Непосредственное научное и учебно-методическое сотрудничество. Большинство договоров предусматривали обмен студентами и преподавателями, научными сотрудниками, совместную работу над научно-исследовательскими темами, проведение конференций.

Отдельное место занимают международные связи студенчества. С 1993 г. в КНУ существует студен-

ческий парламент и совет студентов и аспирантов университета. Активное участие в обсуждении вопросов учебно-воспитательных процессов принимала делегация этих органов во время встречи в Минске 10–17 октября 1997 г. Было подписано шесть договоров о сотрудничестве со студенческими организациями относительно проблем политико-правовой защиты, культурных, спортивных связей с университетами Гродно и Минска [9, л. 161 об.].

В первой половине 1990-х гг. появились новые возможности для налаживания связей между университетами, особую роль в которых должны были играть Коимбрская и Европейская группы университетов и программы Фулбрайта, «Эразмус Мундус», INTAS, TEMPUS TACIS, в которые интегрировались УВО многих стран [10, л. 67–69].

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. сотрудники факультета социологии и психологии КНУ получили грант INTAS на проведение сравнительного австрийско-украинско-белорусского исследования «Экономические и социальные изменения в домохозяйствах: Украина и Беларусь (1997–2000)». Институт журналистики КНУ в 1999 г. принимал участие в проекте Центра свободной прессы (Украина), Европейской академии Берлина (Германия), Института европейских дел (Ирландия) и Белорусской ассоциации журналистов по программе TACIS «Обучение журналистов в Украине и Беларуси» [11, л. 128; 12, л. 165–167].

С 1997 г. на базе кафедры международных экономических отношений Института международных отношений КНУ реализовывался проект «Инфраструктурная политика стабильного роста в России, Беларуси и Украине» в рамках программы INTAS.

Институт международных отношений КНУ выступал в качестве участника научных ассоциаций и проектов с зарубежными партнерами в рамках программы Центральноевропейской и Восточно-европейской ассоциаций международных исследований с УВО пяти стран – Чехии, Польши, России, Болгарии, Словакии [13, л. 123, 234].

Отдельные подразделения КНУ также работали совместно с зарубежными коллегами над различными научными темами. В частности, кафедра химии высокомолекулярных соединений химического факультета КНУ сотрудничала с Технологической высшей школой г. Радома (Польша); кафедра неорганической химии подписала договор о разработке совместных научных тем с Институтом химии Вроцлавского университета [14, л. 17, 28]. С Гданьским университетом проводились работы по изучению фотохимии соединений флавоноидной природы.

Географический факультет КНУ вел активную деятельность по развитию связей с Ягеллонским университетом; механико-математический факультет КНУ имел контакты с учеными Института математики Национальной академии наук Беларуси и БГУ [15, с. 5–12; 16, л. 28; 11, л. 126; 12, л. 33].

Биологический факультет КНУ совместно с Польской академией наук в конце 1990-х гг. разрабатывал тему «Влияние высоких температур на состояние фотосинтетических мембран». Астрономическая обсерватория КНУ совместно с Центром космических исследований Польской академии наук в 1999 г. занималась исследованием явления Эль-Ниньо.

В разработке научных программ Института украиноведения КНУ в 1996 г. принимали участие 16 зарубежных профессоров, в том числе С. Козак (Польша), В. Рагойша (Беларусь) [11, л. 125–129 об.; 17, л. 17].

Известно, что в начале XXI в. юридический факультет КНУ имел контакты с Беларусью, однако, к сожалению, подробной информации о сотрудничестве с белорусскими юристами не сохранилось. Филологический факультет КНУ поддерживал отношения с различными научными учреждениями Польши и Беларуси, причем наиболее популярной формой сотрудничества стало участие в конференциях и семестровое обучение студентов. Кафедра педагогики факультета социологии и психологии КНУ совместно с Институтом педагогических наук Опольского университета (Польша) осуществляла подготовку социальных педагогов; экономический факультет КНУ подписал договор с Высшей школой менеджмента в Варшаве.

Ведущую роль в налаживании и развитии отношений между УВО занимали международные конференции и семинары, участие в которых было сравнительно активным и не прерывалось со времен распада СССР. Международные научные форумы с участием представителей Беларуси, Литвы и Польши проводились в 1991–1992 гг. В частности, в марте 1992 г. прошла конференция «Лингвистика славянских языков как феномен культуры», среди участников которой были ученые, представлявшие общую научную тему КНУ и Ягеллонского университета «Славянские языки в иноязычном окружении», а всего присутствовало свыше 120 исследователей, в том числе из Беларуси, Литвы, Польши.

Филологический факультет КНУ в сентябре 1995 г. провел международную конференцию, посвященную памяти профессора Ю. Жлуктенко, в которой приняли участие языковеды Литвы [17, л. 25 об.].

В октябре 1995 г. состоялся международный семинар НАТО по проблемам подготовки специалистов высшего уровня в отрасли глобальных компьютерных сетей на базе физического, радиофизического факультетов и факультета кибернетики КНУ, на который приехали 45 ведущих специалистов, в частности из Беларуси и Литвы [18, с. 2].

Только за первое полугодие 1996 г. Институт журналистики КНУ провел пять научно-практических конференций, в которых принимали участие ученые Швейцарии, Беларуси, Польши, Болгарии, Молдовы, России, Германии [17, л. 15].

Весной 1997 г. факультет кибернетики КНУ принимал гостей из разных стран, в том числе из Польши, на конференции, посвященной теории изображений и компьютерной алгебры [19, с. 3]. В ноябре 2001 г. на географическом факультете КНУ прошел конгресс молодых географов, который среди прочих посетили студенты Польши [20, с. 2].

В свою очередь, студенты, аспиранты, преподаватели и ученые КНУ принимали участие в конференциях за рубежом. Так, на протяжении 1995 г. профессор И. Бычко (философский факультет) выступал с докладами на нескольких научных форумах в Польше. Представители исторического факультета в 1996 г. были задействованы в 34 конференциях за рубежом, в том числе в Беларуси и Польше [17, л. 18, 30 об.]. В июне – июле 1999 г. группа студентов участвовала в первой европейской конференции «Университетские волонтеры как движущая сила европейской культуры» (Вильнюс) [12, л. 166]. Юристы в 1999 г. посетили научный форум «Проблемы юридической науки и правоприменения» (Минск) [1, с. 229]. В конце 2001 г. в конференции на факультете журналистики БГУ приняли участие сотрудники Института журналистики КНУ [21, с. 4].

Что же касается учебно-методической стороны сотрудничества, то, к сожалению, подготовка иностранных студентов из Беларуси, Литвы и Польши в указанный период практически не проводилась. Так, студенты из Беларуси и Литвы начали обучаться в КНУ в 2003–2004 гг., сотрудничество с Польшей в данной сфере осуществлялось с середины 1990-х гг., хотя и с перерывами. В частности, в созданном в 1992 г. Центре подготовки и повышения квалификации иностранных граждан на контрактной основе в 1994 г. обучались студенты из Польши, желающие изучать украинский язык [22, с. 4].

В конце 1991 г. Институт украиноведения КНУ (в настоящее время – Центр украиноведения КНУ) содействовал подготовке преподавателей и созданию кафедр украиноведения в Польше (Варшава, Краков, Вроцлав) и других странах, куда КНУ отправлял своих преподавателей и откуда принимал сотрудников для подготовки. Благодаря усилиям Института украиноведения КНУ при университете в то время была создана кафедра языков и литератур народов Украины (в том числе белорусского языка и литературы) [23, с. 1–2].

Взаимный обмен и стажировки, а также визиты в Польшу в целях повышения квалификации осуществлялись на уровне аспирантов и докторантов филологического и исторического факультетов, Института журналистики КНУ. Студенты КНУ принимали участие в стажировках и летних школах: например, в июле 1997 г. – в работе Восточной летней школы Варшавского университета [9, л. 138; 11, л. 33]. И наоборот, студенты из Польши проходили стажировку в Институте филологии КНУ.

Отдельное место в сфере международного сотрудничества занимают контакты неофициального характера. К ним можно отнести визиты творческих коллективов. Еще до распада СССР, весной 1991 г., во время одной из фольклорных конференций в стенах КНУ выступил коллектив из Минска [2, с. 2]. Ансамбль КНУ «Веснянка» в 1994 г. был на гастролях в Польше. К сожалению, информации о данной стороне международных отношений сравнительно немного.

Таким образом, можно сказать, что связи КНУ с Беларусью, Литвой и Польшей на протяжении первого десятилетия независимого существования Украины не прерывались либо были начаты на новой основе. Развивались практически все направления международного сотрудничества: официальное, научное, учебно-методическое, неформальное. Наиболее плодотворным можно считать именно научное взаимодействие, в рамках которого исследовались важные для наших стран проблемы общественной жизни и наук, причем в отрасли естественных наук эти связи развивались преимущественно с польской стороной, в сфере гуманитарных исследований – с белорусскими и литовскими университетами. КНУ развивал отношения как с учебными, так и с научными учреждениями. Среди них можно назвать Белорусский государственный педагогиче-

ский университет имени Максима Танка (Минск), Белорусский государственный университет (Минск), Вильнюсский университет, Литовский университет образовательных наук (Вильнюс), Ягеллонский университет (Краков), Варшавский, Вроцлавский, Гданьский университеты, Институт математики НАН Беларуси (Минск), Институт биофизики и биохимии Польской академии наук (Варшава), Познаньский ботанический сад и т. д. Плодотворными являлись научные связи в рамках исследовательских программ и различного рода научных форумов.

Наиболее активно КНУ сотрудничал с Польшей, наименее активно – с Литвой. Тенденции, которые отличались в период с 1991 по 2001 г., во многом стали определяющими для дальнейшего развития связей КНУ с УВО и научными учреждениями Беларуси, Литвы, Польши. К наиболее актуальным проблемам и того периода, и современности стоит отнести взаимное развитие обмена студентами, преподавателями и научными работниками, особенно с белорусской и литовской сторонами. Можно констатировать, что уровень научных контактов являлся сравнительно высоким, в иных сферах отношения развиваются менее активно. С учетом опыта сотрудничества наших стран и существующих между ними связей имеет смысл углублять их и искать новые возможности взаимодействия.

Бібліографічні посилання

1. Скопенко В. В., Третяк О. В., Гондюл В. П. та ін. Наука в Київському національному університеті імені Тараса Шевченка на зламі тисячоліть. Київ, 2002.
2. Шурко Л. До неосязжних глибин народних традицій // Київ. ун-т. 1991. № 3. С. 2.
3. Арх. отд. делопроизводства и арх. КНУ. Ф. 1246. Оп. 28. Д. 60. Л. 30–40.
4. На освітньому просторі СНД // Київ. ун-т. 1996. № 9. С. 3.
5. Арх. отд. делопроизводства и арх. КНУ. Ф. 1246. Оп. 28. Д. 42. [Б. л.].
6. Університет вітали // Київ. ун-т. 1999. № 7. С. 7.
7. Історія Київського університету / гол. ред. Л. В. Губерський. Київ, 2014.
8. Бех П. Київський університет і світ // Київ. ун-т. 1999. № 6. С. 9.
9. Арх. отд. делопроизводства и арх. КНУ. Ф. 1246. Оп. 28. Д. 52.
10. Арх. отд. делопроизводства и арх. КНУ. Ф. 1246. Оп. 28. Д. 40.
11. Арх. отд. делопроизводства и арх. КНУ. Ф. 1246. Оп. 28. Д. 58.
12. Арх. отд. делопроизводства и арх. КНУ. Ф. 1246. Оп. 28. Д. 63.
13. Арх. отд. делопроизводства и арх. КНУ. Ф. 1246. Оп. 28. Д. 57.
14. Арх. отд. делопроизводства и арх. КНУ. Ф. 1246. Оп. 28. Д. 50.
15. Андрейцев В. Юридичний факультет. Наєнко М. Філологічний факультет. Олійник Я. Географічний факультет. Слободяник М. Хімічний факультет // Київ. ун-т. 2000. № 2/3. С. 5–12.
16. Арх. отд. делопроизводства и арх. КНУ. Ф. 1246. Оп. 28. Д. 47.
17. Арх. отд. делопроизводства и арх. КНУ. Ф. 1246. Оп. 28. Д. 48.
18. Міжнародний семінар НАТО: як готувати спеціалістів підвищеного рівня? // Київ. ун-т. 1995. № 11. С. 2.
19. Кириченко В., Фоторний В. В Україні – вперше // Київ. ун-т. 1997. № 6. С. 3.
20. Сірий О. Конгрес молодих географів // Київ. ун-т. 2001. № 5. С. 2.
21. Новини з Інституту журналістики // Київ. ун-т. 2002. № 1. С. 4.
22. Александров О. Ми з задоволенням вчимо українську // Київ. ун-т. 1994. № 2. С. 4.
23. Кононенко П. Інститут українознавства // Київ. ун-т. 1991. № 22. С. 1–2.

References

1. Skopenko V. V., Tretjak O. V., Gondjul V. P., et al. Nauka v Kyi'vs'komu nacional'nomu universyteti imeni Tarasa Shevchenka na zlami tysjacholit' [Science in Taras Shevchenko National University of Kyiv upon the change of millennia]. Kyiv, 2002 (in Ukrainian).
2. Shurko L. Do neosjajzhnyh glybyn narodnyh tradycij [To the immense depths of the national traditions]. Kyivskyi univ. 1991. No. 3. P. 2 (in Ukrainian).

3. Arch. at the dep. of paperwork and arch. Taras Shevchenko Univ. of Kyiv. Fund 1246. Regist. 28. File 60. L. 30–40 (in Ukrainian).
4. Na osvithn'omu prostori SND [On the educational space of the CIS]. *Kyivskiyi univ.* 1996. No. 9 P. 3 (in Ukrainian).
5. Arch. at the dep. of paperwork and arch. Taras Shevchenko Univ. of Kyiv. Fund 1246. Regist. 28. File 42. [S. f.] (in Ukrainian).
6. Universytet vityaly [The University was congratulated]. *Kyivskiyi univ.* 1999. No. 7. P. 7 (in Ukrainian).
7. Istorija Kyi'vs'kogo universytetu [The History of University of Kyiv]. Kyiv, 2014 (in Ukrainian).
8. Bekch P. Kyi'vs'kyj universytet i svit [The University of Kyiv and the world]. *Kyivskiyi univ.* 1999. No. 6. P. 9 (in Ukrainian).
9. Arch. at the dep. of paperwork and arch. Taras Shevchenko Univ. of Kyiv. Fund 1246. Regist. 28. File 52 (in Ukrainian).
10. Arch. at the dep. of paperwork and arch. Taras Shevchenko Univ. of Kyiv. Fund 1246. Regist. 28. File 40 (in Ukrainian).
11. Arch. at the dep. of paperwork and arch. Taras Shevchenko Univ. of Kyiv. Fund 1246. Regist. 28. File 58 (in Ukrainian).
12. Arch. at the dep. of paperwork and arch. Taras Shevchenko Univ. of Kyiv. Fund 1246. Regist. 28. File 63 (in Ukrainian).
13. Arch. at the dep. of paperwork and arch. Taras Shevchenko Univ. of Kyiv. Fund 1246. Regist. 28. File 57 (in Ukrainian).
14. Arch. at the dep. of paperwork and arch. Taras Shevchenko Univ. of Kyiv. Fund 1246. Regist. 28. File 50 (in Ukrainian).
15. Andrejcev V. Jurydychnyj fakul'tet [Faculty of Law]. Nayenko M. Filologichnyj fakul'tet [Faculty of Philology]. Olijnyk Y. Geografichnyj fakul'tet [Faculty of Geography]. Slobodyanyk M. Himichnyj fakul'tet [Faculty of Chemistry]. *Kyivskiyi univ.* 2000. No. 2/3. P. 5–12 (in Ukrainian).
16. Arch. at the dep. of paperwork and arch. Taras Shevchenko Univ. of Kyiv. Fund 1246. Regist. 28. File 47 (in Ukrainian).
17. Arch. at the dep. of paperwork and arch. Taras Shevchenko Univ. of Kyiv. Fund 1246. Regist. 28. File 48 (in Ukrainian).
18. Mizhnarodnyj seminar NATO: jak gotuvaty specialistiv pidvyshhenogo rivnja? [NATO International Workshop: How to prepare specialists of high level?]. *Kyivskiyi univ.* 1995. No. 11. P. 2 (in Ukrainian).
19. Kyrychenko V., Futornyj V. Ukrai'ni – vpershe [It's for the first time in Ukraine]. *Kyivskiyi univ.* 1997. No. 6. P. 3 (in Ukrainian).
20. Siryj O. Kongres molodyh geografiv [The Congress of the young geographers]. *Kyivskiyi univ.* 2001. No. 5. P. 2 (in Ukrainian).
21. Novyny z Instytutu zhurnalistyky [The news from the Institute of Journalism]. *Kyivskiyi univ.* 2002. No. 1. P. 4 (in Ukrainian).
22. Aleksandrov O. My z zadovolennjam vchymo ukrai'ns'ku [We learn Ukrainian with pleasure]. *Kyivskiyi univ.* 1994. No. 2. P. 4 (in Ukrainian).
23. Kononenko P. Instytut ukrai'noznavstva [The Institute of Ukrainian Studies]. *Kyivskiyi univ.* 1991. No. 22. P. 1–2 (in Ukrainian).

Статья поступила в редколлегию 13.10.2016.
Received by editorial board 13.10.2016.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 930.1+572.9

АДЛЮСТРАВАННЕ СМЕРЦІ І ЗАМАГІЛЬНАГА ЖЫЦЦЯ Ў ЭПОХІ СЯРЭДНЯВЕЧЧА І НОВАГА ЧАСУ Ў ЗАМЕЖНАЙ І БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Н. В. СТАХНО^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Аналізуюцца працы гісторыкаў, прысвечаныя тэме ўспрыняцця смерці чалавекам у эпохі Сярэднявечча і Новага часу. Акрэсліваецца кола навуковых праблем, якія былі распрацаваны даследчыкамі. Сцвярджаецца, што вывучэнне дадзенай тэмы першапачаткова ўваходзіла ў сферу інтарэсаў археолагаў і этнолагаў, доўгі час застаючыся па-за ўвагай гісторыкаў. Зроблена выснова пра тое, што ў сусветнай гістарыяграфіі пік цікаўнасці да акрэсленай праблематыкі назіраўся ў канцы 1970-х – пачатку 1980-х гг., у нашых бліжэйшых суседзяў – у 1990-я гг., а ў Беларусі яна да гэтага часу чакае свайго даследчыка. Нягледзячы на разнастайнасць прааналізаванай літаратуры, нельга сцвярджаць, што тэматыка раскрыта ў розных аспектах і патрабуе толькі абагульнення назапашаных ведаў. Паказана, што большасць даследчыкаў толькі мімаходзь закраналі тэму ўспрыняцця смерці і праблему канатацыі кніжных і мастацкіх твораў з менталітэтам.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; ментальнасць; смерць; замагільнае жыццё; Сярэднявечча; Новы час.

Образец цитирования:

Стахно Н. В. Адлюстраванне смерці і замагільнага жыцця ў эпохі Сярэднявечча і Новага часу ў замежнай і беларускай гістарыяграфіі // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 83–88.

For citation:

Stakhno N. V. Displaying of death and afterlife in the Middle Ages and the Modern Ages in foreign and Belarusian historiography. *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 83–88 (in Belarus.).

Автор:

Нина Валерьевна Стахно – аспирантка кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Ю. Л. Казаков.

Author:

Nina Stakhno, postgraduate student at the department of Belarus history of the Ancient time and the Middle ages, faculty of history.
nsv-kh@yandex.ru

ОТОБРАЖЕНИЕ СМЕРТИ И ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ В ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ В ИНОСТРАННОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. В. СТАХНО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Анализируются работы историков, посвященные теме восприятия смерти человеком в эпохи Средневековья и Нового времени. Обозначен круг научных проблем, которые были разработаны учеными. Утверждается, что изучение данной темы изначально входило в сферу интересов археологов и этнологов, а для историков долгое время оставалось табуированным. Сделан вывод о том, что в мировой историографии пик интереса к данной проблематике наблюдался в конце 1970-х – начале 1980-х гг., у наших ближайших соседей – в 1990-х гг., а на территории Беларуси она все еще ждет своего исследователя. Отмечено, что, несмотря на разнообразие проанализированной литературы, нельзя утверждать, что тема раскрыта в различных аспектах и требует только обобщения накопленных знаний. Указано, что большинство исследователей лишь вскользь затрагивали тему восприятия смерти и проблему коннотации книжных и художественных произведений с менталитетом.

Ключевые слова: историография; ментальность; смерть; загробная жизнь; Средневековье; Новое время.

DISPLAYING OF DEATH AND AFTERLIFE IN THE MIDDLE AGES AND THE MODERN AGES IN FOREIGN AND BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY

N. V. STAKHNO^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The paper discusses history researches on death perception in the Middle Ages and the Modern Ages. It outlines the range of problems that have been developed over the study period. The author pays attention on fact, that problem of a death originally belonged to the archaeologists' and anthropologists' sphere of interest, while for historians it remained taboo for a long time. As a result of the work we have come to several conclusions: firstly, in world historiography peak interest in the problems observed in the late 1970s – early 1980s. Our nearest neighbors have it in the 1990s. In our country this theme is waiting for its researcher. Secondly, despite of the literature diversity, we cannot assert that the subject matter disclosed from different aspects and requires only a generalization of accumulated knowledge. Most of the works have their own significant specifics; the authors rarely refer to the theme of death perception and the connotation of books and artistic works with the mentality.

Key words: historiography; mentality; death; afterlife; the Middle Ages; the Modern Ages.

Думкі пра смерць і замагільнае жыццё з даўніх часоў турбавалі чалавека. Менавіта ў Сярэднявеччы, калі рэлігія дамінавала над грамадскай свядомасцю, увага людзей была сканцэнтравана на такіх паняццях, як смерць, Страшны суд, адплата, пекла, рай. Першапачаткова вывучэнне дадзенай праблематыкі ўваходзіла ў сферу інтарэсаў археолагаў і этнолагаў, якія даследавалі пахавальныя рытуалы і вераванні, і доўгі час заставалася па-за ўвагай гісторыкаў. Уключэнне ўспрымання чалавекам катэгорыі смерці ў кола навуковых праблем, якія вывучаюць гісторыкі, было з'явай таго ж парадку, што і зварот навукоўцаў да такіх паняццяў, звязаных з ментальнасцю, як час, прастора, сям'я, дзяцінства, страх, пачуцці і г. д.

Упершыню на катэгорыю смерці з пункту гледжання гісторыі паглядзеў нідэрландскі навуковец Ё. Хейзінга ў сваёй грунтоўнай працы «Восень Сярэднявечча» [1]. Аўтар закрануў такія аспекты,

як жалоба, надмагіллі і вобразы смерці. Гісторык адзначыў, што ў XV ст. напаміны пра смерць знаходзіліся паўсюдна, а галоўная ідэя, якая ў іх закладвалася, – тленнасць усяго зямнога. Трэба адзначыць, што, нягледзячы на пэўную павярхоўнасць разгляду тэматыкі смерці, даследчык адкрыў яе для гісторыкаў і пры выкарыстанні даволі шырокага кола крыніц (гравюры, фрэскі, надмагіллі, літаратурныя творы, успаміны, тэалагічныя творы і г. д.) ёміста ахарактарызаваў стаўленне чалавека позняга Сярэднявечча да смерці і замагільнага жыцця.

Важны штуршок вывучэнне ўспрымання смерці людзьмі розных эпох атрымала ў межах трэцяга пакалення школы «Аналаў», якая аформілася ў Францыі ў 1970-х гг. Першым яе прадстаўніком, які працаваў у дадзеным напрамку, быў Ф. Ар'ес. У 1977 г. ён выдаў грунтоўную працу «Чалавек перад тварам смерці» [2]. Храналагічныя межы даследавання былі надзвычай шырокімі – ад пачатку

хрысціянскай цывілізацыі ў Еўропе да сучаснасці, што тлумачылася надзвычайнай маруднасцю змены ментальнасці. У сваёй кнізе Ф. Ар'ес вызначыў пяць асноўных этапаў змены ментальных установак у дачыненні да смерці: ад адсутнасці страху і пазітыўнага стаўлення ў раннім Сярэднявеччы праз песімізацыю чаканняў і драму сыходу каханых людзей у Новы час да замоўчвання і медыкалізацыі смерці ў XX ст.

Да недахопаў працы Ф. Ар'еса можна аднесці адсутнасць тлумачэння прычын пераходу ад аднаго этапу да іншага. Аўтар хоць і абавіраецца на шырокае кола крыніц, аднак часам ігнаруе пісьмовыя помнікі і аналізуе галоўным чынам іканаграфію. Акрамя таго, распрацаваная ідэя паступовай эвалюцыйнай індывідуалізацыі ўспрыняцця смерці вымушае даследчыка ігнараваць прыметы, якія супярэчаць яго канцэпцыі.

У сваёй працы «Смерць і Захад з 1300 г. да нашых дзён» [3] М. Вовель уступіў у палеміку з Ф. Ар'есам. Даследчык прытрымліваўся марксісцкай ідэалогіі і сцвярджаў, што вобраз смерці ўключаецца ва ўсеабдымную цэласнасць спосабу вытворчасці. На яго думку, у вобразе смерці знаходзіць сваё адлюстраванне грамадства, але гэта скажонае выяўленне, разглядаць якое неабходна толькі ў шчыльнай сувязі з эканамічнымі, сацыяльнымі, дэмаграфічнымі і ідэалагічнымі аспектамі жыцця. Даследчык падкрэсліваў непасрэдную сувязь паміж матэрыяльнымі ўмовамі жыцця і тымі ўяўленнямі і вераваннямі, якія фарміруюцца ў розных класаў. Акрамя таго, М. Вовель адышоў ад эвалюцыйнай канцэпцыі Ф. Ар'еса і ахарактарызаваў Рэфармацыю як самую значную рэвалюцыю ў гісторыі калектывных уяўленняў, у выніку якой нарадзіўся новы, трагічны вобраз смерці, дзе жыццё – гэта загадка прайграная барацьба з апошняй. Моцным бокам даследавання М. Вовеля з'яўляецца падрабязны аналіз дэмаграфічных даных, якія выкарыстоўваюцца для таго, каб знайсці канатацыю паміж пануючай у грамадстве канцэпцыяй смерці і дэмаграфічнай сітуацыяй.

Грунтоўнае даследаванне «Узнікненне чыстца» выдаў яшчэ адзін прадстаўнік школы «Аналаў» – Ж. Ле Гоф [4]. Як мяркуе аўтар, канчатковае афармленне ідэі пра наяўнасць чыстца адбылося напрыканцы XII ст. Гэту з'яву даследчык расцэньваў як свайго роду ментальную рэвалюцыю, якая змяніла псіхалагічныя структуры і ўнутраныя ўстаноўкі ў дачыненні да прасторы і часу. Такі паварот тлумачыўся тым, што час надыходжання Страшнага суда быў адтэрмінаваны, інтарэсы хрысціян перамясціліся з нябёсаў на зямлю, у іх з'явілася цяга да матэрыяльных даброт. Камерцыялізацыя жыцця выклікала некаторыя зрухі ў маралі. Калі раней меркавалася, што чалавек, які займаўся грашовымі аперацыямі, дакладна трапіць у пекла, то з «вынаходніцтвам» чыстца ён мог разлічваць

на ачышчэнне ад грахоў у полімі. Акрамя таго, новая лакацыя іншасвету ставіла жывых у актыўную пазіцыю ў дачыненні да памерлых – зараз яны маглі паўплываць на тэрмін пакут сваіх блізкіх і аблегчыць іх становішча. Як падкрэсліваў Ж. Ле Гоф, догмат чыстца не быў прыдуманым багасловамі, ён узнік у шырокіх пластах ментальнасці і праглядаўся яшчэ ў раннесярэднявечных уяўленнях пра замагільны свет.

Французскі даследчык Ж. Дэлуюм ў сваёй працы «Грэх і страх» [5] паказваў уплыў рэлігійнай прапаганды страху перад грахам і пеклам на жыццё чалавека. Навуковец засяродзіў увагу на апафеозе макабрычнага мастацтва XVI ст., вялікай папулярнасці трактатаў *Ars moriendi*, феномене прагі смерці і іканаграфіі танца смерці. Вельмі цікавым з'яўляецца погляд аўтара на кнігі, пропаведзі і выяўленчае мастацтва як на медыя, з дапамогай якіх вызначалася, як змясціць пакуль яшчэ не адчужанага чалавека, што жыве ў згодзе з прыродай, у новы, штучны палітычны парадак, які мабілізуе яго на ўладкаванне еўрапейскага гістарычнага свету. Вырашалася гэта праблема шляхам унясення разладу, канфлікту ў ціхамірнае існаванне чалавека, заражэння яго страхам смерці, нявызначанасці перспектывы разнастайных грахоў і непазбежнасці адплат.

Сярод прадстаўнікоў рускай гістарычнай навукі тэму смерці закранаў А. Гурэвіч, які акрэсліў агульную мадэль сярэднявечнай ментальнасці ў манаграфіі «Катэгорыі сярэднявечнай культуры» [6]. Аўтар звярнуў увагу на стаўленне чалавека да свайго лёсу пасля смерці, прастору і час у замагільным свеце, з'яўленне катэгорыі чыстца. Даследчык сцвярджаў, што ў ментальнасці сярэднявечнага чалавека замагільны і зямны свет не мелі дакладнай мяжы і шмат у чым былі падобныя. У іншай працы А. Гурэвіча «Культура і грамадства сярэднявечнай Еўропы вачамі сучаснікаў» [7] асновай вывучэння ментальнасці сталі прыклады (*exempla*) – жанр сярэднявечнай літаратуры, які апавядае пра вандроўкі ў замагільны свет. Менавіта ў прыкладах мы сутыкаемся з будзённымі кантактамі абодвух светаў і знаходзім сведчанні пра інтэнсіўныя сувязі паміж імі. У працы адзначаецца, што споведзь, пакаянне, імшы і падарункі касцёлу вельмі дапамагаюць памерлым у замагільным свеце, бо значна скарачаюць пакуты ў чыстцы, нават ёсць магчымасць змяніць лёс тых, хто нясе пакаранне ў пекле.

Польскі даследчык Б. Рок у дзвюх манаграфічных працах [8; 9] паспрабаваў перанесці гісторыю ментальнасці на глебу даўняй Рэчы Паспалітай (РП). Структура абедзвюх кніг аналагічная: аўтар пачынае з аналізу праблем старасці і хвароб, якія былі прадвеснікамі смерці, далей апісвае падрыхтоўку да цырымоніі пахавання, аплакванне памерлага, перадае ўяўленні пра замагільны свет, а таксама звяртае ўвагу на асаблівасці ўспрымання смерці нечаканай,

гвалтоўнай. Дакладная логіка апісання і спроба стварыць абагуленую карціну перажыванняў, звязаных з паміраннем і смерцю ў часы РП, безумоўна, з'яўляюцца моцнымі бакамі манаграфій. Але ёсць у працах і шмат недахопаў. Напрыклад, асноўнымі крыніцамі для Б. Рока сталі пахавальныя прамовы, казанні, так званыя падручнікі добрай смерці – працы пра тое, як трэба паміраць, каб не пакутаваць у замагільным жыцці. Тэстаменты выкарыстоўваліся даволі рэдка, а творы мастацтва аўтар увогуле абмінуў увагай. Акрамя таго, спробу даследчыка ахапіць усе канфесіі і рэлігіі РП нельга назваць удалай. За аснову Б. Рок браў уяўленні каталікоў, а на асаблівасці ва ўспрыманні смерці пратэстантамі, мусульманамі і іўдзеямі адвёў зусім нязначнае месца, не раскрыўшы дадзенага пытання да канца. Больш за тое, аўтар часта экстрапаліраваў вывады, зробленыя на аснове крыніц шляхецкага паходжання, на ўсё грамадства.

Беларускія даследчыкі абыходзяць праблематыку смерці і закранаюць яе толькі ў навукова-папулярных працах па гісторыі паўсядзённасці [10].

Пытанні ўспрымання смерці разглядаліся таксама пры даследаванні шэрагу крыніц. Звернемся толькі да самых значных такіх прац.

Пры вывучэнні актаў апошняй волі дадзенай праблеме закралі польская даследчыца В. Зялецка [11] (звярнула ўвагу на адрозненні паміж каталікамі, праваслаўнымі, уніятамі і пратэстантамі; вывучала шэраг аспектаў, звязаных са смерцю: як чакалі заканчэння жыцця і як да яго рыхтаваліся, як абіралася месца пахавання, якое значэнне надавалася малітвам); украінскія даследчыцы Н. Белавус [12] (разглядала не толькі праблематыку гісторыі, структуру, тэрміналогію тэстаменту, але і стварыла з іх дапамогай мадэль вобразу смерці) і Н. Якавенка [13; 14] (даследавала сакральную прастору і месцы пахавання князёў і шляхты на Валыні).

Значнае месца ў распрацоўцы праблемы займаюць літаратуразнаўчыя даследаванні. Кнігам, якія апавядаюць пра мастацтва добрай смерці, свае працы прысвяцілі М. Уладарскі [15] (не толькі прааналізаваў тэксты твораў, але і паспрабаваў звязаць іх з пэўнымі рысамі ментальнасці) і Г. Гушал [16] (зрабіў важную выснову пра тое, што менавіта творы гэтага тыпу былі крыніцай ведаў шырокіх колаў насельніцтва аб эсхаталогіі).

Праблематыка пахавальных казанняў атрымала больш шырокае асвятленне ў гістарыяграфіі. Адным з першых яе даследчыкаў быў М. Косман [17], які прасачыў эвалюцыю такой літаратуры з канца XVI да сярэдзіны XVII ст. і абгрунтаваў думку пра тое, што казанні выкарыстоўваліся не толькі для ўсхвалення памерлага і суцяшэння яго блізкіх, але і для прапаганды. Даследчык М. Сквара ў сваёй працы [18] ахапіў гісторыю пахавальных казанняў ад Антычнасці да канца XVII ст., а таксама правёў

сістэматызацыю польскіх прамоў. Гісторык А. Новак звярнула ўвагу на замагільную тапаграфію, якая даносілася да абывацеля праз казанні на пахаваннях і фунеральную літаратуру, а таксама лінейна разгледзела асноўныя пункты, звязаныя са смерцю, пачынаючы ад думак пра скон і рэгулярных споведзей як галоўных гарантаў добрай смерці і заканчваючы памінаннем душы для дапамогі ёй у замагільным свеце [19].

Што тычыцца аналізу літаратурных твораў, то тут неабходна адзначыць працы ўкраінскай даследчыцы Л. А. Беражной, якая ў артыкуле «Украінска-беларуская паэзія і драматургія XVII ст. аб смерці і замагільным свеце» [20] прааналізавала творчасць паэтаў праз прызму ўспрымання імі смерці. Асноўны недахоп дадзенай працы – ігнараванне беларускіх паэтаў і канцэнтрацыя толькі на чатырох украінскіх літаратарах. Польскі гісторык А. Навіцкая-Яжова ў сваіх працах разглядала фунеральную паэзію і жалобныя песні, шырока выкарыстоўваючы параўнанне каталіцкіх і пратэстанцкіх твораў [21; 22].

Не меншую вартасць і цікавасць маюць даследаванні, прысвечаныя цырыманіалу пахавання і звязаным з ім выяўленчым элементам (часовая архітэктура, пахавальныя партрэты) [23; 24]. У артыкуле «*Pompa funebris* у Вільні да часу падзелаў РП» М. Косман прасачыў гісторыю станаўлення пахавальных традыцый ад паганскага перыяду да часоў Контррэфармацыі [25]. Даследчык звяртаўся галоўным чынам да пахаванняў вялікіх князёў і магнатэрыі. Звяртаў увагу і на пахавальныя традыцыі розных канфесій. Сапраўды манументальнай з'яўляецца манаграфія Ю. Храсціцкага [26], у якой аўтар прасачыў гісторыю складвання пахавальных традыцый ад самай старажытнасці, апісаў віды *pompa funebris* і агульную карціну шляхецкага пахавання праз дэталёвую характарыстыку ўсіх яго складнікаў: труннага партрэта, пахавальных казанняў, дэкарацый і архітэктуры, штучнага асвятлення, праграмы мерапрыемства і г. д.

На аснове праведзенага гістарыяграфічнага аналізу можна зрабіць некалькі высноў. Па-першае, праблематыка ўспрымання смерці ў гістарычнай навуцы пачала сваё развіццё не так даўно (першыя значны ўсплёск цікавасці да праблемы адбыўся напрыканцы 1970-х гг.). У беларускай навуцы гісторыя ментальнасці ўсё яшчэ спрабуе знайсці сваё пачэснае месца, але пакуль значных дасягненняў у гэтым напрамку няма. Па-другое, нягледзячы на разнастайнасць прааналізаванай літаратуры, нельга сцвярджаць, што ў ёй раскрыты ўсе аспекты праблемы і патрэбна толькі абагульненне назапашаных ведаў. Большасць прац маюць шырэйшую спецыфіку – літаратуразнаўчую, крыніцазнаўчую, рэлігійную і г. д., таму даволі часта аўтары толькі мімаходзь звяртаюцца да тэмы ўспрымання смерці

і праблемы канатацыі кніжных і мастацкіх твораў з менталітэтам сярэднявечнага чалавека. Такім чынам, можам канстатаваць, што пры вялікай актуальнасці і папулярнасці гісторыі ментальнасці ў цэ-

лым і праблематыкі смерці і замагільнага жыцця ў прыватнасці ў дачыненні да беларускай шляхты часоў Вялікага Княства Літоўскага і РП дадзеныя пытанні не атрымалі належнай увагі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Хейзинга Й. Осень Средневековья: исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 2004.
2. Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
3. Vovelle M. Śmierć w cywilizacji Zachodu. Od roku 1300 po współczesność. Gdańsk, 2008.
4. Ле Гофф Ж. Рождение чистилища. М., 2009.
5. Делюмо Ж. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.). Екатеринбург, 2003.
6. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
7. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.
8. Rok B. Zagadnienie śmierci w kulturze Rzeczypospolitej czasów saskich. Wrocław, 1991.
9. Rok B. Człowiek wobec śmierci w kulturze staropolskiej. Wrocław, 1995.
10. Мальдзіс А. І. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі. Мінск, 2001.
11. Zielecka W. Prawosławni i unicy w Rzeczypospolitej XVI–XVIII w. wobec życia i śmierci w świetle testamentów. Warszawa, 2012.
12. Білоус Н. Тестаменти киян середини XVI – першої половини XVII століття. Київ, 2011.
13. Яковенко Н. «Погреб тілу моєму вибираю с предки моєми»: місця поховань волинських князів у XV – середині XVII століть // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність : зб. наук. пр. на пошану Л. Войтовича. Львів, 2011. С. 784–808.
14. Яковенко Н. «Освоенный простір»: місця поховань волинської шляхти (середина XVI – середина XVII ст.) // Od Kijowa do Rzymu. Z dziejów stosunków Rzeczypospolitej ze Stolicą Apostolską i Ukrainą. Białystok, 2012. S. 137–152.
15. Włodarski M. Ars moriendi w literaturze polskiej XV i XVI w. Kraków, 1987.
16. Huszal G. Przygotowanie do śmierci w XVII w. // Roczniki Humanistyczne. Historia. 1983. T. XXXI, zes. 2. S. 105–151.
17. Kosman M. Litewskie kazania pogrzebowe z pierwszej połowy XVII wieku // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 1972. T. 17. S. 87–114.
18. Skwara M. Polskie drukowane oracje pogrzebowe XVII wieku. Bibliografia. Gdańsk, 2010.
19. Nowak A. Z. Człowiek wobec wieczności: ukraińskie i białoruskie prawosławne piśmiennictwo żałobne XVII wieku. Kraków, 2008.
20. Бережная Л. А. Украинско-белорусская поэзия и драматургия XVII века о смерти и загробном мире // Исследования по истории Украины и Белоруссии. 1995. Вып. 1. С. 28–50.
21. Nowicka-Jezowa A. Sarmaci i śmierć: o staropolskiej pozycji żałobnej. Warszawa, 1992.
22. Nowicka-Jezowa A. Pieśni czasu śmierci: studium z historii duchowości XVI–XVIII wieku. Lublin, 1992.
23. Dziubkova J. Vanitas. Portret trumieny na tle sarmackich obyczajów pogrzebowych. Poznań, 1996–1997.
24. Попружина А. В. Портрети в контексті поховальної культури шляхти Речі Посполитої та козацької старшини другої половини XVII–XVIII ст. // Праці Центру пам'яткознавства : зб. наук. пр. 2014. № 25. С. 281–287.
25. Kosman M. Pompa funebris w Wilnie doby przedrozbiorowej // Lituanica-Slavica Posnaniensia. 1994. T. 6. S. 131–158.
26. Chroscicki J. Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej. Warszawa, 1974.

References

1. Kheizinga I. Osen' Srednevekov'ya: issledovanie form zhiznennogo uklada i form myshleniya v XIV i XV vekakh vo Frantsii i Niderlandakh. Moscow, 2004 (in Russ.).
2. Ar'es F. Chelovek pered litsom smerti. Moscow, 1992 (in Russ.).
3. Vovelle M. Śmierć w cywilizacji Zachodu. Od roku 1300 po współczesność. Gdańsk, 2008 (in Pol.).
4. Le Goff Zh. Rozhdenie chistilishcha. Moscow, 2009 (in Russ.).
5. Delyumo Zh. Grekh i strakh: formirovanie chuvstva viny v tsivilizatsii Zapada (XIII–XVIII vv.). Ekaterinburg, 2003 (in Russ.).
6. Gurevich A. Y. Kategorii srednevekovo kul'tury. Moscow, 1984 (in Russ.).
7. Gurevich A. Y. Kul'tura i obshchestvo srednevekovo Evropy glazami sovremennikov. Moscow, 1989 (in Russ.).
8. Rok B. Zagadnienie śmierci w kulturze Rzeczypospolitej czasów saskich. Wrocław, 1991 (in Pol.).
9. Rok B. Człowiek wobec śmierci w kulturze staropolskiej. Wrocław, 1995 (in Pol.).
10. Mal'dzis A. I. Jak zhyli nashy prodki w XVIII stagoddzi. Minsk, 2001 (in Belarus.).
11. Zielecka W. Prawosławni i unicy w Rzeczypospolitej XVI–XVIII w. wobec życia i śmierci w świetle testamentów. Warszawa, 2012 (in Pol.).
12. Bilous N. Testamenty kyjan sere diny XVI – pershoi polovyny XVII stolittja. Kyiv, 2011 (in Ukrainian).
13. Jakovenko N. «Interment of my body choose with my ancestors»: burial places of Volyn princes in XV – the middle of XVII centuries. *Ukraina: kul'turna spadshchyna, natsionalna svidomist, derzhavnist* : zbirnyk naukovykh prac' na poshanu L. Vojtovicha. Lviv, 2011. P. 784–808 (in Ukrainian).
14. Jakovenko N. «Mastered space»: the place of Volyn gentry's burial (the middle of XVI – the middle of XVII centuries). *Od Kijowa do Rzymu. Z dziejów stosunków Rzeczypospolitej ze Stolicą Apostolską i Ukrainą*. Białystok, 2012. P. 137–152 (in Ukrainian).

15. Włodarski M. *Ars moriendi w literaturze polskiej XV i XVI w.* Kraków, 1987.
16. Huszał G. Przygotowanie do śmierci w XVII w. [Preparing for a death in XVII century]. *Roczniki Humanistyczne. Historia*. 1983. Vol. XXXI, issue 2. P. 105–151 (in Pol.).
17. Kosman M. Litewskie kazania pogrzebowe z pierwszej połowy XVII wieku [Lithuanian funeral sermons from the first half of XVII century]. *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. 1972. Vol. 17. P. 87–114 (in Pol.).
18. Skwara M. *Polskie drukowane oracje pogrzebowe XVII wieku. Bibliografia.* Gdańsk, 2010 (in Pol.).
19. Nowak A. Z. Człowiek wobec wieczności: ukraińskie i białoruskie prawosławne piśmiennictwo żałobne XVII wieku. Kraków, 2008 (in Pol.).
20. Bereznaia L. A. Ukrainsko-beloruskaya poeziya i dramaturgiya XVII veka o smerti i zagrobnom mire [Ukrainian-Belarusian poetry and drama of the XVII century on death and afterlife]. *Issledovaniya po istorii Ukrainy i Belorussii*. 1995. Issue 1. P. 28–50 (in Russ.).
21. Nowicka-Jeżowa A. *Sarmaci i śmierć: o staropolskiej pozycji żałobnej.* Warszawa, 1992 (in Pol.).
22. Nowicka-Jeżowa A. *Pieśni czasu śmierci: studium z historii duchowości XVI–XVIII wieku.* Lublin, 1992 (in Pol.).
23. Dziubkova J. *Vanitas. Portret trumienny na tle sarmackich obyczajów pogrzebowych.* Poznań, 1996–1997 (in Pol.).
24. Popruzhina A. V. Portrety v konteksti pohoval'noi' kul'tury shljahty Rechi Pospolytoi' ta kozac'koi' starshyny drugoi' polovyny XVII–XVIII st. [Portraits in the context of the burial culture of the Commonwealths' nobility and Cossack elders second half of XVII–XVIII centuries]. *Pratci Tcentru pamjatkoznavstva : zbirnyk naukovykh prac'*. 2014. No. 25. P. 281–287 (in Ukrainian).
25. Kosman M. *Pompa funebris w Wilnie doby przedrozbiorowej [Pompa funebris in Vilnius before the Partitions]. Lituano-Slavica Posnaniensia.* 1994. Vol. 6. P. 131–158 (in Pol.).
26. Chroscicki J. *Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej.* Warszawa, 1974 (in Pol.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 10.11.2016.
Received by editorial board 10.11.2016.

THE IMAGE OF THE CZECH, THE SLOVAK, CZECHOSLOVAKIA AND SLOVAKIA SINCE 1919 IN POLISH HISTORIOGRAPHY, IN HANDBOOKS AND SCHOOL CURRICULA¹

M. JARNECKI^a

^aAdam Mickiewicz University In Poznań, Wieniawskiego street, 1, 61-712, Poznań, Poland

The theme of the article is a picture of Czechia, Slovakia, and Czechoslovakia in Polish historiography and in school textbooks after 1919. The author believes that the content of this image had a significant impact on the so-called Cieszyn question in the relations between Czechoslovakia and Poland, as well as Ukrainian irredentism. This problem was most clearly and noticeably visualized in ethnic stereotypes and left a notable mark in Polish historiography. Czechoslovakia in historical literature was depicted as contradictory characteristics with negative connotations. This was due to the seizure of Czechoslovakia Teshinskaya region during the Soviet-Polish war. The image of Slovaks in Polish historiography was more positive because of the Catholicism that dominates Slovakia, as well as the understatement of their role in Czechoslovakia. A bit of this image was weakened of aggression independent Slovakia on Poland at the side of the Third Reich. After the war, the image of Czechoslovakia evolved. During the period of socialism, Polish historiography was heavily censored, and therefore the images of Czechoslovakia, Czechs and Slovaks were distorted. After 1989 the possibility of free studies and critical assessments was renewed. Polish historians sought to avoid radical assessments and stereotypes. Therefore, the images of Czechs or Slovaks in school curricula and school textbooks were relaxed. The frequency of mention in school programs has decreased. Among the important Czechs appear Jan Hus, Thomas Masaryk, Vaclav Havel, sometimes Antonin Dubcek. Also was presented a dispute in the interwar period on the background of the issue.

Key words: Poland; Czechoslovakia; Czechs; Slovaks; Cieszyn question; school books and school curricula; historiography; stereotypes.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕХОВ, СЛОВАКОВ, ЧЕХОСЛОВАКИИ И СЛОВАКИИ В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ, ШКОЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ И УЧЕБНИКАХ ПОСЛЕ 1919 г.

М. ЯРНЕЦКИЙ¹⁾

¹⁾Познаньский университет им. Адама Мицкевича,
ул. Венявского, 1, 61-712, г. Познань, Польша

Исследуется проблема формирования и эволюции образа Чехии, Словакии и Чехословакии в польской историографии и школьных учебниках, изданных после 1919 г. Отмечено, что на содержание этого образа оказал значительное влияние так называемый тешинский вопрос в отношениях между Чехословакией и Польшей, а также украинский ирредентизм. Указано, что наиболее ярко и заметно эта проблема визуализировалась в этнических стереотипах и оставила заметный след в польской историографии. Утверждается, что Чехословакия в исторической литературе разделялась противоречивыми характеристиками с негативными коннотациями, что было обусловлено захватом

¹Статья публикуется в авторской редакции.

Образец цитирования:

Ярнецкий М. Изображение чехов, словаков, Чехословакии и Словакии в польской историографии, школьных программах и учебниках после 1919 г. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 89–96.

For citation:

Jarnecki M. The image of the Czech, the Slovak, Czechoslovakia and Slovakia since 1919 in Polish historiography, in handbooks and school curricula. *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 89–96 (in Engl.).

Автор:

Михаил Ярнецкий – доктор исторических наук, профессор; руководитель отдела по охране культурного наследия и межкультурной коммуникации факультета педагогики и изобразительных искусств в г. Калише.

Author:

Michal Jarnecki, doctor of science (history), full professor; head of the department of protection of cultural heritage and intercultural communication, faculty of pedagogy and fine arts in Kalisz.
mmjarnecki@poczta.onet.pl

Чехословакией Тешинской области в ходе советско-польской войны. Сделан вывод о том, что образ словаков в польской историографии был более позитивен из-за доминирования в Словакии католицизма, а также преуменьшения их роли в Чехословакии, однако в связи с нападением Словакии на Польшу на стороне Третьего рейха он подавался в более негативном свете. Показано, что после войны изображение Чехословакии эволюционировало: в период социализма польская историография подвергалась сильной цензуре, поэтому образы Чехословакии, чехов и словаков были искажены; после 1989 г. была возобновлена возможность свободных исследований и критических оценок; польские историки стремились избегать радикальных оценок и стереотипов, поэтому образы чехов и словаков в школьных программах и школьных учебниках были смягчены и стали реже упоминаться. Отмечено, что среди известных чехов в программах назывались Ян Гус, Томаш Масарик, Вацлав Гавел, иногда Антонин Дубчек, а противоречия межвоенного периода были переведены в практическую плоскость.

Ключевые слова: Польша; Чехословакия; чехи; словаки; тешинский вопрос; школьные учебники и школьные программы; историография; стереотипы.

Historical context and sources. The relations with bordering countries and nations are very often complicated. They do not need to be always convergent and intricate, and interlacing events may turn into conflicts. Regardless of the geographical, ethnic and lingual proximity, when it comes to centuries old neighbourhood with the Czech, there were many conflicts and rivalry was present. Common misery of alien yoke lessened the discrepancies but it did not eliminate them. After the two nations had finally reached independence there appeared new areas to rival for. It should be emphasised it was first time in the history, Poland had bordered with the country of the Czech and the Slovak state since late autumn 1918. The Hungarian seemed to be good neighbours behind the Beskidy and the Tatra Mountains. After all, both the nations viewed each other positively. The rest, however, discovered rather obvious thing for the experts, that the land perceived as an integral part of St. Stephan's Crown was mainly inhabited by Slavic people, which was wrongly associated with the Magyar. As a result, old neighbours – the Polish, the Czech and the Slovak had to develop their cooperation from the very beginning.

The article is based on analysis of Polish historical literature, school books and the journalism devoted to Czechs, for Slovaks and interwar Czechoslovakia.

Undoubtedly, the relations of the reborn Polish Republic with its southern neighbour were full of rivalry, distrust and very often hostility, and only sometimes they could be regarded as correct. To relations between two states and nations with special darkness lay down territorial dispute in *Cieszyn Silesia* (*Těšínsko* in Czech, *Śląsk Cieszyński* in Polish). The Polish side could not forgive Czechoslovakia of filling the majority of the arguable region in 1919–1920 years, during of the war with Bolshevik Russia. Czech governments on the majority of the region (so-called *Zaolzie*) confirmed western powers at the conference in Spa in July 1920. It was influenced by of the Cieszyn question and the differences in perception of own safety as much as hegemonian regional aspirations. The conflict between the both slavic countries: Poland and Czechoslovakia, which is well known and registered in literature, was mainly a Polish-Czech problem [1–16]. Much as

the relations were limited, denominational proximity and the lack of divisional differences contributed to a better perception of the Slovak. Naturally, there were differences of positions and interesese, as the existing territorial conflict in Orawa and in Spisz. This fact evoked a lot of enthusiasm and very often strong comments [17; 18]. It cannot be compared, however, with the gravity of the *Zaolzie question*. Finally, both the parties viewed the Hungarian in a different way. For the Slovak they were often oppressors, invaders or the donors of denationalisation.

The Picture and image of the Czech, Slovak and Czechoslovakia. For the Polish they remained friends and partners. The picture of Czechoslovakia was dimmed by complicated and almost cold and hostile relations with Poland. During interwar period it would be even difficult to discuss the true historiography concerning the hot reality being created. Within the modified borders, the distance was missing and the opinions were very often sharpened because of the political dispute between the reborn neighbours. The research concerning the whole of the Czech history was omitted on purpose since they were governed by scientific rules. True seems to be the thesis according to which the subject matter of Czechoslovakia became more the domain of political or historical journalism than that of the research providing scientific criteria. A perspicuous example would constitute virulent brochures by Włodzimierz Tetmajer (the writer and artist) and Juliusz Łukasiewicz [19; 20], member of parliament in Vienna, the ambassador in Paris and Moscow and the principal of one of the Foreign Affairs Department. The first of the brochures treated about old examples of cooperation against German threat during the Hussite wars and Polish battles with the Teutonic Order [19, s. 30–31]. The heroic and pathetic records in a modified situation were not necessarily applicable, especially in the face of different interests and the way they interpreted the threats of both the countries.

Another book by Stanisław Kasprzak had rather a balanced character but it accused the Czech of a number of unpleasant facts. It put emphasis on the injustice done to Poland in 1919 by annexing Zaolzie and because of the situation of Polish minority inhabiting

this land. It reminded of the unhealed wound for the Polish in the form of relation of Czechoslovakia to the war with the Bolsheviks, in particular outstaying the transport with weapon. It emphasized the support for the Ukrainian irredentism [1]. Karol Bader, on the other hand, an ex-diplomate, was far more careful with the judgements. He did not hide the bitter, closest past and admitted that common relations were worsened, mainly because of the fault of Prague. According to Bader, both the countries were condemned to cooperation. In Bader's opinion the very existence of Czechoslovakia constitutes the protection for the Polish Silesia and it would be a mistake to welcome the problems of the undesirable neighbour. Its cutting off or liquidation would strike Poland directly [2].

Severe facts concerning conflicts between the two Slavic neighbours were analysed without any accusations in his book having a chronical character by Adam Próchnik, a famous researcher of contemporary history. Próchnik concentrated mainly on internal relations in the Second Rzeczypospolita (so common interwar Poland as II Republic) [21].

Media played a very important role in shaping the image of the country and its residents but during interwar period this role was performed by the press. Indisputably, the picture of Czechoslovakia was not really positive. It should be noted, however, that nationalist camp newspapers usually tried not to save the neighbour. The press of the agricultural camp remained equally reserved. Piłsudski circles and socialist ones (later *sanacja*) presented the most critical attitude towards Czechoslovakia [11].

Karol Rostworowski, a popular and respected writer, famous for Czechofil ideas and connected with national democracy (nationalists), received rather a discreet support from the Czechoslovakian legation in the form of paper supplies [22; 23].

This was supposed to prevent his magazine «Librum Veto» from demise but in fact, it hardly prolonged its existence. The Southern neighbour for the National Democracy remained a precious ally against the German. In this case, however, Polish and Czech interests were branched off. The ruling group in Hrad, concentrated around president Masaryk and minister Benes, who chaired in diplomacy for a long time and later Masaryk's successor, perceived Poland as a country threatened with German revisionism. Assurance and calculation as much as territorial question, the problem of Polish minority and regional rivalry were not enough to combat the distance and prejudices. In the pre-war curriculum the Czech and Slovak issues appeared casually and had rather an informative character, which would be understood by the far past [24].

The Czech people were commonly considered to be industrious and cultural but still having the tendency to be mercenary and material. They lacked spiritual/religious qualities and proved to be more often opportunistic than loyal. The Czech of Wolyn, however, liv-

ing there since the second half of the XIX century, were regarded as better in comparison to its countrymen and had the opinion of being devoid of ideals, which is confirmed in different sources [25–27].

Simultaneously, in comparison to the neighbouring country, common homeland of the Czech and Slovak, the Slovak seemed much more kind-hearted and nuanced, like the newly discovered nation. The works by Władysław Semkowicz and «An outline History of Slovakia 1918–1937» by Henry Batowki with its journalist character, played a very important role in popularizing the basic facts of Slovakian history [28; 18, s. 222–227]. The information concerning complicated Czech-Slovakian relations were presented by Zygmunt Jakubski occurring under pen name K. Niepokólczycki [29].

During the war the two cabinets governing on emigration temporarily made closer to each other. Stanisław Cat-Mackiewicz, famous and opinion-making writer in his research having rather journalist than scientific character, criticized the politics represented Minister Beck represented towards Czechoslovakia. Especially during the Munich period. The research is full of simplified opinions intensified by the bitterness of the defeat in 1939. Cat-Mackiewicz in his book formed a thesis according to which foreign policy should not be influenced by the feeling of hatred [30, s. 308].

After World War II there appeared a number of valuable publications on Polish-Czechoslovakian relations and the Czech and Slovak. Initially, the two countries and the three nations became more experienced because of the events of 1938–1945. In the shadow of the ideology prevailing over the research, in Polish historiography there appeared before 1989 many publications.

The research by Anna Szklarska Lohamnowa, Jerzy Kozeński or Michał Pułaski should not be neglected. The did not resign from severe analysis and revealed selfish interests of the parties implicated in the historical dispute as well as rational and subjective reasons motivating the actions of Polish and Czechoslovakian statesmen. The leaders of both the countries were often criticized by the authors [5–7; 31]. The regulations introduced by Henryk Bułhak gave a new light to the military contacts and were the attempt to make the relations closer [32–34].

The research conducted by Krzysztof Lewandowski was also of certain importance as he mainly concentrated on the problem of Ukrainian irredentism in Polish-Czechoslovakian relations during interwar period. Unfortunately, his comments and opinions were infected with the prevailing ideology, which diminished slightly the final effect. In his opinion, Polish-Czechoslovakian problem that he described as one, concerned the prestigious position in the mid-European region withstood the test of time [8; 35; 36]. Michał Jarnecki developed the Ukrainian problem in shared Polish-Czech relations, for the entire interwar period [16]. This question the research by Piotr P. Wandycz,

a Polish historian writing in emigration, who due to this fact, was free from censorship pressure, is characterized by important analysis. Owing to the thorough archive investigation in western Europe and USA, regardless of the passing time, his findings remain the classic within the research on international relations in 1918–1939. Some of his minor works appeared in Poland after the autumn of 1918 [4; 37; 38].

Another prominent figure writing in emigration after 1945 was Władysław Pobóg-Malinowski. He was the author of the «Latest Political History of Poland». For many ages it constituted even classical and fundamental position enabling to learn about a different picture of the past, which was free from communist censorship for at least two generations. Pobóg-Malinowski supported political actions of Piłsudski and Beck, and reminded disloyal and often hostile policy that Czechoslovakia led towards Poland under the leadership of Benes (he touched upon Cieszyn Question, Bolshevik War and conference in SPA). According to Pobóg-Malinowski whom later supported a number of researchers and contrary to popular opinions, Poland defended its interests by refusing the ultimatum by the neighbours put forward in the autumn of 1938. It was against Munich regulations, as the powers intended to make the problem of German minority more prominent in the general ethnic relations of Czechoslovakia.

Additionally, the problem involved the situation of Polish minority and the question of Zaolzie. The author emphasized the enthusiasm of Polish local community because of annexation of their lands to Polish Republic. As Pobóg-Malinowski suggested, the fact that Poland directed its actions against the Czech and that it was harmonized with the interests of the III Reich, was only apparent. In this action there appeared an element of rivalry with the country of Hitler, e. g. in the question of Bogumin [39, s. 286–291, 457–465, 850–852]. He also commented on Slavic question. Henry Bułhak perceived the Slovak to be oppressed by the Czech who, from the position of formal governors of the country, as was guaranteed in the pact of Pittsburgh, became really handicapped ones and remained national minority [39, s. 290]. The events in the end of the 1980s brought the countries of our region, regaining sovereignty, the freedom of scientific research and opening the archives, which resulted in a number of new, very important publications. It would also describe the relations between Poland and its southern neighbours.

Several important research concerning difficult diplomatic relations between Poland and Czechoslovakia in 1918–1939 and during World War II have recently appeared in Poland. The works by Marek K. Kamiński, who was very critical with the diplomacy of Benes, are of great importance. Benes wrote also about common emigrational relations of both the governments of the countries and discussed the problem with the Czech researcher, Nemeček. Kamiński's findings proved bad intentions and unwillingness on the part of the leader

of Czechoslovakian foreign policy towards Poland. This was to be especially confirmed in the years 1919–1921. Masaryk was also accused of conspiracy and dishonesty. Despite the fact the conflict was mitigated in the years to come, there remained serious differences in opinions concerning many important international issues, in particular the way the Soviets were perceived and their unwillingness to be connected with Poland for fear of the two most powerful neighbours. Even the war did not change hostile or at least insincere attitude of Benes towards the northern neighbor [12; 40; 41; 42, s. 65–68, 85, 139–142].

Kamiński analysed the years after the war had finished as well, especially in the face of new geopolitical situation of Middle Europe, in relations between Poland and Czechoslovakia [43; 44].

Czechoslovakian diplomacy and its attitude to Poland was commented on in his many publications by Sławomir Nowinowski, who investigated thoroughly Czech archives. The general assessment of Benes policy was criticized by Nowinowski, however, not as much as by Kamiński [45–49].

Other historians, Marek Deszczyński and Piotr Kółakowski have been analysing the military relations of the both countries in recent years. Ones of military service from both states in spite of the dislike of political factors tried to cooperate at the turn of twentieth and thirtieth years. They have treated the matter with a kind of distance. First from researchers devoted one's book a question of recovering by Zaolzie toward to Poland, and second dealt more widely with military relations both states [15; 50].

Jerzy Tomaszewski, the historian commenting economy and Jewish minority in Poland, was also interested in Czechoslovakian problems. Contrary to other authors who commented severely on the policy of Benes and Masaryk towards Poland, Tomaszewski avoided in his books or articles criticism of pre-war Czechoslovakia. Among many works of the professor there exists a popular outline of the XX century Czechoslovakia together with its latest version describing Slovakia and its residents. The very title of the second edition suggests the new quality functioning since 1993: *Czech and Slovakia* [51–54].

The works by Janusz Gruchała, a researcher from a science circle in Silesia (Katowice), express a remarkable position as well. He is the author of the publications concerning *of the Cieszyn question* and the attitude of the Czech elites towards interwar Poland or the first Polish biography of T. G. Masaryk. The researcher did not escape difficult issues, but he was far from severe criticism. The very biography of the famous Czech reveals the respect for the father of independence of the I Republic of Czechoslovakia. He especially commented on the attitude of Masaryk to the Polish, which is quite obvious. Gruchała was not unequivocal and was dependent on the changing international situation, which is quite common for the statesman [55–59].

Zofia Tarajło-Lipowska paid attention to an interesting aspect concerning Polish and Czech relations. In the biography of the poet Karel Havlíček-Borovský she emphasized cultural and mental differences, the lack of understanding and the gentry-like ethos of the residents of Poland as well as the farming and regional roots of Czech identity [60].

The years after war brought the development of research on the *Slovak and Slovakia*, and the findings of Ewa Orlof and her co-workers from the academic circle in Reszów take a special position. The research on Slovakia and the problem of Subcarpathian Rus were continued till 1989 [17; 61–67]. Professor's Orlof former student is Dariusz Dąbrowski, the author of the recently published work on Polish interest in Rus in the years 1938–1939 [68].

If we already know, ran away from the image of the Czech to the benefit, image of the Slovak. A religious closeness and a lack of political, deep conflicts decided on it. Poles what could for Slovaks be unpleasant, long didn't notice them. Hungary was a southern, dream and friendly neighbor [28; 69; 70]. Only in the second half of the XX century a historian and member of the Polish insurrectionary government from 1863 – Agaton Giller, made the first breach [71]. He noticed their aspiration and injustice caused them by Hungarians. Interwar Poland with kindness observed the Slovak autonomous movement being versus to Prague. Polish territorial repossessions triggered certain tensions between two nations towards autonomous Slovakia (after the Munich conference) in the end 1938. A participation of Slovakia in the invasion of Poland and a membership of the Axis certainly harmed. Despite everything he didn't destroy the positive image until the end. The Majority of Poles understood geopolitical conditioning of tiny Slovakia. Even a fact of the occupation of the little area of Poland (Orawa and Spisz) didn't break the packaging – Slovak governments were relatively gentle [72, s. 81–91]. Good image improved by Slovak soldiers membership in Warsaw uprising (not many, but last is not but least as famous proverb) [73, s. 243–248]. Post-war perceiving Slovaks, what are demonstrating examinations, remains positive. Admittedly they are characteristic certainly, let us say clearly – with unjustified feeling the superiority, but Slovaks are being picked up definitely as the friendly nation [74, s. 152–161; 75, s. 61–78].

This image and picture southern neighbours in contemporary school textbooks and the journalism. What is then the image of the Czech and the Slovak, their common country or the short period of the separation of its two segments in the school handbooks? They differ a lot, which is understood, from the scientific-academic version in its essential content and, minding the young readers, give a rather simplified vision of the history but still they shape in some way the imagination of hundreds of thousands if not millions of people.

In contemporary Poland, like in many other members of EU, from the moment of coming into light the

reform of education, it consists of three levels: elementary level, junior high school and secondary school. The last one should be particularly analysed, since the curriculum is the wider and directed to young citizens, whom become the students of the three-year education. A few most popular and opinion-making positions were chosen to the investigation: *PWN (Polish Scientific Publishers)*, *WSiP (School and Pedagogic publishing companies)*, *Nowa Era*, *Znak* and *Operon*, as well as the school curricula they offer. Curricula are frame-like in nature, in the way they offer the set of problems and entries the students should memorize. There is little space for topics connected with our southern neighbours.

It should be noted, that there are two versions of the handbooks in the publishing offers: one concerns the basic level, another extended one. Even though, the handbook remains one volume, which often happens, the parts for both the levels are marked.

In my analysis the handbooks from Soviet domination were omitted. Because of the censorship many issues were neglected there, still others were highlighted extensively, like the severe criticism of the interwar Poland and its foreign policy. The influence of this hypocritical regime literature was limited, and at homes there was present unofficially another, closer to the truth version of history, but not free from certain myth-making.

From the options present on the publishing market, the one by *PWN* is the most extended and the richest in information concerning Czech Republic, Czechoslovakia, and finally the Czech and the Slovak. Indisputably, even this time the Slovakian issues were treated with minor importance. The existence of a separate ethnic group in XIX century was stated in the form of placing it on one of the maps. The record referring to the Slovak was also mentioned at the opportunity of the Sudeck crisis and creating an independent country in March 1939. There is no information about the Slovakian uprising. This problem will appear only slightly while discussing the Spring of Prague and the outcomes of the velvet revolution, inter alia in the form of equally velvet divorce [76, s. 18–19; 77, s. 25, 42, 90–91, 118, 197, 220–221, 330]. The mentioned handbook in its volume for the first class students (the content involves the events till the end of the XV century) dedicates a vast part to Polish-Czech relations and the role of Czech in middle ages. The proportions here present quite well in comparison to the remaining neighbours. Czech Kingdom and the Czech are mentioned there in many aspects more than thirty times [78]. In the case of the modern times, except for the thirty years' war, which could not be omitted – the case of Bila Hora (White Mountain) and defenestration in Prague there does not exist the Czech problem at all [79, s. 115–116].

Other offers suggested in the handbooks inform about the Czech, Czechoslovakian and Slovakian history only superficially. Basic information in the form of

a certain essence, that necessary minimum in the overloaded curriculum is given to students in the version of the printing house *Nowa Era*, in one volume of each level, with the material marked in two versions: basic and extended one.

There is little information concerning the neighbours from the south, and some symbolic space is left for Slovakia and its residents, who are mentioned twice in the source [80, s. 17–18, 115–118, 271, 308, 327]. Printing house *Operon*, similarly to *PWN*, has two versions of the handbook. However, even in the second, extended offer, Czechoslovakian, Czech and Slovakian issue appear rather occasionally. *Bila Hora* (White Mountain), the conflict concerning Zaolzie together with Munich era and the year 1968 are traditionally mentioned [81; 82].

Printing House from Cracow *Znak* issued a very interesting, factographically rich offer. Unfortunately, the position can be questioned because of the methodology and the way material is presented there. Ambitious books by *Znak* are overloaded with material and it is difficult to put its content into practice.

Equally interesting and rich in factography is the offer by public *WSIP*, even in the extended version [83; 84]. There is a lot of information concerning Czechoslovakian, Czech as well as Slovakian issues, comparatively on the level with *PWN* [85; 86].

Needless to justify the reality employed in the handbooks within the issues of southern neighbourhood. It is worth remembering, however, about shortening the time of studying and necessary reduction of the material taught. Naturally, in colloquial terms, the things concerning the countries which did not have and do not have the status of regional and world power, had to be removed, as they do not influence decisively the flow of events. I will not be particularly astonished to find Polish history treated in the same way in the handbooks of our neighbours. Luckily, the handbooks at least avoid to present simple if not ignorant stereotypes, which were stratified for years. Even though they show our Polish point of view, they do not do it extremely insolently. One of them, in the version of *PWN*, does not avoid difficult questions. The author W. Roszkowski, one of the authors of academic handbooks, reminds young readers in the margin of the Sudecki crisis 1938 and the ultimatum on the part of Poland towards threatened Czechoslovakia. According to Roszkowski, although it gave an impression of cooperation between interwar Poland with the nazi III Reich it did not raise the influence. Additionally, the participation of Polish troops in the shameful intervention of Warsaw Pact in 1968 was

rated negatively [76, s. 118, 221]. One should not forget that the countries of our region were not sovereign at that time and it was not fully Polish decision.

Undoubtedly, journalism plays an important role in shaping the exact image of the country or the nation. However, its more thorough analysis outgrows the limit of the research. In the times when at both the sides of the Sudety, the Beskidy and the Tatra Mountains there ruled communist dictatorship and the omnipresent censorship marked the narrow lines of the «only rightful interpretation», the courts should be treated separately. Nowadays, in new reality, after Polish press and journalism have been analysed, optimistic reflections emerge, which prove that some judgments from the latest history were made. A special role would be attached to Leszek Mazan, from Krakow, an expert on the Czech issues, not excluding his famous delicious liquors and the cuisine. He facetiously dreamt of recalling Austro-Hungarian Empire (monarchy). In his many articles as well as two books Mazan brought closer in a popular form the history, culture and mentality of Švejk (Swag's) countrymen, by indicating common elements and the conflicts in the course of history in an attractive way, seasoned with the sense of humour [87; 88].

The journalist of opinion-making newspapers and magazines, Tomasz Maćkowiak, tried to perform a similar role in the case of Slovakia. However, but he acted more seriously.

Conclusions. There is nothing original in the statement that one should get to know well their closest neighbours. The very fact of neighbourhood causes interactions of different types, not excluding conflicts. The conflicts were not missing in the older as well as the closer history before 1918. The Polish image of the Czech and the Slovak has been modified and devalued in historiographical and educational literature within the last eighty years. The Slovak were to be discovered suddenly, so that one could realize that on the other side of the Carpathian Mountains there are other neighbours than the Hungarian. Emotions, interests, sentiments, resentments, stereotypes and religious wishes were to struggle with reality and necessity. Many of the conflicts occurred as a result of the fact the countries did not know much each other, because of the prejudices, unjustified feeling of predominance, complexes and selfishness. These were frequent in the history, and it is not necessarily «magistra vitae». In a completely changed geopolitical reality and the atmosphere of rationalism, there is a chance for the positive change of perception and constat discovering of common phenomenon.

References

1. Kasprzak S. Stosunek Czech do Polski. Warszawa, 1936 (in Pol.).
2. Bader K. Stosunki polsko-czeskie. Warszawa, 1938 (in Pol.).
3. Valenta J. Česko-polské vztahy v letech 1918–1920 a Tešínské Slezsko. Ostrava, 1961 (in Czech).
4. Wandycz P. France and her Eastern Allies 1918–1925. French-Czechoslovak-Polish relations from the Peace Conference to Locarno. Minneapolis, 1962.

5. Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań, 1964 (in Pol.).
6. Szklarska-Lohmannowa A. Polsko-czechosłowackie stosunki dyplomatyczne w latach 1918–1925. Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1967 (in Pol.).
7. Pułaski M. Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie od roku 1933 do wiosny 1938. Poznań, 1967 (in Pol.).
8. Lewandowski K. Stosunki polsko-czechosłowackie w latach 1918–1939. *Przyjaźnie i antagonizmy. Stosunki Polski z państwami sąsiednimi w latach 1918–1939*. Wrocław, 1977. P. 217–262 (in Pol.).
9. Historia dyplomacji polskiej. Vol. 4. Lata 1918–1939. Warszawa, 1995 (in Pol.).
10. Kamiński M. K., Zacharias M. W cieniu zagrożenia. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. Warszawa, 1998 (in Pol.).
11. Walczak H. Stanowisko polskich ugrupowań politycznych wobec Czechosłowacji w latach 1918–1925. Szczecin, 1999 (in Pol.).
12. Kamiński M. K. Konflikt polsko-czeski 1918–1921. Warszawa, 2001 (in Pol.).
13. Gruchała J. Czeskie środowiska polityczne wobec spraw polskich 1920–1938. Katowice, 2002 (in Pol.).
14. Szczepańska A. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1918–1933. Szczecin, 2004 (in Pol.).
15. Kołakowski P. Między Warszawą a Pragą. Polsko-czechosłowackie stosunki wojskowo-polityczne 1918–1939. Warszawa, 2007 (in Pol.).
16. Jarnecki M. Irredenta ukraińska w relacjach polsko-czechosłowackich w latach 1918–1939. Kalisz-Poznań, 2009 (in Pol.).
17. Orlof E. Polska działalność polityczno-dyplomatyczna, kulturalna w Słowacji w latach 1919–1937. Kraków, 1984 (in Pol.).
18. Orlof E. Orawa i Spisz w latach 1918–1920. Szczawnica, 1990 (in Pol.).
19. Tetmajer W. Istota sporu polsko-czeskiego. Kraków, 1919 (in Pol.).
20. Łukasiewicz J. Stosunek do Czechosłowacji w polskiej polityce zagranicznej. Warszawa, 1924 (in Pol.).
21. Próchnik A. Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej. Warszawa, 1933 (in Pol.).
22. Arch. Prezidenta Repub., D. 9163/20 Polsko 1919–1920, inv. Č. D. 120/20/28, 9.02.1920 ; D. 1201/20/153, 28.02.1920 (in Czech).
23. Arch. Ministerstva Zahr. Veci. Telegramy Odeslané, 5.03.1920 ; Politické Zpravy, Varšava, 21.03.1920, 1.06.1920 (in Czech).
24. Maternicki J. Polska dydaktyka historii: 1918–1939 : materiały i komentarze. Warszawa, 1978 (in Pol.).
25. Arch. Akt Nowych, Poselstwo Praga. Sygn. 456. Teczka 24. Raport analityczny z 14.03.1935 (in Pol.).
26. Cichocka Z. Kolonie czeskie na Wołyniu. Warszawa, 1928 (in Pol.).
27. Cichocka-Petrażycka Z. Kolonie niemieckie i czeskie na Wołyniu. *Rocz. Ziem Wschod.* 1939. Vol. 5. P. 58 (in Pol.).
28. Batowski H. Zarys dziejów Słowacji (1918–1937). Kraków, 1938 (in Pol.).
29. Jakubski Z., Niepokółczycki K. Słowacy i Czesi. Zarys stosunków. Warszawa, 1937 (in Pol.).
30. Cat-Mackiewicz S. Historia Polski od 11.11.1918 r. do 17.09.1939. Londyn, 1985 (in Pol.).
31. Kozeński J. Próby zbliżenia polsko-czechosłowackiego w latach 1926–1931. *Przegląd Zachodni*. 1964. Vol. XX, part 2. P. 310–327 (in Pol.).
32. Bułhak H. Z dziejów stosunków wojskowych polsko-czechosłowackich w latach 1921–1927. *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej*. 1969. Vol. 5. P. 115–144 (in Pol.).
33. Bułhak H. Z dziejów stosunków wojskowych polsko-czechosłowackich w latach 1927–1936. *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej*. 1974. Vol. 11. P. 97–146 (in Pol.).
34. Bułhak H. Czechosłowackie próby wznowienia rozmów na temat sojuszu wojskowego z Polską (1937–1938). *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej*. 1976. Vol. 12. P. 203–210 (in Pol.).
35. Lewandowski K. Sprawa ukraińska w polityce zagranicznej Czechosłowacji w latach 1918–1932. Wrocław, 1974 (in Pol.).
36. Lewandowski K. W kręgu problematyki stosunków polsko-czechosłowacko-ukraińsko-polskich 1918–1922. *Z dziejów stosunków polsko-radzieckich*. 1970. Vol. 3. P. 183–195 (in Pol.).
37. Wandycz P. P. Trzy próby poprawy stosunków polsko-czechosłowackich 1921–1926–1933. In: *Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej : studia poświęcone pamięci Edwarda Raczyńskiego Prezydenta RP na wychodźstwie*. Warszawa, 1994. P. 223–235 (in Pol.).
38. Wandycz P. P. Erazm Piltz a koncepcja polityki środkowoeuropejskiej. In: *Międzymorze. Polska i kraje Europy Środkowo-Wschodniej XIX–XX w. : studia ofiarowane P. Łossowskiemu w 70-tą rocznicę urodzin*. Warszawa, 1995. P. 215–254 (in Pol.).
39. Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski : in 3 vol. Vol. 2. Lata 1914–1939. Opole, 1961 (in Pol.).
40. Kamiński M. K. Edvard Beneš kontra gen. Władysław Sikorski: polityka władz czechosłowackich na emigracji wobec rządu polskiego na uchodźstwie 1939–1943. Warszawa, 2005 (in Pol.).
41. Edvard Beneš a střední Evropa : sborník přednášek a statí. Praha, 1994 (in Pol.).
42. Kamiński M. K., Zacharias M. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. Warszawa, 1998 (in Pol.).
43. Kamiński M. K. Polsko-czechosłowackie stosunki polityczne: 1945–1948. Warszawa, 1990 (in Pol.).
44. Polska i Czechosłowacja w polityce Stanów Zjednoczonych i Wielkiej Brytanii: 1945–1948. Warszawa, 1991 (in Pol.).
45. Nowinowski S. M. Polsko-czechosłowackie stosunki dyplomatyczne podczas wojny 1920 r. *Acta Universitas Lodzensis. Folia Historica*. 1998. No. 62, issue 2. P. 57–74 (in Pol.).
46. Nowinowski S. M. Liga Narodów w polityce zagranicznej E. Beneša (1919–1925). *Acta Universitas Lodzensis. Folia Historica*. 1995. No. 53. P. 77–92 (in Pol.).
47. Nowinowski S. M. Inauguracja misji poselskiej Václava Girsy w Warszawie. In: *Studia z dziejów Polski i Europy w XIX i XX w.* Gorzów, 2004. P. 385–398 (in Pol.).
48. Nowinowski S. M. Ministerium Augusta Zaleskiego (1926–1932) w ocenie dyplomacji ČSR. *Dzieje Najnowsze*. 2004. Vol. XXXVI, No. 2. P. 49–72 (in Pol.).

49. Nowinowski S. M. Konstatacje i nadzieje. Dyplomacja czechosłowacka wobec kwestii bezpieczeństwa zbiorowego w Europie. Toruń, 2005 (in Pol.).
50. Deszczyński M. Ostatni egzamin. Wojsko polskie wobec kryzysu czechosłowackiego 1938–1939. Warszawa, 2003 (in Pol.).
51. Tomaszewski J. Czechosłowacja. Warszawa, 1997 (in Pol.).
52. Tomaszewski J. Polska wobec Czechosłowacji w 1938 r. Katowice, 1996 (in Pol.).
53. Tomaszewski J. Czechosłowacka propaganda plebiscytowa na Spiszu i Orawie (1919–1920). Katowice, 1995 (in Pol.).
54. Tomaszewski J. Czeska oświata na Wołyniu przed rokiem 1939. Katowice, 1995 (in Pol.).
55. Gruchała J. Czeska opinia publiczna wobec wojny polsko-sowieckiej (1919–1920). *Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowej*. Warszawa, 1997. Vol. 32 (in Pol.).
56. Gruchała J. Czeskie stronnictwa polityczne wobec konfliktu cieszyńskiego (1918–1920). *Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka*. 1996. No. 4 (in Pol.).
57. Gruchała J. Wschodnia polityka Polski w opinii czeskich środowisk politycznych (1918–1938). In: *Od poznania do zrozumienia. Polacy, Czesi, Słowacy w XX wieku*. Rzeszów, 1999. P. 35–51 (in Pol.).
58. Gruchała J. Czeskie środowiska polityczne wobec spraw polskich 1920–1938. Katowice, 2002 (in Pol.).
59. Tomasz G. Masaryk. Wrocław, 1996 (in Pol.).
60. Tarajło-Lipowska Z. Męczennik czeskiej prawdy. Karel Havlíček-Borovský. Wrocław, 2000 (in Pol.).
61. Orlof E. Dyplomacja polska wobec sprawy słowackiej w latach 1938–1939. Kraków, 1980 (in Pol.).
62. *Od poznania do zrozumienia. Polacy, Czesi, Słowacy w XX w.* Rzeszów, 1999 (in Pol.).
63. Stosunki polsko-czesko-słowackie w latach 1918–1945. Rzeszów, 1992 (in Pol.).
64. Karol Sidor i jego polonofilstwo. In: *Od poznania do zrozumienia. Polacy, Czesi, Słowacy w XX wieku*. Rzeszów, 1999. P. 101–108 (in Pol.).
65. Stosunek Polski do Słowacji w latach 1918–1920. In: *Odrodzona Polska wśród sąsiadów 1918–1921*. Warszawa, 1999. P. 134–143 (in Pol.).
66. Stosunki polsko-słowackie w historiografii polskiej po II wojnie światowej. *Zeszyty Naukowe WSP w Rzeszowie*. 1999. Vol. 36 : Historia, issue 8. P. 171–184 (in Pol.).
67. Stosunki polsko-czesko-słowackie w latach 1918–1939. Rzeszów, 1994 (in Pol.).
68. Dąbrowski D. Rzeczypospolita wobec kwestii Rusi Zakarpackiej (Podkarpackiej) 1938–1939. Toruń, 2007 (in Pol.).
69. Semkowicz W. Słowacja i Słowacy. Kraków, 1938 (in Pol.).
70. Kościelak L. Historia Słowacji. Wrocław, 2010 (in Pol.).
71. Jarnecki M. Agatona Gillera odkrywanie i opisanie Słowaków. *Słowacy – historia i kultura : sesja naukowa Szreniawa* (Szreniawa, 12 czerwca, 2015). Szreniawa, 2015. P. 47–56 (in Pol.).
72. Jarnecki M. Polsko-słowacki konflikt graniczny lat 1938–1939. *Słowacy – historia i kultura : sesja naukowa Szreniawa* (Szreniawa, 12 czerwca, 2015). Szreniawa, 2015. P. 81–91 (in Pol.).
73. Orlof E. Udział Słowaków w Powstaniu Warszawskim. *Dzieje Najnowsze*. 2009. No. 1. R. 243–248 (in Pol.).
74. Orlof E. Polak, Słowak czy tutejszy? Niektóre problemy pogranicza polsko-słowackiego po I i po II wojnie światowej. In: *Stereotypy narodowościowe na pograniczu*. Rzeszów, 2002. P. 152–161 (in Pol.).
75. Smolińska T. Stereotypy Słowaków w kulturze polskiej. *Słowacy – historia i kultura : sesja naukowa Szreniawa* (Szreniawa, 12 czerwca, 2015). Szreniawa, 2015. P. 61–78 (in Pol.).
76. Radziwiłł A., Roszkowski W. Historia dla maturzysty. Wiek XIX. Warszawa, 2005 (in Pol.).
77. Radziwiłł A., Roszkowski W. Historia dla maturzysty. Wiek XX. Warszawa, 2005 (in Pol.).
78. Manikowska H. Historia dla maturzysty. Średniowiecze. Warszawa, 2005 (in Pol.).
79. Czubyński J. Historia dla maturzysty. Nowożytność. Warszawa, 2005 (in Pol.).
80. Śniegocki R. Historia. Burzliwy wiek XX. Warszawa, 2006 (in Pol.).
81. Burda B., Halczak B., Józeffiak R., Szymczak M., Roszak A. Historia 2. Nowożytność. Warszawa, 2006 (in Pol.).
82. Burda B., Halczak B., Józeffiak R., et al. Historia 3. Historia najnowsza. Warszawa, 2005 (in Pol.).
83. Cegielski T., Kurkowska M. Człowiek i historia. Czasy nowożytne do 1815 r. Warszawa, 2004 (in Pol.).
84. Kochanowski A., Matusik P. Człowiek i historia. Czasy nowe i najnowsze. Warszawa, 2004 (in Pol.).
85. Popiołek B. Ludzie i epoki. Klasa II. Kraków, 2006 (in Pol.).
86. Szymanowski G., Trojański P. Ludzie i epoki. Klasa III. Kraków, 2006 (in Pol.).
87. Mazan L. Wy mnie jeszcze nie znacie: prawie wszystko o Szwejku. Warszawa, 1992 (in Pol.).
88. Mazan L. Polska Praga czyli dlaczego Matejko lubił knedle. Kraków, 2007 (in Pol.).

Received by editorial board 30.11.2016.

УДК 272(450)-9

ИТАЛЬЯНСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ РЫМСКА-КАТАЛІЦКАЙ ЦАРКВЫ Ў ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫМ ЖЫЦЦІ ІТАЛІІ (1943–1962)

А. Ф. ПАДДУБСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Разглядаецца італьянская гістарыяграфія, прысвечаная пытанням ролі і месца Рымска-каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці Італіі ў 1943–1962 гг. (з моманту падзення рэжыму Мусаліні да пачатку Другога Ватыканскага сабору). Вылучаюцца і аналізуюцца такія кірункі італьянскай гістарыяграфіі, як каталіцкі, скіраваны пераважна на вывучэнне праблем, звязаных з гісторыяй царквы і каталіцкага руху; ліберальны, пабудаваны на прынцыпе антыклерыкалізму і існавання дзвюх паралелей – царквы і дзяржавы, якія ніколі не павінны перакрывацца; марксісцкі, які вызначаецца рэзкай крытыкай царквы. Даследуюцца асаблівасці развіцця італьянскай гістарыяграфіі па дадзенай тэме на сучасным этапе – у перыяд, калі з'яўляецца вялікая колькасць прац, прысвечаных каталіцызму, свецкаму каталіцкаму руху, мясцоваму самакіраванню ў асобных раёнах і абласцях Італіі і г. д. Зроблены вывад аб актуальнасці далейшага вывучэння пытанняў, звязаных з дзейнасцю Рымска-каталіцкай царквы ў сучасным свеце.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; каталіцызм; Ватыкан; Італія; пантыфікат.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИТАЛИИ (1943–1962)

Е. Ф. ПОДДУБСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматривается итальянская историография, посвященная вопросам роли и места Римско-католической церкви в общественно-политической жизни Италии в 1943–1962 гг. (с момента падения режима Муссолини до начала Второго Ватиканского собора). Выделяются и анализируются такие направления итальянской историографии, как католическое, сконцентрированное преимущественно на изучении проблем, связанных с историей церкви и католического движения; либеральное, построенное на принципе секуляризации и существования двух параллелей – церкви и государства, которые никогда не должны пересекаться; и марксистское, для которого характерна резкая критика церкви. Исследуются особенности развития итальянской историографии по данной теме на современном этапе – в период, когда появляется большое количество работ, посвященных католическому миру, светскому католическому движению, местному самоуправлению в отдельных районах и областях Италии и т. д. Сделан вывод об актуальности дальнейшего изучения вопросов, связанных с деятельностью Римско-католической церкви в современном мире.

Ключевые слова: историография; католицизм; Ватикан; Италия; понтификат.

Образец цитирования:

Паддубская А. Ф. Итальянская гістарыяграфія Рымска-каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці Італіі (1943–1962) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 97–103.

For citation:

Paddubskaya A. F. Italian historiography of the Catholic Church in social and political life of Italy (1943–1962). *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 97–103 (in Belarus.).

Автор:

Елена Федоровна Поддубская – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Alena Paddubskaya, PhD (history); associate professor at the department of Modern and Contemporary history of Belarus, faculty of history.
paddubskaja@tut.by

ITALIAN HISTORIOGRAPHY OF THE CATHOLIC CHURCH IN SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF ITALY (1943–1962)

A. F. PADDUBSKAYA^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article deals with the Italian historiography on the issues of the role and place of the Catholic Church in the political life of Italy for the period 1943–1962 (since the fall of Mussolini's regime prior to the Second Vatican Council). There are such areas of Italian historiography considered, as a catholic, directed mainly to the study of issues related to the history of the Church and the Catholic movement; liberal, based on the principle of secularism and the existence of «two parallels» – the church and the state, which, acting in different fields, should never face; and a marxist, which was characterized by a sharp criticism of the church. The peculiarities of the development of the Italian historiography on this topic at the present stage are analyzed: at a time when there appears a large amount of researches devoted to the study of the Catholic world, secular Catholic movements, local self-government in certain areas and regions of Italy, etc. At the end of the article the conclusion was done that this is relevant to encourage further study of issues related to the activities of the Catholic Church in the modern world.

Key words: historiography; catholicism; Vatican; Italy; pontificate.

Роля царквы ў сучасным свеце становіцца апошнім часам прадметам усё большай увагі навукоўцаў. Рымска-каталіцкая канфесія выклікае асабліваю цікавасць таму, што яе ўплыў на грамадскае жыццё большы за ўплыў нейкай адной краіны ці нават групы краін. Каталіцызм імкнецца мець не толькі рэлігійна-духоўны, але і маральны, сацыяльны, палітычны аўтарытэт. Адыгрываючы вялікую ролю ў міжнароднай палітыцы, Рымска-каталіцкая царква аказвае ўплыў і на падзеі грамадска-палітычнага жыцця Італіі, дзе традыцыйныя хрысціянскія каштоўнасці шмат у чым вызначаюць гістарычныя тэндэнцыі. Гісторыя Рымска-каталіцкай царквы з'яўляецца важнай часткай гісторыі італьянскай дзяржавы. Без аналізу дзейнасці царквы, яе ролі ў грамадска-палітычным жыцці Італіі не можа быць поўным уяўленне пра гісторыю гэтай краіны.

Асабліваю цікавасць для аналізу ролі і месца Рымска-каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці Італіі ўяўляе перыяд з 1943 да 1962 г. – з моманту падзення рэжыму Мусаліні да пачатку Другога Ватыканскага сабору, калі перад царквой стаялі задачы прыстасавання да патрабаванняў новага пасляваенскага часу і ўмацавання свайго ўплыву на грамадска-палітычнае жыццё краін Еўропы, у тым ліку Італіі.

На працягу доўгага часу праблема месца Рымска-каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці Італіі ў 1943–1962 гг. прыцягвае ўвагу многіх даследчыкаў розных краін (і ў першую чаргу – Італіі). Разглядаючы працы італьянскіх навукоўцаў па акрэсленых пытаннях, аўтар імкнўся кіравацца прынцыпамі і метадамі даследавання, выпрацаванымі сучаснай гістарычнай навукай.

Прынцып гістарызму дазваляў вывучыць погляды розных навукоўцаў на мэты, задачы, характар палітыкі Рымска-каталіцкай царквы ў Італіі ў 1943–1962 гг. Розныя бакі і аспекты шматлікіх гістарычных даследаванняў па гэтай тэме аналізаваліся з дапамогай прынцыпу гісторыка-сістэм-

нага вывучэння. Пры выкарыстанні прынцыпу цэласнасці былі сістэматызаваны погляды італьянскіх гісторыкаў па такіх ключавых праблемах вызначанай тэмы, як палітыка Ватыкана на заключным этапе Другой сусветнай вайны, роля царквы ў руху Супраціўлення, станаўленне Хрысціянска-дэмакратычнай партыі (ХДП) Італіі і інш. Параўнальна-гістарычны метада дазваляў правесці супастаўленне работ даследчыкаў розных гістарычных школ. Пры дапамозе гісторыка-генетычнага метаду быў прааналізаваны працэс развіцця італьянскай гістарыяграфіі па акрэсленай тэме.

У італьянскай гістарыяграфіі сярэдзіны XX – пачатку XXI ст., прысвечанай разгляду ролі і месца Рымска-каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці Італіі (1943–1962), як падаецца, умоўна можна вылучыць тры кірункі: каталіцкі, ліберальны і марксісцкі.

1. Каталіцкі кірунак. Развіццё каталіцкай гістарыяграфіі ў пасляваенны перыяд звязана з неабходнасцю растлумачыць пазіцыю царквы на заключным этапе вайны, асэнсаваць ролю ў грамадска-палітычным жыцці Італіі ХДП, свецкіх каталіцкіх арганізацый, каталіцкіх прафсаюзаў.

Каталіцкая гістарыяграфія займаецца выключна праблемамі, якія адносяцца да гісторыі царквы і каталіцкага руху, і значна радзей – агульна-грамадзянскай гісторыяй. У якасці прыкладу такой працы, скіраванай выключна на гісторыю пантыфікату, можа быць названа даследаванне М. Марч'ёна «Папа Пій XII – архітэктар міру», дзе аўтар разглядае гісторыю царквы ў час вайны і першыя пасляваенныя гады [1].

Трактоўка каталіцкага руху і ўплыву Рымска-каталіцкай царквы на грамадска-палітычнае жыццё Італіі ў пасляваенны перыяд (другая палова 1950-х – 1960-я гг.) у каталіцкай гістарыяграфіі зводзілася да маральна-этычнай характарыстыкі ролі Ватыкана ў руху Супраціўлення і развіцці пасляваенскай Італіі. Гэта асаблівасць прасочвалася

і ў больш позніх (1960–70-я гг.) публікацыях. Тыповымі ў гэтым плане з’яўляюцца працы М. Бендышолі, Дж. Б’янкі, Р. Грэхема, П. Мальвесціці, А. Мараца, Дж. Расіні [2–7]. Для гэтых даследаванняў было характэрна тлумачэнне палітыкі царквы як адзінай прымальнай у такі складаны час перабудовы дзяржавы.

У пачатку 1970-х гг. адбыўся перагляд падыходу да вывучэння гісторыі Ватыкана. Каталіцкія гісторыкі новага пакалення П. Скопала і Ф. Траніэла казалі пра недапушчальнасць ацэнак дзейнасці царквы выключна з пункту гледжання маралі, што было характэрна для папярэдняга этапу развіцця гістарыяграфіі. Даследчыкі меркавалі, што царква не можа разглядацца выключна як установа, якая заўсёды знаходзіцца па-за часам, бо, маючы ў сабе Боскі пачатак, яна не перастае быць і чалавечай арганізацыяй. Таму, на іх думку, трэба перш за ўсё зразумець матывы ўнутранага і знешняга развіцця царквы, каб знайсці логіку ў яе дзеяннях. У працах «Каталікі паміж фашызмам і дэмакратыяй», «Дзяржава і партыі ў час станаўлення Рэспублікі ў гістарыяграфічных дэбатах» [8; 9] Ф. Траніэла падкрэсліваў важнасць ролі каталіцкага складніка не толькі ў антыфашысцкай барацьбе, але і ў фарміраванні новага палітычнага ладу, аднаўленні шматпартыйнай сістэмы і прафсаюзнага руху, таму аўтар заклікаў прызнаць адметнасць каталіцкага свету і вывучаць яго развіццё і месца ў грамадска-палітычным жыцці краіны.

Даследчык П. Скопала ва ўводзінах да зборніка «Каталікі паміж фашызмам і дэмакратыяй» [10] падкрэсліваў, што дзейнасць Рымска-каталіцкай царквы праходзіць у пэўным эканамічным, сацыяльным і палітычным кантэкстах, што прадугледжвае яе актыўны ўдзел у грамадскім жыцці краіны, і менавіта гэтыя фактары трэба ўлічваць, характарызуючы яе ўплыў на падзеі сучаснага свету.

Адным з найважнейшых напрамкаў у каталіцкай гістарыяграфіі было і застаецца вывучэнне сацыяльнай дактрыны каталіцызму. У працах М. Паганэлы, Б. дзі Марціна і Э. Граса [11–13] ахопліваецца вялікі перыяд – ад сацыяльных ідэй Старога Запавету да энцыклік Бенедыкта XVI – і разглядаюцца самыя розныя тэмы: чалавек і грамадства, шлюб і сям’я, праца і прафесія, эканоміка, дзяржава, супольнасць народаў; аналізуюцца асаблівасці сацыяльнага вучэння пантыфікаў Пія XII і Яна XXIII і перыяду іх пантыфікатаў.

У канцы 1970-х – пачатку 1980-х гг. з’явілася некалькі абагульняючых калектывных прац па гісторыі каталіцкага руху [14–16], якія падводзяць вынік папярэднім пошукам і сведчаць пра тое, што каталіцкая гістарыяграфія становіцца ўсё бліжэйшай да агульнаграмадзянскай тэматыкі (гісторыя партый, нацыянальнай свядомасці і г. д.).

2. Ліберальны кірунак. Пануючым прынцыпам ліберальнага кірунку пасляваеннай гістарыяграфіі з’яўляўся антыклерыкалізм, які характарызаваўся бояззю перад узмацненнем пазіцый царквы ў дзяржаве. Такое ўзмацненне, па меркаванні прадстаўнікоў ліберальнага кірунку, прывяло б да знікнення дзвюх паралелей, гэта значыць тэорыі, згодна з якой царква і дзяржава, дзейнічаючы ў розных сферах, ніколі не павінны перасякацца.

Сярод італьянскіх аўтараў, якія пісалі пра апошнія гады фашысцкага рэжыму і пасляваеннае аднаўленне, можна назваць Дж. А. Гарыбольдзі, С. Зукоцці і інш. У сваім творы «Пій XII, Гітлер і Мусаліні. Ватыкан паміж дыктатурамі» Дж. Гарыбольдзі здзейсніў спробу новага разгляду гістарычнага кантэксту, у якім дзейнічала Рымска-каталіцкая царква ў часы Другой сусветнай вайны і ў першыя пасляваенныя гады [17]. Аналіз вялікай колькасці архіўных матэрыялаў дазволіў даследчыку зрабіць выснову пра тое, што Рымска-каталіцкую царкву нельга згадваць у агульным кантэксце з фашызмам і нацызмам, бо ахвяры гэтых таталітарных плыней часта знаходзілі ў ёй апірышча і падтрымку.

У працы «Ватыкан і халакост у Італіі» С. Зукоцці не шкадавала крытыкі для касцёла з прычыны крайняга кансерватызму апошняга ў шматлікіх пытаннях [18]. Аўтар была пераканана ў тым, што хрысціянства зусім не бязвіннае ў дачыненні да шматлікіх вернікаў як у Італіі, так і ва ўсім свеце. Вывучаючы ў першую чаргу адносіны папства да яўрэяў, навуковец імкнулася сабраць як мага больш матэрыялаў, якія дазволілі б ацаніць дзейнасць Ватыкана ў часы Другой сусветнай вайны. Аналіз гэтых дакументаў дазволіў С. Зукоцці прыйсці да высноў пра тое, што ў Ватыкане былі папулярнымі антыяўрэйскія настроі, а некаторая частка каталіцкіх іерархаў сімпатызавала фашызму.

Аўтары Дж. Мамарэла [19] і Е. Пішытэлі [20] прысвяцілі свае даследаванні перыяду аднаўлення Італіі пасля Другой сусветнай вайны. У кнігах, акрамя аналізу эканамічнага развіцця пасляфашысцкай краіны, разглядаюцца тыя значныя зрухі ў партыйна-палітычнай сістэме, якія адбыліся пасля падзення рэжыму Мусаліні. Аўтары надавалі шмат увагі развіццю ХДП Італіі і асобе яе лідара А. Дэ Гасперы.

Дзейнасць ХДП – пануючай партыі пасляваеннай Італіі – выклікала цікавасць многіх даследчыкаў. Можна назваць работы Дж. К’яранці «Хрысціянская дэмакратыя» [21], Дж. Паскуіна «Крытыка партый як крытыка палітыкі» [22], Дж. Спатары «Хрысціянскія дэмакраты ад дыктатуры да рэспублікі» [23], Дж. Таньёла «Хрысціянская дэмакратыя» [24]. Асаблівую ўвагу навукоўцы надавалі вывучэнню перыяду станаўлення ХДП. Напрыклад, даследчык Дж. Спатар, аналізуючы ўзнікненне партыі, прыйшоў да цікавай высновы пра тое, што

яе папулярнасць у пасляваеннай Італіі шмат у чым вызначалася не толькі падтрымкай Ватыкана. ХДП, на яго думку, выступала як партыя цэнтра, арыентаваная на супрацоўніцтва з рознымі сегментамі грамадства, як выразнік інтарэсаў шырокіх слаёў насельніцтва, і менавіта гэта дазваляла ёй займаць такія моцныя пазіцыі ў сістэме кіравання дзяржавай.

У 1979 г. была апублікавана кніга С. Маджыстэра «Палітыка Ватыкана і Італія (1943–1978)» [25]. Яе стварэнню папярэднічала доўгая праца па вывучэнні прэсы, мемуараў і разнастайных дакументаў. Гэта дазволіла аўтару зрабіць выснову пра тое, што галоўнай палітычнай сілай Ватыкана ў Італіі з'яўляецца ХДП, таму кніга прысвечана галоўным чынам аналізу дзейнасці гэтай партыі на працягу пасляваенных дзесяцігоддзяў – у час пантыфікатаў Пія XII, Яна XXIII і Паўла VI.

У названым даследаванні С. Маджыстэр адышоў ад традыцыйнай ацэнкі дзейнасці гэтых трох пантыфікаў, згодна з якой у пазіцыях Яна XXIII і Паўла VI не назіралася антыкамуністычных настрояў, характэрных для Пія XII. Па меркаванні даследчыка, усе тры папы рымскія вельмі негатыўна ставіліся да левых партый, але пры гэтым разумелі іх прыцягальнасць для многіх італьянцаў і тую значную ролю, якую яны адыгрывалі ў палітычным жыцці пасляваеннай Італіі. Па-іншаму глядзіць С. Маджыстэр і на час пантыфікату Пія XII. Даследчык прыішоў да высновы пра тое, што папа рымскі, нягледзячы на сваё крытычнае стаўленне да левых, не быў прыхільнікам крайніх антыкамуністычных і антысацыялістычных поглядаў, бачачы ў ідэях прадстаўнікоў левых сіл і пазітыўныя моманты. Гэта дазволіла аўтару сцвярджаць, што пераарыентацыя на супрацоўніцтва ХДП з левымі партыямі намецілася яшчэ ў часы пантыфікату Пія XII.

Глыбока і ўсебакова гісторыя Рымска-каталіцкай царквы ў Італіі адлюстравана ў працах італьянскага даследчыка А. Прандзі [26], які разглядаў развіццё гісторыі краіны ад прыходу да ўлады Мусаліні да дэмакратычнай перабудовы дзяржавы.

Іншыя навукоўцы ліберальнага кірунку прысвяцілі свае працы аналізу дзейнасці свецкіх каталіцкіх арганізацый і каталіцкіх прафсаюзаў. Даследчык Л. Урэціні ў сваёй кнізе «Грамадзянскія камітэты Трэвіньяна і іх функцыянаванне падчас выбараў 1948 г.» прасачыў развіццё камітэтаў ад часу іх утварэння ў 1948 г. [27]. Даследчык не пагаджаўся з меркаваннем пра тое, што камітэты ўяўлялі сабой проста сціплыя аб'яднанні выбаршчыкаў у падтрымку ХДП, як гэта заяўлялася на афіцыйным узроўні. Ён прывёў сведчанні пра тое, што грамадзянскія камітэты ператварыліся ў значную агітацыйную сілу, аб'яднаўшы ўсіх каталікоў Італіі напярэдадні выбараў. Гэта дазволіла Л. Урэціні прыйсці да высновы аб тым, што менавіта грамадзянскія камітэты адыгралі вядучую ролю ў перамозе ХДП на выбарах 1948 г.

У манаграфіі А. Баскіні «Царква і ACLI» аналізуецца гісторыя каталіцкага прафсаюза – Хрысціянскай асацыяцыі італьянскіх працоўных (ACLI) [28]. Як зразумела з кнігі, Святы пасада заставаўся незадаволены самастойнасцю арганізацыі і імкнуўся цалкам падпарадкаваць яе сваім інтарэсам. Аўтар зрабіў выснову пра тое, што адносіны ACLI са свецкімі каталіцкімі арганізацыямі былі даволі складанымі. Каталіцкі прафсаюз меў шмат агульнага з такімі арганізацыямі, але знаходзіўся ў стане пастаяннай вострай барацьбы з імі. Гэтыя ўнутраныя супярэчнасці, на думку А. Баскіні, не дазволілі ACLI ператварыцца ў адзіны каталіцкі прафсаюз (а менавіта такая задача ставілася перад арганізацыяй Ватыканам) і забяспечыць большы ўплыў на працоўных Італіі ў параўнанні з Усеагульнай італьянскай канфедэрацыяй працы – самым аўтарытэтным прафсаюзам краіны.

Некаторыя аўтары прысвячалі свае працы асобным праблемам, вывучэнне якіх дазволіла скласці сістэмнае ўяўленне пра гісторыю і дзейнасць Святога пасада. Так, Ц. Фальконі вывучаў маладзёжныя арганізацыі каталіцкага дзеяння ў пасляваенны перыяд [29], Д. Расаці займаўся дэталёвым аналізам дзейнасці каталіцкіх прафсаюзаў, вызначэннем іх ролі і месца ў рабочым руху Італіі [30]. У 1964 г. выйшла праца даследчыка Р. Занградзі, дзе ў сціслай форме апісана роля і месца Рымска-каталіцкай царквы ў першыя пасляваенныя гады італьянскай гісторыі [31].

3. Марксісцкі кірунак. *Значнае месца ў гістарыяграфіі пасляваеннай Італіі займаў марксісцкі кірунак, што, паводле І. В. Грыгор'евай, стала яе найважнейшай адметнай рысай [32, с. 159]. Гэта тлумачыцца ўзмацненнем ролі левых партый, уплыў якіх адчуваўся пры абмеркаванні любой праблемы нацыянальнага жыцця. Для большасці гісторыкаў, якія сталі прыхільнікамі марксізму, гэта быў выбар не толькі навуковай метадалогіі, але і палітычнай пазіцыі: яны ўступалі ў Італьянскую камуністычную партыю, радзей – у Італьянскую сацыялістычную партыю, прызнаючы пры гэтым вучэнне К. Маркса базісам сваіх праграмных прынцыпаў.*

У аснове італьянскай марксісцкай гістарыяграфіі ляжаць канцэпцыі П. Тальяці [33–35]. Даследчык у пасляваенны перыяд хоць і заставаўся на пазіцыях антыклерыкалізму і абвінавачваў Ватыкан у супрацоўніцтве з фашысцкімі ўладамі, аднак перанёс акцэнт у бок праблемы ўзаемаадносін камуністаў і каталікоў у Італіі, знаходзячыся з імі на працягу пэўнага часу ва ўрадзе. Так, П. Тальяці падтрымліваў тэзіс пра «выпакутаную рэлігійную свядомасць», якая таксама можа быць крыніцай імкнення да сацыялізму.

З пасляваеннай марксісцкай гістарыяграфіі Італіі можна прывесці ў прыклад даследаванне Дж. Кандэлора «Каталіцкі рух у Італіі», напісанае на пачатку 1950-х гг., і працу па гісторыі Італіі навейшага часу «Гісторыя сучаснай Італіі» [36; 37]. Гэтыя

кнігі ствараліся ў той час, калі Ватыкан займаў жорсткую антыкамуністычную пазіцыю, таму нядзіўна, што яны неслі на сабе адбітак тагачаснай фазы ва ўзаемаадносінах камуністаў і каталікоў.

Толькі ў сярэдзіне 1970-х гг. вывучэнне каталіцкага руху і царквы ў Італіі атрымала новы імпульс дзякуючы працам такога аўтара, як Э. Росі [38]. Новым у даследаваннях гэтага аўтара стаў адыход ад жорсткай крытыкі Ватыкана і прызнанне шчырасці палітыкі Рымска-каталіцкай царквы, якая, паводле Э. Росі, па большай частцы ў сваёй дзейнасці кіравалася агульнымі рэлігійнымі і маральнымі прынцыпамі.

Тэма Рымска-каталіцкай царквы закраналася і пры разглядзе іншых праблем. Напрыклад, у працах гісторыка-марксіста Э. Сантарэлі, прысвечаных аналізу генезісу фашызму і неафашызму ў Італіі, прысутнічае ацэнка ролі царквы ў падзенні рэжыму Мусаліні і з'яўленні неафашысцкіх партый і рухаў [39]. Гісторык Дж. К'янэзі даследавала адраджэнне прафсаюзаў Італіі, аналізуючы ў тым ліку і каталіцкі прафсаюзны рух [40]. Пішучы пяцітомную гісторыю Італьянскай камуністычнай партыі, П. Спірана закранала тэму ўзаемадачынненняў камуністаў з каталікамі і ацэньвала стаўленне Ватыкана да Італьянскай камуністычнай партыі [41].

Шырокавядомыя ў СССР італьянскія гісторыкі-марксісты Л. Лонга [42; 43], Р. Баталья [44] і П. Сек'я [45; 46] у сваіх працах, прысвечаных руху Супраціўлення і першым пасляваенным гадам, становішчу левых сіл у Італіі, закраналі ў тым ліку праблему стаўлення камуністаў да царквы і каталікоў.

У 1980–2010-я гг. у ліберальным, каталіцкім і марксісцкім лагерах вялікую ролю пачынае адыгрываць кірунак, звязаны з вывучэннем мікрагіс-

торыі, мэтай якога стала даследаванне каталіцкага свету, свецкага каталіцкага руху, мясцовага самакіравання ў асобных раёнах і абласцях Італіі [47–50]. Гэта тэндэнцыя вывучэння каталіцкага руху ў Італіі ў рамках лакальнай гісторыі нарадзілася яшчэ ў 1960-я гг., што было звязана, у прыватнасці, з працай некаторых гісторыкаў у мясцовых архівах, на матэрыялах якіх і праводзіліся даследаванні, якія часам уключалі вялікія дадаткі дакументаў.

Падводзячы вынікі, можна сказаць, што тэма месца і ролі Рымска-каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці Італіі (1943–1962) знайшла сваё адлюстраванне ў шэрагу прац італьянскіх даследчыкаў другой паловы XX – пачатку XXI ст. Італьянскую гістарыяграфію, прысвечаную вывучэнню дадзенай праблемы, можна падзяліць на тры напрамкі: *каталіцкі*, скіраваны пераважна на вывучэнне праблем, звязаных з гісторыяй царквы і каталіцкага руху; *ліберальны*, пабудаваны на прынцыпе антыклерыкалізму і існавання дзвюх паралелей – царквы і дзяржавы, якія ніколі не павінны перакрывацца; *марксісцкі*, які вылучае рэзкай крытыкай царквы. Найбольшую ўвагу з боку італьянскіх даследчыкаў атрымалі наступныя тэмы: пазіцыя Ватыкана на заключным этапе Другой сусветнай вайны, роля Рымска-каталіцкай царквы ў руху Супраціўлення, станаўленне ХДП Італіі, узаемаадносіны Рымска-каталіцкай царквы з партыямі левага кірунку і інш. У перспектыве ўвага даследчыкаў можа быць звернута да такіх маладаследаваных праблем, як стаўленне Ватыкана да руху *L'Uomo Qualunque* і партыі правага кірунку «Італьянскі сацыяльны рух», пазіцыя ў дачыненні да фашысцкага і дэмакратычнага рэжымаў Італіі радавых вернікаў і святароў розных рэгіёнаў Італіі, пазіцыя місіянераў і інш.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Marchione M. Pope Pius XII: Architect for Peace. New York, 2002.
2. Bendiscioli M. La Resistenza: aspetti politici. Roma, 1955.
3. Bianchi G. Antifascismo e Resistenza nel problema storiografico // Vita e pensiero. 1959. № 7. P. 18–23.
4. Graham R. A. Quale pace cercava Pio XII // La Civiltà Cattolica. 1982. Quad. 3165, 23 giugno. P. 218–233.
5. Malvestiti P. Achtung: Banditi. Milano, 1960.
6. Marazza A. I cattolici e la Resistenza // Il Movimento di Liberazione in Italia. 1965. № 43. P. 91–104.
7. Rossini G. Il fascismo e la Resistenza. Firenze, 1955.
8. Traniello F. I cattolici tra fascismo e democrazia. Bologna, 1975.
9. Traniello F. Stato e partiti alle origini della Repubblica nel dibattito storiografico // Ital. contemporanea. 1979. № 134. P. 3–13.
10. Scoppola P. La chiesa e il fascismo. Bari, 1971.
11. Paganella M. La dottrina sociale della chiesa e il diritto natural. Milano, 2011.
12. Martino B. di La dottrina sociale della Chiesa. Principi fondamentali. Firenze, 2016.
13. Grasso E. Dottrina sociale della Chiesa. Bologna, 2011.
14. Dizionario storico del movimento cattolico in Italia: 1860–1980 : in 3 vol. Torino, 1981–1984.
15. Storia del movimento cattolico in Italia. Bari, 1966.
16. Introduzione alla storia del movimento cattolico in Italia. Bologna, 1979.
17. Gariboldi G. A. Pio XII, Hitler e Mussolini. Il Vaticano fra le dittature. Milano, 1995.
18. Zuccotti S. Il Vaticano a l'Olocausto in Italia. Milano, 2001.
19. Mammarella G. Italy After Fascism. Notre Dame, 1966.
20. Piscitelli E. Da c Parri a De Gasperi. Storia del dopoguerra (1945–1948). Milano, 1975.
21. Chiaranti G. La democrazia cristiana. Roma, 1980.

22. Pasquino G. Critica dei partiti come critica della politica // *Problemi del socialismo*. 1984. № 27/28. P. 24–29.
23. Spataro G. I democratici cristiani dalla dittatura alla repubblica. Milano, 1968.
24. Toniolo G. La democrazia cristiana. Roma, 1976.
25. Маджистер С. Политика Ватикана и Италия (1943–1978). М., 1982.
26. Prandi A. Chiesa e politica. Bologna, 1968.
27. Urettini L. I comitati civici del Trevignano e la loro funzione nelle elezioni del 1948. Venezia, 1978.
28. Boschini A. Chiesa e Acli. Napoli, 1975.
29. Falconi C. La chiesa e le organizzazioni cattoliche in Italia (1945–1950). Torino, 1956.
30. Rosati D. La questione politica delle ACLI. Napoli, 1975.
31. Zangradi R. Il lungo viaggio attraverso il fascismo. Milano, 1962.
32. Григорьева И. В. Проблемы новой и новейшей истории в итальянской историографии после Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1978. № 1. С. 157–169.
33. Togliatti P. Avanti, verso la Democrazia! Roma, 1944.
34. Togliatti P. Momenti della storia d'Italia. Roma, 1973.
35. Togliatti P. Politico. Comunista. Roma, 1945.
36. Канделоро Дж. История современной Италии. М., 1971.
37. Канделоро Дж. Католическое движение в Италии. М., 1955.
38. Rossi E. Il manganello e l'aspersorio. Bari, 1968.
39. Santarelli E. Ricerche sul fascismo. Urbino, 1971.
40. Chianese G. Note sulla ricostituzione dell'organizzazione sindacale e sulle lotte operaie e popolari a Napoli 1943–1946 // *Ital. contemporanea*. 1976. № 124. P. 13–19.
41. Spirano P. Storia del Partito comunista italiano : in 5 vol. Torino, 1967. Vol. 1.
42. Лонго Л. Народ Италии в борьбе. М., 1951.
43. Longo L. Un'alternativa per uscire dalla crisi. Rapporto al XII Congresso del PCI. Roma, 1969.
44. Battaglia R. Storia della Resistenza. Torino, 1979.
45. Secchia P. Risorgimento e Resistenza. Biella, 1958.
46. Secchia P., Frassati P. Storia della Resistenza. Roma, 1965.
47. Blasina P. Vescovo e clero nella diocesi di Trieste-Capodistria. 1938–1945. Trieste, 1993.
48. Preziosi E. Chiesa e popolazione nel Pesarese // *Storia e problemi contemporanei*. 1995. № 15. P. 83–102.
49. Rotelli E. La restaurazione post'fascista degli ordinamenti locali // *Ital. contemporanea*. 1979. № 134. P. 45–72.
50. Neirerti M. Cattolici e «popolari» biellesi tra fascismo e antifascismo // *Aspetti della storia della provincia di Vercelli tra le due guerre mondiali*. Borgosesia, 1993. P. 99–117.

References

1. Marchione M. Pope Pius XII: Architect for Peace. New York, 2002.
2. Bendiscioli M. La Resistenza: aspetti politici. Roma, 1955 (in Italian).
3. Bianchi G. Antifascismo e Resistenza nel problema storiografico. *Vita e pensiero*. 1959. No. 7. P. 18–23 (in Italian).
4. Graham R. A. Quale pace cercava Pio XII. *La Civiltà Cattolica*. 1982. Vol. 3165, 23 June. P. 218–233 (in Italian).
5. Malvestiti P. Achtung: Banditi. Milano, 1960 (in Italian).
6. Marazza A. I cattolici e la Resistenza. *Il Movimento di Liberazione in Italia*. 1965. No. 43. P. 91–104 (in Italian).
7. Rossini G. Il fascismo e la Resistenza. Firenze, 1955 (in Italian).
8. Traniello F. I cattolici tra fascismo e democrazia. Bologna, 1975 (in Italian).
9. Traniello F. Stato e partiti alle origini della Repubblica nel dibattito storiografico. *Ital. contemporanea*. 1979. No. 134. P. 3–13 (in Italian).
10. Scoppola P. La chiesa e il fascismo. Bari, 1971 (in Italian).
11. Paganella M. La dottrina sociale della chiesa e il diritto natural. Milano, 2011 (in Italian).
12. Martino B. di La dottrina sociale della Chiesa. Principi fondamentali. Firenze, 2016 (in Italian).
13. Grasso E. Dottrina sociale della Chiesa. Bologna, 2011 (in Italian).
14. Dizionario storico del movimento cattolico in Italia: 1860–1980 : in 3 vol. Torino, 1981–1984 (in Italian).
15. Storia del movimento cattolico in Italia. Bari, 1966 (in Italian).
16. Introduzione alla storia del movimento cattolico in Italia. Bologna, 1979 (in Italian).
17. Gariboldi G. A. Pio XII, Hitler e Mussolini. Il Vaticano fra le dittature. Milano, 1995 (in Italian).
18. Zuccotti S. Il Vaticano a l'Olocausto in Italia. Milano, 2001 (in Italian).
19. Mammarella G. Italy After Fascism. Notre Dame, 1966 (in Italian).
20. Piscitelli E. Da c Parri a De Gasperi. Storia del dopoguerra (1945–1948). Milano, 1975 (in Italian).
21. Chiaranti G. La democrazia cristiana. Roma, 1980 (in Italian).
22. Pasquino G. Critica dei partiti come critica della politica. *Problemi del socialismo*. 1984. No. 27/28. P. 24–29 (in Italian).
23. Spataro G. I democratici cristiani dalla dittatura alla repubblica. Milano, 1968 (in Italian).
24. Toniolo G. La democrazia cristiana. Roma, 1976 (in Italian).
25. Madzhister S. Politika Vatikana i Italiya (1943–1978). Moscow, 1982 (in Russ.).
26. Prandi A. Chiesa e politica. Bologna, 1968 (in Italian).
27. Urettini L. I comitati civici del Trevignano e la loro funzione nelle elezioni del 1948. Venezia, 1978 (in Italian).
28. Boschini A. Chiesa e Acli. Napoli, 1975 (in Italian).
29. Falconi C. La chiesa e le organizzazioni cattoliche in Italia (1945–1950). Torino, 1956 (in Italian).
30. Rosati D. La questione politica delle ACLI. Napoli, 1975 (in Italian).
31. Zangradi R. Il lungo viaggio attraverso il fascismo. Milano, 1962 (in Italian).
32. Grigorjeva I. V. Problemy novoi i noveishei istorii v ital'yanskoj istoriografii posle Vtoroi Mirovoi voiny [Problems of Modern and Contemporary History in the Italian historiography after World War II]. *Novaya i novejschaya istoriya*. 1978. No. 1. P. 157–169 (in Russ.).

33. Togliatti P. Avanti, verso la Democrazia! Roma, 1944 (in Italian).
34. Togliatti P. Momenti della storia d'Italia. Roma, 1973 (in Italian).
35. Togliatti P. Politico. Comunista. Roma, 1945 (in Italian).
36. Kandeloro Dzh. Istoriya sovremennoi Italii. Moscow, 1971 (in Russ.).
37. Kandeloro Dzh. Katolicheskoe dvizhenie v Italii. Moscow, 1955 (in Russ.).
38. Rossi E. Il manganello e l'aspersorio. Bari, 1968 (in Italian).
39. Santarelli E. Ricerche sul fascismo. Urbino, 1971 (in Italian).
40. Chianese G. Note sulla ricostituzione dell'organizzazione sindacale e sulle lotte operarie e popolari a Napoli 1943–1946. *Ital. contemporanea*. 1976. No. 124. P. 13–19 (in Italian).
41. Spirano P. Storia del Partito comunista italiano : in 5 vol. Torino, 1967. Vol. 1 (in Italian).
42. Longo L. Narod Italii v bor'be. Moscow, 1951 (in Russ.).
43. Longo L. Un'alternativa per uscire dalla crisi. Rapporto al XII Congresso del PCI. Roma, 1969 (in Italian).
44. Battaglia R. Storia della Resistenza. Torino, 1979 (in Italian).
45. Secchia P. Risorgimento e Resistenza. Biella, 1958 (in Italian).
46. Secchia P., Frassati P. Storia della Resistenza. Roma, 1965 (in Italian).
47. Blasina P. Vescovo e clero nella diocesi di Trieste-Capodistria. 1938–1945. Trieste, 1993 (in Italian).
48. Preziosi E. Chiesa e popolazione nel Pesarese. *Storia e problemi contemporanei*. 1995. No. 15. P. 83–102 (in Italian).
49. Rotelli E. La restaurazione post'fascista degli ordinamenti locali. *Ital. contemporanea*. 1979. No. 134. P. 45–72 (in Italian).
50. Neiretti M. Cattolici e «popolari» biellesi tra fascismo e antifascismo. *Aspetti della storia della provincia di Vercelli tra le due guerre mondiali!* Borgosesia, 1993. P. 99–117 (in Italian).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 30.11.2016.
Received by editorial board 30.11.2016.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

КРЫНИЦАЗНАЎСТВА

SOURCE STUDIES

УДК 94(474.5)

АСАБЛІВАСЦІ ТРАКТАТА МІХАЛОНА ЛІТВІНА «ПРА НОРАВЫ ТАТАР, ЛІТВІНАЎ І МАСКАВІТАЎ» ЯК КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫКІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў КАНЦЫ XV – СЯРЭДЗІНЕ XVI ст.

Л. В. МІКАЛАЕВА^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі,
вул. П. Броўкі, 6, 220013, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь*

Ахарактарызавана магчымасць выкарыстання зместу трактата Міхалона Літвіна «Пра норавы татар, літвінаў і маскавітаў» у якасці аўтэнтычнай крыніцы па гісторыі знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV – сярэдзіне XVI ст. Адзначана, што метадалагічнай базай даследавання сталі агульнанавуковыя (аналітычны, сінтэтычны, лагічны), гістарычны (гісторыка-параўнальны), крыніцазнаўчы (гісторыка-крытычны) метады. Разглядаецца навуковая дыскусія пра магчымага аўтара трактата. Падтрымліваецца меркаванне Е. Ахманьскага пра тое, што пад псеўданімам Міхалон Літвін, верагодна, выступіў Венцаслаў Мікалаевіч. Аналізуецца змест тэксту дзесяці захаваных частак трактата. Канстатуецца наяўнасць у ім шэрагу ўнікальных паведамленняў, якія не сустракаюцца ў іншых крыніцах. Паказана, што твор утрымлівае шмат звестак па гісторыі ўзаемаадносін Вялікага Княства Літоўскага з Крымскім ханствам і некаторымі іншымі татарскімі ордамі. Звяртаецца ўвага на інфармацыю па гісторыі ўзаемаадносін Вялікага Княства Літоўскага з Маскоўскім вялікім княствам.

Ключавыя словы: крыніцы; знешняя палітыка; Вялікае Княства Літоўскае; Міхалон Літвін.

Образец цитирования:

Мікалаева Л. В. Асаблівасці трактата Міхалона Літвіна «Пра норавы татар, літвінаў і маскавітаў» як крыніцы па гісторыі знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV – сярэдзіне XVI ст. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 104–108.

For citation:

Mikalayeva L. V. Features of the treatise Michalon Lytvyn «About morals of Tatars, Lithuanians and Muscovites» as a source for the history of the foreign policy of the Grand Duchy of Lithuania in the end XV – the middle of the XVI century. *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 104–108 (in Belarus.).

Автор:

Людмила Викторовна Николаева – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин.

Author:

Liudmila Mikalayeveva, PhD (history), docent; head of the department of humanities.
mikalayeveva@bsuir.by

ОСОБЕННОСТИ ТРАКТАТА МИХАЛОНА ЛИТВИНА «О НРАВАХ ТАТАР, ЛИТОВЦЕВ И МОСКВИТЯН» КАК ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В КОНЦЕ XV – СЕРЕДИНЕ XVI в.

Л. В. НИКОЛАЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
ул. П. Бровки, 6, 220013, г. Минск, Республика Беларусь

Охарактеризована возможность использования содержания трактата Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» в качестве аутентичного источника по истории внешней политики Великого княжества Литовского в конце XV – середине XVI в. Указано, что методологической базой исследования стали общенаучные (аналитический, синтетический, логический), исторический (историко-сравнительный), источниковедческий (историко-критический) методы. Рассмотрена научная дискуссия о возможном авторе трактата. Поддерживается мнение Е. Охманьского о том, что под псевдонимом Михалон Литвин выступил Венцеслав Николаевич. Анализируется содержание текста десяти сохранившихся частей трактата. Констатируется наличие в нем ряда уникальных сообщений, которые не встречаются в других источниках. Показано, что трактат содержит много сведений по истории взаимоотношений Великого княжества Литовского с Крымским ханством и некоторыми другими татарскими ордами. Обращается внимание на информацию по истории взаимоотношений Великого княжества Литовского с Московским великим княжеством.

Ключевые слова: источники; внешняя политика; Великое княжество Литовское; Михалон Литвин.

FEATURES OF THE TREATISE MICHALON LYTUVYN «ABOUT MORALS OF TATARS, LITHUANIANS AND MUSCVITYAN» AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF THE FOREIGN POLICY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE END XV – THE MIDDLE OF THE XVI CENTURY

L. V. MIKALAYEVA^a

^aBelarusian State University of Informatics and Radioelectronics, P. Brovki street, 6, 220013, Minsk, Republic of Belarus

The main idea of the article is to characterize of the possibility of the use the content of treatise Michalon Lytvyn «About morals of Tatars, Lithuanians and Muscvityan» in the study of foreign policy problems. General scientific (analytical, synthetic, logical), historical (historical-comparative), source study (historical-critical) methods are used as a methodological base of research. The scientific debate on the possible author of the treatise, which appeared under the pseudonym Michalon Lytvyn, is analyzed in the article. The opinion of J. Ohman'ski about Ventseslav Nikolayevich, as the most probable author of the work is supported. The analysis of the contents of the ten remaining parts of the treatise is given, in terms of the ability to use its data to study the history of foreign policy of the Grand Duchy of Lithuania at the end of the XV – middle XVI century. It is argued that the text of the treatise contains a number of unique messages, which are not found in other sources. Also, the attention is drawn to the historical information of relations between the Grand Duchy of Lithuania and the Moscow Grand Duchy.

Key words: sources; foreign policy; the Grand Duchy of Lithuania; Michalon Lytvyn.

Сярод наратыўных крыніц сярэдзіны XVI ст., якія могуць быць выкарыстаны для даследавання знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) канца XV – сярэдзіны XVI ст., асобнае месца займае трактат Міхалона Літвіна «Пра норавы татар, літвінаў і масквітаў». Даследчыкі маюць магчымасць вывучаць толькі дзесяць вялікіх фрагментаў твора, выдадзеных на лацінскай мове ў 1615 г. у г. Базелі (Швейцарыя) І. Я. Грасерам у друкарні К. Вальдкірха [1, р. 1–41]. Лёс поўнага тэксту трактата невядомы. У XIX ст. былі зроблены два пераклады захаваных частак твора Міхалона Літвіна

на рускую мову [2–5]. Факсіміль першага выдання і пераклад тэксту на літоўскую мову І. Ёніна са пабачылі свет у Вільні ў 1966 г. [6]. Рускамоўны пераклад фрагментаў з каментарыямі выйшаў таксама ў Маскве ў 1994 г. [7]. Менавіта гэта выданне мы выкарысталі пры напісанні дадзенага артыкула.

У 1550 г. трактат Міхалона Літвіна быў прадстаўлены Жыгімонту II Аўгусту (1520–1572) – каралю польскаму і вялікаму князю літоўскаму (1548–1572, фармальна – з 1529 г.), адпаведна напісаны ён быў раней [7, с. 61].

Сапраўднае імя аўтара трактата доўга застава-лася прадметам дыскусіі. У дарэвалюцыйнай расійскай, а потым і савецкай гістарыяграфіі аўтарам лічыўся Міхаіл Тышкевіч – дзяржаўны дзеяч і дыпламат, праваслаўны па веравызнанні, удзельнік пасольства ў Крым у 1538 г. [8, с. 87]. Упершыню гэта гіпотэза была прапанавана В. Б. Антановічам [9, с. 5–6]. Яе падтрымаў і развіў аўтарытэтны даследчык гісторыі ВКЛ М. К. Любаўскі [10, с. 49–54]. Нягледзячы на крытыку такога меркавання, выказаную І. І. Лапо, які звярнуў увагу на несупадзенне некаторых характарыстык асобы аўтара тэксту і М. Тышкевіча (першы – літовец, каталік, які ўспрымаў ідэі Рэфармацыі, другі – праваслаўны русін) [11, с. 333], версія замацавалася. З тым, што аўтарам мог быць М. Тышкевіч, пагаджаўся і літоўскі даследчык І. Ёнінас [8, с. 87], хоць ён і дапускаў аўтарства Нікіфара Грынькі Лавейкавіча па мянушцы Міхайла [12, с. 14]. Ажыццёўлена І. Ёнінасам літоўская публікацыя трактата ўмацавала пазіцыі гіпотэзы М. К. Любаўскага [6]. З ёй пагаджаўся і Ю. М. Юргініс [8, с. 87–96]. Беларускі даследчык С. Ф. Сокал часткова развіў высновы М. К. Любаўскага і залічыў Міхалона Літвіна да прадстаўнікоў гуманістычнай думкі Беларусі [13, с. 35–63; 14, с. 199–204]. Новая гіпотэза з’явілася, калі ў канцы 1970-х гг. польскі гісторык Е. Ахманьскі на аснове комплексу прымет, што характарызавалі аўтара, а таксама сведчанняў іншых крыніц пераканаўча даказаў, што трактат мог напісаць толькі Венцаслаў (Венцлаў) Мікалаевіч (каля 1490–1560 гг.) – літовец, каталік, лацінскі сакратар велікакняжскай канцылярыі ў 1534–1542 і 1547–1556 гг., удзельнік некалькіх дыпламатычных місій, у тым ліку ў Крым у 1542–1543 гг. і Маскву [15, с. 97–117]. На наш погляд, лагічныя і абгрунтаваныя доказы Е. Ахманьскага з’яўляюцца найбольш прымальнымі.

Трактат – палемічны твор, аднак знаходжанне яго аўтара ў Крыме і апісанне ўбачанага там дазваляе разглядаць захаваныя часткі тэксту як крыніцу па вывучэнні ўзаемаадносін ВКЛ з Крымскім ханствам у першай палове XVI ст. Акрамя таго, у творы ўтрымліваюцца звесткі па іншых аспектах знешняй палітыкі ВКЛ.

У першым фрагменце Міхалон Літвін змясціў інфармацыю пра падзел татарскага свету на орды, адзначаючы найбольшую небяспечнасць для ВКЛ з боку самых слабых, але бліжэй за іншых дыслацыраваных перакопскіх татар, гэта значыць Крымскага ханства [5, с. 62]. Аўтар трактата прыводзіў звесткі па гісторыі Крыма і дынастыі Гірэяў, заснавальнік якой, Хаджы-Гірэй (Ачкірэй), паводле легенды, сам нарадзіўся ў ВКЛ, а потым пры дапамозе вялікага князя Вітаўта стаў ханам у Крыме, а яго нашчадкі, як заўважыў Міхалон Літвін, прыносяць клопаты наступнікам Вітаўта [7, с. 64–65].

Інфармацыя, прыведзеная аўтарам трактата, мела стратэгічнае значэнне для магчымых ваенных выпраў войск ВКЛ на Крым. Ён звяртаў увагу на арганізацыю ваеннай справы і ўзаемаадносін татар і турак з хрысціянскім насельніцтвам Крыма. Па яго звестках, хан збіраў татарскія войскі на дапамогу туркам у выправе на Венгрыю, якая магла мець месца ў 1543 г. [15, с. 105]. Міхалон Літвін звярнуў увагу на беднае ўзбраенне татар, якія, аднак, заўсёды бралі з сабой шмат коней, да пяці запасных на аднаго конніка. Гэта дазваляла павялічыць хуткасць перасоўвання. Адсутнасць аблога таксама павышала іх мабільнасць. Важнай мэтай набегу татар быў захоп людзей для продажу. У баях заваёўнікі звычайна акружалі праціўніка з левага фланга, што рабіла больш зручнай стральбу з лука. Татары часта выкарыстоўвалі тактыку падману і засад. Без хітрасці яны часта саступалі значна меншаму войску [7, с. 66]. У якасці прыкладу Міхалон Літвін прыводзіў бітву, якая адбылася на р. Альшаніцы 5 лютага 1527 г. У ёй, паводле аўтара, войску праціўніка, страты якога склалі 25 тыс. чалавек, супрацьстаяла войска ВКЛ, якое ўключала 3,5 тыс. воінаў і ў выніку перамагло. Такія звесткі аб суадносінках сіл паведамляе толькі Міхалон Літвін. У бітве пад Клецкам загінула 27 тыс. татар, разбітых 9-тысячным войскам ВКЛ [7, с. 67].

Міхалон Літвін падкрэсліваў, што татары падбіраюць для бітваў стратэгічна выгадныя месцы. Так было каля г. Сокаля, дзе войска ВКЛ пацярпела паражэнне, бо ў разбураным горадзе хутка рухацца было немагчыма. Праз стратэгічны пралік была прайграная і бітва з Іслам-Сустанам каля г. Ачакава, нягледзячы на колькасную перавагу войска ВКЛ: яно было разбіта ў той час, калі яго кіраўнікі знаходзіліся на перамовах з татарамі [7, с. 67–68].

У другім фрагменце трактата Міхалон Літвін паведамляў пра штогадовыя ўпамінкі, якія прысылала татарам кіраўніцтва ВКЛ як сябрам-саюзнікам [7, с. 75].

У трэцім фрагменце аўтар трактата наракаў на тое, што ўсходні сусед ужо захапіў 73 крэпасці ВКЛ [7, с. 76]. Міхалон Літвін не пагаджаўся з тым, што заволжскія і перакопскія татары называюць князя маскавітаў сваім халопам, бо ад іх верхавенства пазбавіўся яшчэ вялікі князь маскоўскі Іван III. Апошні, скарыстаўшыся занятасцю караля і вялікага князя Казіміра вайной у Прусіі, далучыў да сваёй вотчыны літоўскія, паводле аўтарскага вызначэння, землі: Ноўгарад, Пскоў, Севершчыну [7, с. 77–79]. Сын Івана III Васіль далучыў Смаленск, хітрасцю заняты Міхаілам Глінскім [7, с. 79]. Міхалон Літвін рабіў выпад і ў бок цара Івана IV, які, хоць і аддаў ВКЛ Гомель, пабудаваў на захопленых землях тры крэпасці: Себеж, Веліж, Завалочча. На думку аўтара, маскоўскі правіцель ва ўсім браў прыклад са слаўнага вялікага князя літоўскага Вітаўта, якім Міхалон Літвін адкрыта захапляўся [7, с. 80, 85].

У пятым фрагменце трактата падкрэслівалася, што літвінам належыць вядучая роля ў вызваленні рускага насельніцтва ад татарскага ярма [7, с. 87]. Аўтар паведамляў, што Міндоўг не толькі быў ахрышчаны, але і прыняў каралеўскую карону. Міхалон Літвін ганарыўся тым, што ў 1386 г. Літва была ахрышчана каралём і вялікім князем літоўскім Уладзіславам Ягайлам, а польскі і літвінскі народы аб'ядналіся пад яго кіраўніцтвам [7, с. 88].

У восьмым фрагменце твора аўтар захапляўся слаўным ваенным мінулым ВКЛ у часы Гедыміна і Вітаўта [7, с. 91], паходамі на Маскву. Міхалон Літвін прапаноўваў адмовіцца ад наёмных войск падчас ваенных кампаній. Пры гэтым аўтар прыводзіў у прыклад караля Венгрыі Людовіка, пакінутага наёмнікамі падчас бітвы, пасля чаго той быў затаптаны, калі спрабаваў уцячы. Аўтар згадваў і Казіміра Ягелончыка, якога падчас бітвы каля г. Хойніцэ выратавалі добраахвотнікі з ВКЛ [7, с. 93].

У дзявятым фрагменце трактата ўтрымліваюцца звесткі пра арганізацыю дыпламатычнай службы ў ВКЛ. Міхалон Літвін сцвярджаў, што на яго радзіме, калі каго-небудзь пасылалі па дзяржаўнай службе, то той атрымліваў грошы са скарбу ў неабходнай колькасці, хоць многія вярталіся, нічога не зрабіўшы [7, с. 94]. На думку аўтара, канцылярыя ВКЛ выдавала вельмі шмат дазваляў на падводы, здараліся выпадкі, калі ад абавязкаў пастою вызвалілі тых, хто ў свой час атрымаў маёнткі каля дарог, якія вялі да зямель маскавітаў, татар і турак, пры ўмове выканання гэтай павіннасці [7, с. 95]. Аўтар трактата абвінавачваў у страце северскіх крэпасцей князёў-перабежчыкаў Сямёна Мажайскага і Васіля Шамячыча. Таксама Міхалон Літвін паведамляў пра дзей-

насць маскоўскіх шпіёнаў. Так, паводле яго звестак, нейкі маскоўскі святар таемна пранікаў у гаспадарскую канцылярыю і здабываў там копіі дагавораў, распараджэнняў і матэрыялы нарад, якія пасылаў свайму гаспадару. Міхалон са шкадаваннем згадваў пра 300 трафейных сцягоў, страчаных у выніку пажару ў віленскім касцёле Святога Станіслава, з іх 12 былі здабыты 8 верасня 1514 г. у бітве пад Оршай, падчас якой забілі і захапілі ў палон 80 тыс. воінаў праціўніка. Міхалон Літвін дэманстраваў і знаёмства з палітычным жыццём за мяжой: так, ён адзначаў, што ў лівонцаў з Масквой заключаны вечны мір (па сутнасці, перамер'е 1503 г.) і ўсталяваны добрасуседскія адносіны [7, с. 96]. Аўтар трактата пералічваў дзевяць перапраў праз р. Дняпро і раіў паставіць там хаця б невялікія атрады, каб перакрыць шлях татарам [7, с. 99]. Для гэтага, паводле Міхалона Літвіна, можна было выкарыстаць казакаў [7, с. 100–101]. У трактаце падрабязна апісаны Кіеў, якім марыў авалодаць князь маскавітаў, спасылаючыся на тое, што ён нашчадак кіеўскага князя Уладзіміра [7, с. 101].

Такім чынам, трактат Міхалона Літвіна «Правы татар, літвінаў і маскавітаў» належыць да ліку важных наратыўных крыніц па гісторыі ўзаемаадносін ВКЛ з Крымскім ханствам і шэрагам іншых татарскіх орд, якая даволі падрабязна асвятляецца ў творы. У ім прыводзіцца цікавая інфармацыя пра дачыненні ВКЛ з Маскоўскім вялікім княствам. Трактат утрымлівае некаторыя ўнікальныя звесткі аб падзеях знешнепалітычнага характару, дае іх ацэнку з пункту гледжання сучаснікаў аўтара твора, па-свойму тлумачыць прычыны ваенных няўдач ВКЛ і з'яўляецца цікавай аўтэнтчнай крыніцай.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Lituani M.* De moribus tartarorum, lituanorum et moschorum, fragmina X, multiplici historia referta. *Lasicii J.* Poloni De diis samagitarum, caeterorumque sarmatarum et falsorum christianorum. Item de religione armeriorum et de initio regiminis Stephani Batorii / ed. I. J. Grasserus. Basilieae, [1615].
2. *Литвин М.* Десять отрывков разнообразного исторического содержания (из сочинения) Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1854. Кн. 2 : Половина вторая. Отд. 5. С. I–VIII, 1–78.
3. *Литвин М.* Десять отрывков разнообразного исторического содержания (из сочинения) Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» // Вестн. Юго-Зап. и Зап. России. 1864. Т. III, февраль. С. 23–30.
4. *Литвин М.* Десять отрывков разнообразного исторического содержания (из сочинения) Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» // Вестн. Юго-Зап. и Зап. России. 1864. Т. III, март. С. 39–50.
5. *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян. Отрывки 1–10 // Мемуары, относящиеся до истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. 1 : XVI в. С. 6–58.
6. *Lietuvis M.* Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius: dešimt įvairaus istorinio turinio fragment. Vilnius, 1966.
7. *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
8. *Юргинис Ю. М.* Посольство Михаила Литвина у Крымского хана в 1538–1540 гг. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 87–96.
9. *Антонович В. Б.* Извлечения из сочинения Михайлы Литвина // Мемуары, относящиеся до истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. 1 : XVI в. С. 1–6.
10. *Любавский М. К.* Кто был Михайло Литвин, написавший в первой половине XVI в. трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян» // Учен. зап. Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук. Ин-т истории. 1929. Т. IV. С. 49–54.
11. *Лаппо И. И.* Литовский статут 1588 г. Каунас, 1936. Т. 1, ч. 2 : Исследование.
12. *Дмитриев М. В.* Михалон Литвин и его трактат // О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 6–56.
13. *Сокол С. Ф.* Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во второй половине XVI в. Минск, 1974.
14. *Сокол С. Ф.* Идеи гуманизма в мировоззрении Михайло Тышкевича // Проблемы общественных наук : материалы XIII конф. молодых ученых Белоруссии. Минск, 1970. С. 199–204.
15. *Охманский Е.* Михалон Литвин и его трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян» середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 97–117.

References

1. Lituani M. De moribus tartarorum, lituanorum et moschorum, fragmina X, multiplici historia referta. Lasicii J. Poloni De diis samagitarum, caeterorumque sarmatarum et falsorum christianorum. Item de religione armeriorum et de initio regiminis Stephani Batorii. Basel, [1615]. P. 1–41 (in Lat.).
2. Lytvyn M. Desyat' otryvkov raznoobraznogo istoricheskogo sodержaniya (iz sochineniya) Mikhalona Litvina «O nra-vakh tatar, litovtsev i moskvityan» [Ten fragments of various historical content (of works) Michalon Lytvyn «About morals of Tatars, Lithuanians and Moscovityan»]. *Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedenij, otnosyashchikhsya do Rossii, izdavayemyi N. Kalachovym*. Moscow, 1854. Book 2 : The second half. Part 5. P. I–VIII, 1–78 (in Russ.).
3. Lytvyn M. Desyat' otryvkov raznoobraznogo istoricheskogo sodержaniya (iz sochineniya) Mikhalona Litvina «O nra-vakh tatar, litovtsev i moskvityan» [Ten fragments of various historical content (of works) Michalon Lytvyn «About morals of Tatars, Lithuanians and Moscovityan»]. *Vestnik Yugo-Zapadnoi i Zapadnoi Rossii*. 1864. Vol. III, February. P. 23–30 (in Russ.).
4. Lytvyn M. Desyat' otryvkov raznoobraznogo istoricheskogo sodержaniya (iz sochineniya) Mikhalona Litvina «O nra-vakh tatar, litovtsev i moskvityan» [Ten fragments of various historical content (of works) Michalon Lytvyn «About morals of Tatars, Lithuanians and Moscovityan»]. *Vestnik Yugo-Zapadnoi i Zapadnoi Rossii*. 1864. Vol. III, March. P. 39–50 (in Russ.).
5. Lytvyn M. O nra-vakh tatar, litovtsev i moskvityan. Otryvki 1–10 [About morals of Tatars, Lithuanians and Moscovityan. Fragments 1–10]. *Memuary, otnosyashchiesya do istorii Yuzhnoi Rusi*. Kiev, 1890. Vol. 1 : XVI century. P. 6–58 (in Russ.).
6. Lietuvis M. Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius: dešimt įvairaus istorinio turinio fragment [The Tatar, Lithuanian and Muscovite usages: ten different historical content fragment]. Vilnius, 1966 (in Lith.).
7. Lytvyn M. O nra-vakh tatar, litovtsev i moskvityan [About morals of Tatars, Lithuanians and Moscovityan]. Moscow, 1994 (in Russ.).
8. Yurginis Y. M. Posol'stvo Mikhaila Litvina u Krymskogo khana v 1538–1540 gg. [Mikhail Lytvyn Embassy in the Crimean Khan in 1538–1540 years]. *Rossiya, Pol'sha i Prichernomor'ye v XV–XVIII vv*. Moscow, 1979. P. 87–96 (in Russ.).
9. Antonovich V. B. Izvlecheniya iz sochineniya Mikhaile Litvina [Extract from the writings of Mikhail Lytvyn]. *Memuary, otnosyashchiesya do istorii Yuzhnoj Rusi*. Kiev, 1890. Vol. 1 : XVI century. P. 1–6 (in Russ.).
10. Lyubavskij M. K. Kto byl Mikhailo Litvin, napisavshii v pervoi polovine XVI v. traktat «O nra-vakh tatar, litovtsev i moskvityan» [Who was Mykhailo Lytvyn, who wrote in the first half of the XVI century treatise «About morals of Tatars, Lithuanians and Moscovityan»]. *Uch. zap. Ross. assotsiatsiya nauchn.-issledovatel'skikh inst. obshchestven. nauk. Inst. istorii*. 1929. Vol. IV. P. 49–54 (in Russ.).
11. Lappo I. I. Litovskii statut 1588 g. [Lithuanian Statute 1588]. Kaunas, 1936. Vol. 1, part 2 : Issledovanie [Research] (in Russ.).
12. Dmitriyev M. V. Mikhalon Litvin i ego traktat [Michalon Lytvyn and his treatise]. *O nra-vakh tatar, litovtsev i moskvityan*. Moscow, 1994. P. 6–56 (in Russ.).
13. Sokol S. F. Sotsiologicheskaya i politicheskaya mysl' v Belorussii vo vtoroi polovine XVI v. [Sociological and political thought in Belarus in the second half of the XVI century]. Minsk, 1974 (in Russ.).
14. Sokol S. F. Idei gumanizma v mirovozzrenii Mikhaile Tyshkevicha [The ideas of humanism in the worldview of Michael Tyszkiewicz]. *Problemy obshchestvennykh nauk : materialy XIII konf. molodykh uchenykh Belorussii*. Minsk, 1970. P. 199–204 (in Russ.).
15. Okhman'skii J. Mikhalon Litvin i ego traktat «O nra-vakh tatar, litovtsev i moskvityan» serediny XVI v. [Michalon Lytvyn and his treatise «About morals of Tatars, Lithuanians and Moscovityan» the middle of the XVI century]. *Rossiya, Pol'sha i Prichernomor'ye v XV–XVIII vv*. Moscow, 1979. P. 97–117 (in Russ.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 28.11.2016.
Received by editorial board 28.11.2016.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГИЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 903.2.03(476)

ПРАБЛЕМА ТЫПАЛОГІІ ШКЛЯНЫХ ВЫРАБАЎ НОВАГА ЧАСУ (па матэрыялах археалагічных даследаванняў на тэрыторыі паўночнай і цэнтральнай Беларусі)

П. С. КУРЛОВІЧ-БЯЛЯЎСКАЯ^{1*}

^{1*} Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Даследуецца праблема тыпалогіі шкляных вырабаў XVI–XIX стст. па матэрыялах, выяўленых падчас археалагічных раскопак на тэрыторыі паўночнай і цэнтральнай Беларусі. У якасці галоўных крытэрыяў тыпалогіі прапанавана выкарыстоўваць прызначэнне артэфектаў і асаблівасці іх эвалюцыі. Вылучаюцца віды і тыпы вырабаў на падставе іх марфалогіі і тэхналогіі вытворчасці. Зроблена выснова пра тое, што колер шкла і дэкор посуду залежалі найперш ад рэгіянальных асаблівасцей і эстэтычных патрабаванняў спажывцоў. Сцвярджаецца, што пры характарыстыцы шкляных вырабаў неабходна выкарыстоўваць стандартызаваную тэрміналогію. Адзначана, што істотнай праблемай пры аналізе артэфектаў з'яўляецца іх захаванасць (фрагментаванасць і схільнасць да ірыдызацыі). Паказана, што асартымент шкляных вырабаў Новага часу з тэрыторыі паўночнай і цэнтральнай Беларусі прадстаўлены чатырма асноўнымі катэгорыямі: тарны і сталовы посуд (для захоўвання, транспарціроўкі і падачы вадкасцей), аптэчныя і лабараторныя пасудзіны (для вырабу і захоўвання хімічных рэчываў), побытавыя вырабы (для штодзённых патрэб), інтэр'ернае шкло (для афармлення інтэр'ера). Вызначаны асноўныя тыпы шклянога посуду і іх храналогія.

Ключавыя словы: археалогія Новага часу; шкляныя вырабы; тыпалогія; мануфактурная вытворчасць; матэрыяльная культура.

Падзяка. Аўтар выказвае шчырую падзяку В. М. Ляўко, Т. С. Бубенька, Д. У. Дуку, А. А. Салаўёву, С. В. Тарасаву, В. Е. Собалю, П. А. Русаву, Э. М. Загарульскаму за магчымасць карыстацца іх матэрыяламі для правядзення даследавання.

Образец цитирования:

Курлович-Беляўская П. С. Проблема тыпалогіі шкляных вырабаў Новага часу (па матэрыялах археалагічных даследаванняў на тэрыторыі паўночнай і цэнтральнай Беларусі) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 109–119.

For citation:

Kurlovich-Bialiauskaya P. S. The problem of glassware typology in Modern times (based on archaeological research in the territory of North and Central Belarus). *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 109–119 (in Belarus.).

Автор:

Полина Сергеевна Курлович-Белявская – научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия.

Author:

Palina Kurlovich-Bialiauskaya, researcher at the department of preservation and use of the archeological heritage. nominusster@gmail.com

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ СТЕКЛЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ (по материалам археологических исследований на территории северной и центральной Беларуси)

П. С. КУРЛОВИЧ-БЕЛЯВСКАЯ¹⁾

¹⁾Институт истории Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Республика Беларусь

Исследуется проблема типологии стеклянных изделий XVI–XIX вв. по материалам, выявленным во время археологических раскопок на территории северной и центральной Беларуси. В качестве главных критериев типологии предложено использовать функциональное предназначение артефактов и особенностей их эволюции. Характеризуются виды и типы изделий на основе их морфологии и технологии производства. Сделан вывод о том, что цвет стекла и декор посуды зависели в первую очередь от региональных особенностей и эстетических требований потребителей. Утверждается, что при характеристике стеклянных изделий необходимо использовать стандартизированную терминологию. Указано, что значительной проблемой при анализе артефактов является их сохранность (фрагментированность и подверженность иридизации). Отмечено, что ассортимент стеклянных изделий Нового времени с территории северной и центральной Беларуси представлен четырьмя основными категориями: тарная и столовая посуда (для хранения, транспортировки и подачи жидкостей), аптечные и лабораторные сосуды (для изготовления и хранения химических веществ), бытовые изделия (для повседневных нужд), интерьерное стекло (для оформления интерьера). Определены основные типы стеклянной посуды и их хронология.

Ключевые слова: археология Нового времени; стеклянные изделия; типология; мануфактурное производство; материальная культура.

Благодарность. Автор выражает искреннюю благодарность О. Н. Левко, Т. С. Бубенько, Д. В. Дуку, А. А. Соловьеву, С. В. Тарасову, В. Е. Соболю, П. А. Русову, Э. М. Загоруйскому за возможность пользования их материалами для проведения исследования.

THE PROBLEM OF GLASSWARE TYPOLOGY IN MODERN TIMES (based on archaeological research in the territory of North and Central Belarus)

P. S. KURLOVICH-BIALIAUSKAYA^a

^aInstitute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Academic street, 1, 220072, Minsk, Republic of Belarus

The article deals with the problem of glassware typology in XVI–XIX centuries based on the materials which were found during the archaeological excavations in the territory of North and Central Belarus. Functional purpose of artifacts and their evolution in time are offered as a main principle of the typology. Forms and types of products are segregated on the basis of their morphology and technology of production. Glass color and decoration depends on, first of all, regional specific features and aesthetic requirements of customers. In description of glass products needs to use standardized terminology. A big problem in the analysis of the artifacts is their safety (fragmentation and iridescence susceptibility). The range of postmedieval glassware from the territory of North and Central Belarus is represented by four basic categories: container and tableware (for storage, transport and delivery of liquids), pharmacy and laboratory flasks (for manufacture and storage of chemicals), household products (for domestic use), interior glass (for decoration). The main type of glassware and their chronology are defined in the article.

Key words: postmedieval archaeology; glassware; typology; manufactory production; material culture.

Acknowledgements. The author expresses sincere gratitude to V. M. Ljauko, T. S. Bubenka, D. U. Duk, A. A. Salaujou, S. V. Tarasau, V. E. Sobal, P. A. Rusau, E. M. Zagorulsky for the opportunity to use their materials for research.

Тыпалогія артэфактаў – гэта неад’емная частка любога археалагічнага даследавання. Яна дапамагае не толькі задаволіць натуральнае імкненне даследчыка да класіфікацыі інфармацыйнага масіву, але і дае магчымасць атрыбутацыі знаходак (вызначэнне месца, часу і суб’екта вытворчасці). Гэта абумоўлівае непарыўную сувязь паміж тыпалогіяй і храналогіяй артэфактаў, тым больш што тыпа-

лагічны метада вельмі шырока выкарыстоўваецца для датавання знаходак, асабліва ва ўмовах парушанай стратыграфіі.

Вывучэнне пытанняў, звязаных з тыпалогіяй шкляных вырабаў XVI–XIX стст., ажыццяўляецца на тэрыторыі Усходняй Еўропы (і ў Беларусі ў тым ліку) з другой паловы XX ст. Звычайна яно ўва-сабляецца ў стварэнні класіфікацыйных схем вы-

рабаў са шкла, у якіх кожная група артэфактаў да- туюцца, як правіла, дастаткова шырока на падставе матэрыялаў з аднаго археалагічнага помніка ці вузкага рэгіёна [1, с. 52–55; 2; 3, с. 179–188; 4]. Аднак асобныя публікацыі змяшчаюць дастаткова разгорнутыя тыпалагічныя выкладкі артэфактаў аднаго віду на падставе матэрыялаў з невялікай тэрыторыі [5; 6]. Адзінкавыя працы прысвечаны падрабязнай тыпалогіі шкляных вырабаў з асобных археалагічных помнікаў [7; 8].

Па традыцыі, якая склалася ў беларускай навуцы, галоўнымі крытэрыямі класіфікацыі шкляных вырабаў Новага часу з’яўляюцца іх функцыянальнае прызначэнне і асаблівасці эвалюцыі. На гэтых жа падставах будуюцца і тыпалогія артэфактаў, распрацаваная аўтарам артыкула. Яе найбольш вялікія таксанамічныя адзінкі – катэгорыі вырабаў, якія вылучаюцца выключна ў адпаведнасці з утылітарным выкарыстаннем прадметаў. Сярод катэгорый вырабаў выяўляюцца віды артэфактаў, якія, у сваю чаргу, падзяляюцца на тыпы. Віды і тыпы вылучаюцца на падставе характарыстыкі марфалогіі артэфактаў і тэхналогіі іх вытворчасці, якія шчыльна ўзаемазвязаны паміж сабой. Пры гэтым наяўнасць таго ці іншага марфалагічнага элемента абумоўлена ўтылітарнай неабходнасцю (у большай ступені) і эстэтычнымі патрабаваннямі (хутчэй, як пабочны вынік). Колер шкла і дадатковыя спосабы аздаблення (наляпны дэкор, роспіс, гравіроўка і інш.) звязаны з рэгіянальнымі асаблівасцямі хімічнага складу сыравіны і мастацкага густу вытворцы, таму не з’яўляюцца вызначальнымі прыметамі пры распрацоўцы тыпалогіі артэфактаў.

Характарыстыкі гутных шкляных вырабаў, як паказаў аналіз тэхналогіі шкляной вытворчасці XVI–XIX стст., моцна залежалі ад асаблівасцей шкла як матэрыялу і працы з ім майстра. Калі артэфакт не быў першапачаткова задуманы як элемент раскошы (напрыклад, прадукцыя знакамітых гут ва Урэччы і Налібоках), то стандартызацыя ўсіх яго структурных частак абсалютна немэтазгодная. У сувязі з гэтым пры распрацоўцы тыпалогіі мы выяўлялі і апісвалі базавыя марфалагічныя элементы вырабаў, а не праводзілі дакладныя вымярэнні ўсіх параметраў артэфактаў. Гэтыя базавыя элементы сведчаць найперш пра функцыі вырабу, а таксама абазначаюць пануючыя на пэўным этапе эстэтычныя тэндэнцыі ў галіне шкларобства. Пры апісанні структурных частак артэфактаў варта прытрымлівацца стандартызаванай тэрміналогіі. Трэба ўлічваць, што тэхналогіі, якія выкарыстоўваліся ў шкларобстве ў эпоху Новага часу, імкліва развіваліся. Гэты працэс уяўляецца двухбаковым: неабходнасць стварэння вырабаў пэўнай канструкцыі абумоўлівала выкарыстанне новых тэхналогій, аднак і вытворчыя працэсы ўплывалі на з’яўленне тых ці іншых тэхналагічных прымет артэфактаў.

Істотнай праблемай падчас працы над тыпалогіяй шкляных вырабаў XVI–XIX стст. з’яўляецца стан іх захаванасці (асабліва гэта датычыцца рознага начыння). Большасць артэфактаў прадстаўлены фрагментамі (як правіла, захоўваюцца найбольш трывалыя – верхнія ці ніжнія – часткі), пашкоджанымі ў той ці іншай ступені ірыдызацыяй. Толькі асобныя экзэмпляры дазваляюць рэканструяваць цэлую форму вырабу. Зварот да іконаграфічных крыніц у асобных выпадках дае магчымасць класіфікацыі ўяўленне пра агульную структуру вырабу, але не пра будову яго асобных элементаў. Відавочна, што часцей за ўсё неабходна распрацоўваць класіфікацыю частак вырабаў (рыльцаў бутэлек, ножак келіхаў, донцаў шклянак і да т. п.), а затым пры мажлівасці, абапіраючыся на аналогіі з вядомымі цэлымі экзэмплярамі, пераходзіць непасрэдна да тыпалогіі артэфактаў.

Асартымент шкляных вырабаў XVI–XIX стст. з тэрыторыі паўночнай і цэнтральнай Беларусі характарызуецца вельмі вялікай разнастайнасцю. У адпаведнасці з функцыянальным прызначэннем вырабы са шкла Новага часу прадстаўлены чатырма класамі прадметаў: шкляны посуд, аптэкарскія і лабараторныя пасудзіны, побытавыя прадметы і інтэр’ернае шкло. Найбольшай тэхналагічнай і марфалагічнай разнастайнасцю характарызуецца шкляны посуд. Ён уключае ў сябе тарныя і сталовыя пасудзіны. Тарнае начынне (бутэлькі, бутлі, біклагі і слоікі) мелі коркі з трывалым мацаваннем і выкарыстоўваліся, як правіла, для захавання і транспарціроўкі вадкасцей. Сталовы посуд (збаны, графіны, цукарніцы, сальніцы, келіхі, чаркі, шклянкі, куфлі, міскі і талеркі) ужываўся для падачы і спажывання напояў і прадуктаў харчавання. Аптэкарскія і лабараторныя сасуды (бутлікі, бутэлечкі, слоічкі, колбачкі і да т. п.) прызначаліся для стварэння і захавання спецыфічных хімічных рэчываў. Побывававыя прадметы са шкла (упрыгожанні і дэталі вопраткі, чарнільніцы, лампадкі і вазы) выкарыстоўваліся ў паўсядзённым жыцці чалавека. Інтэр’ернае шкло прадстаўлена галоўным чынам шыбамі, бо іншыя шкляныя элементы інтэр’ераў амаль не сустракаюцца ў культурным пласце.

Вызначыць тыпы шкляных вырабаў Новага часу магчыма толькі для найбольш распаўсюджанай катэгорыі артэфактаў – шклянога посуду. Знойдзеныя падчас археалагічных даследаванняў шыбы з’яўляюцца пераважна аднатыпнымі. Аптэкарскія і лабараторныя пасудзіны ў ранні перыяд звычайна ўяўлялі сабой паменшаныя копіі тарнага начыння (за выключэннем найбольш спецыфічных форм, якія амаль не сустракаюцца ў культурным пласце). Большасць позніх вырабаў гэтага класа памылкова адносіліся даследчыкамі да вырабаў XVI–XIX стст., хоць насамрэч яны належаць да прамысловай прадукцыі канца XIX – першай паловы XX ст. [9],

якая не можа разглядацца разам з гутным шклом. Знаходкі побытавых шкляных вырабаў на сучасным этапе не настолькі шматлікія для вылучэння сярод іх тыпаў артэфектаў.

Прапанаваная намі тыпалогія створана ў выніку аналізу каля 10 тыс. шкляных артэфектаў, выяўленых падчас археалагічнага вывучэння тэрыторыі паўночнай і цэнтральнай Беларусі. На момант падрыхтоўкі артыкула прыведзеная тыпалогія праходзіла праверку, таму, магчыма, яна будзе дапоўнена данымі, атрыманымі на падставе новых матэрыялаў.

Катэгорыя 1. Тарны посуд. Гэтыя вырабы мелі трывала замацаваныя корак і выкарыстоўваліся, як правіла, для захавання і транспарціроўкі вадкасцей (мал. 1). Да ліку тарнага посуду належаць бутэлькі трох відаў (з шарападобным, прамавугольным – кварталы і штофы – ці цыліндрычным тулавам), вялікапамернае начынне – бутлі, пляскатыя пасудзіны (біклагі, флягі ці пляшкі) і слоікі. Часта гэта начынне мела клеймы, якія маглі выкарыстоўвацца для вызначэння паходжання змешчаных у іх вадкасцей ці выступаць у якасці знакаў адрознення майстэрань па вытворчасці шкляных вырабаў.

Пералічым марфалагічныя элементы тарнага посуду. У адпаведнасці з агульнапрынятай археалагічнай тэрміналогіяй гэта начынне мае донца (ніжняя частка), тулава (асноўная частка), плечыка (верхняя частка тулава), венца (верхняя частка) і шыйку (пераход венца ў плечыка). Галоўнай асаблівасцю шкляной тары з’яўляецца наяўнасць выцягнутай верхняй часткі – горла. Пры гэтым тэрмін «венца» варта выкарыстоўваць для абазначэння верхняга краю пасудзіны – прафіліроўкі яго вусця. У дачыненні да верхняй часткі бутэлькі выкарыстоўваецца таксама азначэнне «рыльца». Яно ўжываецца як найменне горла з канструкцыйнымі элементамі для мацавання корка (каўнерыкам ці жгуцікам). Іншыя часткі тарнага начыння таксама могуць складацца з больш дробных элементаў. Донца можа мець край рознай формы ці паддон, а таксама выступ з унутранага боку. На тулавах некаторых бутэлек ёсць грані, а на плечыках біклаг могуць размяшчацца прымацаваныя ручкі-вушкі для падвешвання.

Найбольш распаўсюджанымі тарнымі пасудзінамі з’яўляюцца бутэлькі. Самыя раннія вырабы гэтага віду з’явіліся на тэрыторыі паўночнай і цэнтральнай Беларусі ў першай палове XVII ст. Аднак у суседняй Польшчы яны вядомыя яшчэ з канца XIV – пачатку XV ст. [10, с. 77], таму нельга выключаць, што асобныя экзэмпляры маглі завозіцца на тэрыторыю рэгіёна і раней. Згодна з высновамі польскіх навукоўцаў бутэлькі ранняга перыяду выкарыстоўваліся ў якасці аптэчнага посуду ці для падачы напояў на стол (як графіны – карафкі). З другой паловы XVI ці нават з XVII ст. яны сталі ўжывацца для захавання і транспарціроўкі алкагольных напояў і мінеральнай вады [11, с. 220].

У межах катэгорыі тарнага посуду вылучаецца шэсць відаў начыння.

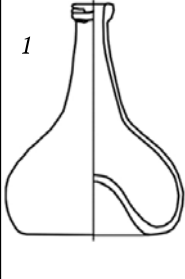
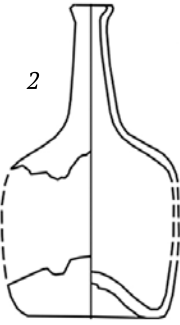
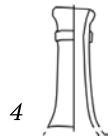
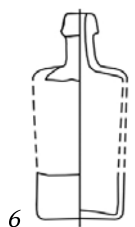
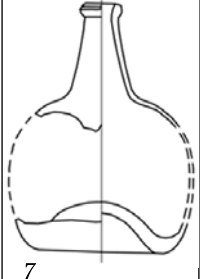
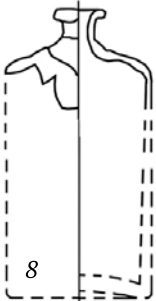
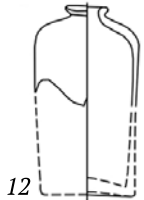
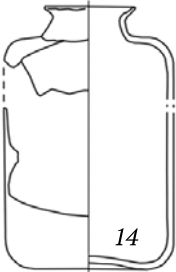
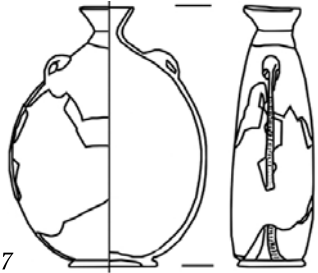
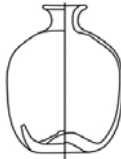
Від 1. Бутэлькі з шарападобным тулавам. Вырабляліся з гутнага шкла розных адценняў злёнанага колеру. Донцы круглыя, увагнутыя, з акруглымі краямі. Маюць след ад понціі. Найбольш вылучаюцца прапорцыямі паміж асобнымі часткамі і будовай плечыка. Рыльца такіх бутэлек маюць усечана-канічную форму. Яны афармляліся наляпным жгутом. Датуюцца XVII ст. Часам у навуковай літаратуры называюцца «бутлі» ці «бутлікі» [7, с. 136]. Прадстаўлены пасудзінамі трох тыпаў.

Тып 1. Вырабы з акруглым плечыкам, якое плаўна пераходзіць у тулава (гл. мал. 1, 1). Донца моцна ўвагнутае (на 4–6 см), з шырокімі краямі (каля 3 см). Суадносіны рыльца да тулава – прыблізна 1:1. Выява бутэлькі першага тыпу змешчана на кляйме ў культурным пласце XVII ст., якое было знойдзена падчас археалагічных раскопак 1982 г. на тэрыторыі Ніжняга замка ў Віцебску [12, с. 349]. Вырабы гэтага тыпу датуюцца сярэдзінай XVII ст.

Тып 2. Пасудзіны, у якіх суадносіны рыльца да тулава складаюць прыблізна 1,0:1,5 (гл. мал. 1, 7). Рыльца ўсечана-канічнай формы, крута пераходзіць у тулава. Венца прамое, зрэдку крыху адагнутае вонкі. Плечыкі высокія, акруглыя. Донцы моцна ўвагнутыя (на 3–5 см), маюць шырокія краі (каля 2 см). У англамоўнай літаратуры такія пасудзіны называюцца *onion bottles* ‘цыбулепадобныя бутэлькі’ [13, р. 38]. Датуюцца другой паловай XVII ст.

Тып 3. Вырабы са стромкім плечыкам, якое пераходзіць у тулава пад вуглом, блізкім да 90° (гл. мал. 1, 2). Рыльца ў такіх бутэлек мае ўсечана-канічную форму, венца акруглае, адагнутае вонкі. Донцы артэфектаў моцна ўвагнутыя (на 3–5 см), маюць вузкія краі (да 1 см). Гэтыя вырабы датуюцца канцом XVII – пачаткам XVIII ст.

Від 2. Бутэлькі з прамавугольным тулавам. Да пасудзін гэтага віду адносяцца вырабы, вядомыя ў айчынай гістарыяграфіі як кварталы і штофы (яны адрозніваюцца сваёй марфалогіяй і часам выкарыстання) [14, с. 352]. Такія найменні бутэлек паходзяць ад мер аб’ёму, якія ўжываліся на тэрыторыі Усходняй Еўропы ў Новы час. У слоўніку У. І. Даля адзначаецца, што штоф – гэта мера вадкасці, роўная 1/8 ці 1/10 часткам вядра (дзве бутэлькі ці 16 і 12 чарак адпаведна), а таксама чатырохвугольны посуд з кароткім горлам, аб’ём якога роўны гэтай меры [15, с. 666]; кварта – мера вадкасці, як і штоф, роўная 1/8 ці 1/10 часткам вядра [16, с. 103]. У сучаснай сістэме вымярэння гэта 1,537 375 і 1,2299 л адпаведна. Пісьмовыя крыніцы, у якіх тлумачылася б ужыванне пэўнай назвы ў канкрэтны перыяд на тэрыторыі сучаснай Беларусі, не былі выяўлены, таму ў дачыненні да найменняў бутэлек з прамавугольным тулавам варта карыстацца замацаванай у айчынай гістарыяграфіі тэрміналогіяй. Выкарыстанне бутэлек з прамавугольным тулавам было

Другая палова XVI ст.	XVII ст.		XVIII ст.		XIX ст.	
						
						
						
						
						

Маштаб 1:6

Мал. 1. Храналогія асноўных тыпаў тарнага посуду Новага часу
Fig. 1. Chronology of basic types of glass containers

мэтазгодным пры транспарціроўцы: дзякуючы сваёй форме яны змяшчаліся кампактна, што ўплывала на зніжэнне выдаткаў на іх дастаўку [17, с. 265].

Да кварт належаць квадратныя ў сячэнні пасудзіны з масіўным донцам. Паходзяць пераважна з культурных пластоў XVII ст. Рыльцы кварт кароткія, са значна адагнутым вонкі акруглым венцам. Таўшчыня сценак дастаткова вялікая – ад 0,3 да 0,8 см. Вуглы паміж імі плаўныя. Плечыкі размешчаны пад тупым вуглом да тулава. Тыпы гэтых вырабаў адрозніваюцца галоўным чынам формай верхняй часткі.

Тып 1. Кварты з вузкім рыльцам (дыяметр вусця – каля 2,5 см) (гл. мал. 1, 12). Рыльца слаба выражана (да 0,5 см), адразу пераходзіць у высокае, акруглае, моцна адагнутае венца. Вырабы першага тыпу датуюцца другой паловай XVII – пачаткам XVIII ст.

Тып 2. Кварты з шырокім рыльцам (гл. мал. 1, 14). Рыльца невысокія (да 1 см), дыяметр вусця складае 5–7 см. Венца акруглае, як правіла, моцна адагнутае вонкі. У цэлым кварталы другога тыпу больш масіўныя, чым аналагічныя вырабы першага тыпу. Датуюцца другой паловай XVII – пачаткам XVIII ст.

Штофы ўяўляюць сабой квадратныя ці прамавугольныя ў сячэнні (паўштофы – ва ўкраінскай [18, с. 125], фляншы – у айчынай гістарыяграфіі [7, с. 144]) тарныя ёмістасці. Гэтыя вырабы мелі крыху ўвагнутыя ў ходзе фармоўкі донцы, памер якіх складаў 8,4–9,0 × 8,4–9,0 см для квадратных і 8,6–9,4 × 7,1–8,5 см для прамавугольных у сячэнні пасудзін. Таксама ў іх былі больш вострыя ў параўнанні з квартамі вуглы паміж сценамі. Рыльцы гэтых вырабаў цыліндрычнай формы, невысокія і вузкія (1,4–2,6 × 1,0–3,1 см). Яны аформлены пры дапамозе наляпнага жгута ці каўнерыка. Плечыкі змяшчаліся пад прамым вуглом да тулава. Таўшчыня сценак вагаецца ад 0,2 да 0,5 см. Датуюцца гэтыя артэфекты XVIII–XIX стст.

У адпаведнасці з афармленнем рыльца вылучаюцца тры тыпы штофаў.

Тып 1. Штофы з варонкападобным рыльцам (гл. мал. 1, 8). У пасудзін гэтага тыпу дыяметр вусця большы за дыяметр асновы рыльца прыблізна на 0,5 см. Венца акруглае, крыху адагнутае вонкі. Аформлена па самым краі ці крыху ніжэй тонкім наляпным жгутом. Плечыкі крутыя ці крыху скругленыя. Донца ўвагнутае на 1–2 см. Датуюцца першай паловай XVIII ст.

Тып 2. Штофы з рыльцам цыліндрычнай формы, якое магло быць крыху пашырана каля асновы (гл. мал. 1, 9). Рыльца аформлена акруглым наляпным жгутом шырынёй 0,4–0,6 см, які мог змяшчацца на адлегласці 0,3–0,5 см ад зрэзу прамога ці акруглага венца, а таксама па самым яго краі. Датуюцца сярэдзінай XVIII – першай паловай XIX ст.

Тып 3. Штофы з наляпным ці ўтвораным шляхам адцягвання венца ўніз каўнерыкам шырынёй 0,8–1,0 см (гл. мал. 1, 6). Іх рыльцы цыліндрычныя,

невялікага памеру (2,0–4,5 × 2,0–2,5 см). Донцы плоскія, крыху патоўшчаныя ў цэнтры. Датуюцца сярэдзінай XIX ст.

Від 3. Бутэльні з цыліндрычным тулавам. Найбольш шырока прадстаўлены сярод шклянога посуду Новага часу з тэрыторыі паўночнай і цэнтральнай Беларусі. Датуюцца такія вырабы XVIII–XIX стст. Большасць з іх фармаваліся з гутнага шкла пры дапамозе выдзімання. Сустрэкаюцца таксама пасудзіны, створаныя шляхам прэсавання з больш позняга бутэльнага шкла другой паловы XIX – пачатку XX ст. (у беларускай гістарыяграфіі разглядаюцца павярхоўна). Дыяметр донцаў начынны складаў 5,7–8,6 см (пераважна ад 6,7 да 7,5 см), а рыльцы мелі памеры 8,8–11,5 × 2,0–6,0 см і больш (пераважна 10,0–10,5 × 2,2–3,5 см). Донцы бутэлек з цыліндрычным тулавам, як правіла, увагнутыя на 0,5–4,2 см з вонкавага боку. Пукатае з унутранага боку донца было больш зручным для асядання асадку [3, с. 183]. Дасягнуць патрэбнай увагнутасці можна было як пры дапамозе понціі, так і праз выкарыстанне адмысловага штампа. Рыльцы бутэлек афармляліся наляпнымі жгутамі рознай формы шырынёй 0,4–1,0 см ці каўнерыкам шырынёй 1,1–1,9 см, які атрымліваўся ў выніку адцягвання венца ўніз ці фармаваўся асобна, а затым наклепваўся. Пры дапамозе гэтых элементаў да бутэльні мацаваўся корак. Таўшчыня сценак бутэлек з цыліндрычным тулавам складала 0,2–0,8 см і павялічвалася ўнізе.

Паколькі знаходкі цэлых бутэлек з цыліндрычным тулавам сустракаюцца вельмі рэдка, а будова іх верхніх і ніжніх частак характарызуецца разнастайнасцю, то варта размяжоўваць тыпы дадзенага віду вырабаў асобна паводле формы іх донцаў і рыльцаў.

У прыватнасці, вылучаюцца чатыры асноўныя тыпы донцаў бутэлек з цыліндрычным тулавам.

Тып 1. Плаўна ўвагнутыя на 1,5–3,0 см, з акруглымі ці крыху завостранымі краямі шырынёй каля 0,5 см (гл. мал. 1, 5). Датуюцца сярэдзінай XVIII – пачаткам XIX ст.

Тып 2. Моцна ўвагнутыя (ад 4 да 6 см), з прамымі ці крыху скругленымі краямі (гл. мал. 1, 13). Датуюцца першай паловай – сярэдзінай XIX ст.

Тып 3. Моцна ўвагнутыя (ад 4,5 да 7,0 см), з выступам памерам 1,8–3,0 × 0,8–1,5 см і акруглымі ці завостранымі краямі шырынёй 0,5–1,2 см (гл. мал. 1, 16). Датуюцца сярэдзінай XIX ст.

Тып 4. Увагнутыя на 0,5–2,5 см, з плоскімі краямі шырынёй 1,1–2,6 см (гл. мал. 1, 11). Уяўляюць сабой фрагменты гладкіх ці гранёных ёмістасцей. Асобныя экзэмпляры такіх донцаў угіналіся пры дапамозе дэкаратыўнага штампа, які дазваляў атрымаць на ўвагнутасці рэльефную 16-часткавую ці гранёную 8-часткавую разетку. Датуюцца другой паловай XIX ст.

Рыльцы бутэлек з цыліндрычным тулавам прадстаўлены пяццю тыпамі.

Тып 1. Рыльцы ў форме ўсечанага конуса з плаўным пераходам у тулава і наляпным жгуцікам амаль па краі венца (гл. мал. 1, 3). Датуюцца сярэдняй XVIII – пачаткам XIX ст.

Тып 2. Рыльцы ў форме ўсечанага конуса з плаўным пераходам у тулава і наляпным жгуцікам, размешчаным на адлегласці каля 1 см ад зрэзу прамога ці пашыранага вонкі венца (гл. мал. 1, 4). Маюць наляпны жгуцік (мог быць пляскаты, акруглы ці рабрысты). Датуюцца сярэдняй XVIII – пачаткам XIX ст.

Тып 3. Рыльцы цыліндрычнай формы ці крыху пашыраныя ў аснове. Як правіла, плаўна пераходзяць у плечыка (гл. мал. 1, 15). Маюць шырокі пляскаты наляпны жгут (шырыня – каля 1,0–1,5 см) пад самым зрэзам венца. Датуюцца сярэдняй XIX ст.

Тып 4. Цыліндрычныя ці ў форме ўсечанага конуса з простым каўнерыкам (гл. мал. 1, 19). Датуюцца сярэдняй – другой паловай XIX ст.

Тып 5. Горлы з фігурным каўнерыкам (гл. мал. 1, 10). Сустрэкаюцца экзэмпляры цыліндрычныя, у форме ўсечанага конуса і фігурныя (як правіла, баясінападобнай формы). Датуюцца другой паловай XIX ст.

Від 4. Бутлі. Марфалагічна гэтыя вырабы падобныя да бутэлек з шарападобным ці цыліндрычным тулавам, але адрозніваюцца ад іх большымі памерамі і масіўнасцю. Так, дыяметр іх донцаў складае каля 20 см. Яны маюць скругленыя краі шырынёй 1,0–1,3 см, плаўна пукатыя знутры. Рыльцы ўсечана-канічнай формы з плаўным пераходам у тулава. Яны афармляліся пры дапамозе акруглага ў сячэнні наляпнага жгута шырынёй каля 0,7 см, змешчанага на адлегласці каля 3 см ад зрэзу адагнутага вонкі венца. Таўшчыня сценак бутляў складала 0,5–0,8 см. Гэты від пасудзін з’явіўся на мяжы XVI–XVII стст. і выкарыстоўваўся для захавання вялікага аб’ёму вадкасцей ці прыгатавання настоек і налівак [17, s. 267]. На тэрыторыі паўночнай і цэнтральнай Беларусі бутлі паходзяць з пластоў XVII–XVIII стст., большасць з іх датуецца XVIII ст.

Від 5. Слоікі. Гэтыя ёмістасці ўяўляюць сабой пасудзіны з крыху ўвагнутым донцам, цыліндрычным тулавам, крутымі плечыкамі, кароткай шыйкай і моцна адагнутым вонкі венцам (дыяметр донца вагаецца ад 11,0 да 14,7 см, вусця – ад 9,8 да 10,1 см). Вырабляліся слоікі з зялёнага ці жоўтага празрыстага шкла. Датуюцца другой паловай XVIII – XIX ст. Выкарыстоўваліся для гаспадарчых патрэб.

Від 6. Біклагі. Да біклаг належаць пляскатыя тарныя пасудзіны для часовага захавання і транспарціроўкі невялікіх аб’ёмаў вадкасцей. Яны мелі акруглае пляскатае тулава і кароткую шыю, якая адразу пераходзіла ў адагнутае вонкі венца. На плечыках маглі змяшчацца ручкі-вушкі, хутчэй за ўсё,

для падвешвання начыння. Донцы біклаг авальныя ў сячэнні і маюць памер каля 5,5–6,5 см. Паводле афармлення донцаў вылучаюцца два тыпы біклаг.

Тып 1. Біклагі на паддоне (гл. мал. 1, 17). Датуюцца XVII ст.

Тып 2. Біклагі са скругленымі краямі (гл. мал. 1, 18). Датуюцца XVIII – пачаткам XIX ст.

Катэгорыя 2. Сталовы посуд. Вырабы гэтай катэгорыі выкарыстоўваліся, як правіла, для падачы і ўжывання напояў і ежы (мал. 2). Да іх ліку належаць цыліндрычныя ці ўсечана-канічныя вырабы – шклянкі розных відаў і чаркі; пасудзіны на ножцы – кілішкі і кубкі; начынне для піцця з ручкай – куфлі, у нязначнай колькасці – збаны, графіны (карафкі), сальніцы, цукарніцы, міскі і талеркі. Унутры кожнага віду дадзеныя вырабы моцна адрозніваюцца паміж сабой у залежнасці ад тэхналагічных асаблівасцей фармоўкі, марфалогіі, складу шкламасы і аздаблення.

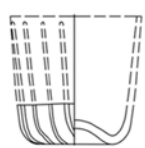
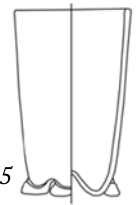
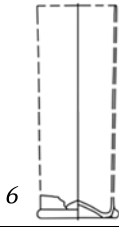
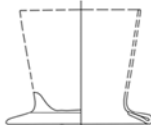
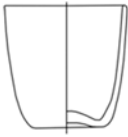
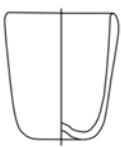
Найбольш распаўсюджаным сталовым начынем былі шклянкі. У адпаведнасці з афармленнем ніжняй часткі яны прадстаўлены трыма відамі: пасудзіны на паддоне (звычайна ў літаратуры называюцца «шклянцы» [19, с. 74]), з увагнутым донцам і пласкадонныя ёмістасці.

Від 1. Шклянкі на паддоне. Прадстаўлены трыма тыпамі вырабаў, якія адрозніваюцца формай паддона.

Тып 1. Пасудзіны з хвалепадобным паддонам і ўвагнутым донцам. Часта такія вырабы мелі на тулаве аздабленне ў выглядзе стужкавых ці жгутавых налепаў (0,3–0,7 см), якія маглі дадаткова аздабляцца рыфленнем. Прадстаўлены вырабамі двух падтыпаў.

Падтып 1. Шклянкі цыліндрычнай формы з акруглым прамым ці адагнутым вонкі венцам (гл. мал. 2, 1). Вышыня такіх шклянак складае 6,1–7,6 см, знешні дыяметр вусця вагаецца ад 3,4 да 5,0 см, знешні дыяметр тулава – ад 3,1 да 4,7 см, таўшчыня сценак – ад 0,4 да 0,5 см. Донцы са скругленымі краямі шырынёй каля 0,7–1,0 см, востра ўвагнутыя ў цэнтры на 0,5–0,75 см, змяшчаліся на 0,1–0,25 см вышэй ад асновы паддона. Хваля ўтварае пялёсткі шырынёй каля 1 см. Аснова паддона прамая. Яе таўшчыня складае 0,7–0,8 см, вышыня – да 1,1 см. Шклянкі гэтага тыпу аздабляліся адным ці некалькімі (да трох) наляпнымі, паўкруглымі ў сячэнні жгутамі ці пляскатымі стужкамі шырынёй 0,25–0,7 см і таўшчынёй 0,1–0,15 см. Датуюцца другой паловай XVI – першай паловай XVII ст.

Падтып 2. Шклянкі ўсечана-канічнай формы з патоўшчаным (да 0,55 см) акруглым венцам і ўвагнутым на 1,3 см у цэнтры донцам (гл. мал. 2, 5). Такія вырабы вядомыя па матэрыялах археалагічных даследаванняў усіх помнікаў. Яны мелі дастаткова тоўстыя сценкі (каля 0,4 см). Знешні дыяметр вусця – 7,3 см, донца – 4,4 см. Вышыня гэтых вырабаў – 11,1 см. Донца мела акруглы, дастаткова

Другая палова XVI ст.	XVII ст.	XVIII ст.	XIX ст.
1 2 	3 	4 	
	5 		
	6 7 		
8 9 10 		11 	
	12 13 	14 	15
	16 	17 	18
	19 		

Маштаб 1:6

Мал. 2. Храналогія асноўных тыпаў сталавага посуду Новага часу
Fig. 2. Chronology of basic types of glass tableware

шырокі (1,6 см) край, які змяшчаўся на адным узроўні з паддонам. Паддон суцэльны, з прамой асновай. Меў таўшчыню каля 0,6 см і вышыню да 1,1 см. Сустрэкаюцца таксама малапамерныя ёмістасці гэтага тыпу. Датуюцца сярэдзінай XVII ст.

Тып 2. Шклянкі на кальцавым паддоне (гл. мал. 2, 6). Мелі цыліндрычную форму тулава дыяметрам каля 4 см, тонкія сценкі і моцна ўвагнутае (каля 2,5 см з вонкавага боку) донца. Датуюцца XVII ст.

Тип 3. Вырабы на высокім петлепадобным паддоне цыліндрычнай або ўсечана-канічнай формы (гл. мал. 2, 8–10). У польскай гістарыяграфіі яны вядомыя як *szklanicy fletowate* [5], у айчыннай – як флеты [7, с. 137], у нямецкай навуковай літаратуры пашырана назва *Hutren* [20, s. 119]. Датуюцца другой паловай XVI – XVII ст. Вылучаюцца тры падтыпы.

Падтып 1. Пасудзіны цыліндрычнай формы з шырокай пятлёй паддона, змешчанай пад тупым вуглом адносна сценкі флета. Дыяметр тулава ёмістасці – 5,8 см, таўшчыня сценак – 0,15 см. Знешні дыяметр ніжняй часткі – 8,8 см. Шырыня пятлі паддона – 1,5 см, вышыня – 0,5 см.

Падтып 2. Пасудзіны ўсечана-канічнай формы з вузкай пятлёй паддона, змешчанай пад прамым вуглом адносна сценкі флета. Усечана-канічнае тулава вышынёй 8,5–10,0 см плаўна пераходзіць у пятлю паддона. Таўшчыня сценак – 0,15 см. Петлепадобная частка паддона змешчана амаль пад прамым вуглом адносна сценкі пасудзіны. Яе шырыня – 2,5 см, вышыня – 0,6 см.

Падтып 3. Пасудзіны цыліндрычнай формы з дыяметрам тулава каля 9 см. Таўшчыня сценак складала каля 2,5 см. Донцы былі такой жа таўшчыні, што і сценкі. Флеты гэтага тыпу мелі пляскаватыя краі шырынёй да 1 см, трохвугольна-ўвагнутыя прыблізна на 1,5 см. Змяшчаліся на петлепадобным паддоне, моцна адагнутым вонкі (верхняя частка пятлі знаходзіцца амаль пад прамым вуглом ад сценкі). Шырыня пятлі паддона складала каля 2 см, вышыня – 0,5 см. Знешні дыяметр ніжняй часткі пасудзін роўны прыблізна 12,5 см.

Від 2. Шклянкі ўсечана-канічнай формы. Прадстаўлены вырабамі чатырох тыпаў.

Тип 1. Пасудзіны, у якіх пашырэнне тулава пачынаецца на адлегласці каля 2,5 см ад донца (гл. мал. 2, 12). Вышыня цэлых экзэмпляраў, якія захаваліся, складае 7,6–8,9 см. Таўшчыня сценак вагаецца ад 0,25 да 0,55 см. Найбольшы дыяметр пасудзін дасягае 7,1–8,2 см. Донцы востра ўвагнутыя на 0,3–0,8 см, са скругленымі краямі шырынёй 1,5–2,0 см (дыяметр роўны 4,0–5,5 см). Венцы востра скошаны ўсярэдзіну. Дыяметр вусця складае каля 7,5 см. Датуюцца XVII – пачаткам XVIII ст.

Тип 2. Вырабы з плаўна ўвагнутым на 0,5–1,0 см донцам, круглымі краямі і скругленым звонку венцам (гл. мал. 2, 13). Знешні дыяметр вусця – 7 см. Вышыня – каля 7,5–10,5 см. Датуюцца XVII – пачаткам XVIII ст.

Тип 3. Рабрыстыя шклянкі з увагнутым донцам (гл. мал. 2, 3). Да вырабаў гэтага тыпу належаць ёмістасці, вышыня якіх роўная дыяметру вусця (5,6–7,0 × 5,6–7,0 см). Тулава такіх пасудзін плаўна пераходзіць у донца з акруглымі краямі шырынёй 1,1–1,7 см, плаўна ўвагнутае на 0,6–1,0 см. Таўшчыня сценак складае 0,15–0,2 см. Характэрнай рысай такіх шклянак з'яўляюцца дугападобныя рэбры на тулаве, змешчаныя пад нахілам уверх

(кожная шклянка ўтрымлівала ў сярэднім 12 такіх рэбраў). Вырабы гэтага тыпу маглі мець прамое акруглае ці адагнутае вонкі і крыху пашыранае венца. Датуюцца другой паловай XVII – пачаткам XVIII ст.

Тип 4. Шклянкі ўсечана-канічнай формы з плаўна ўвагнутымі на 0,3–0,6 см донцамі дыяметрам 3,2–5,3 см з дастаткова вострымі краямі шырынёй каля 0,7 см (гл. мал. 2, 11). Вышыня захаваных цэлых экзэмпляраў складае 6,2–6,8 см. Максімальны знешні дыяметр тулава роўны 6,2–6,4 см, яно плаўна пераходзіць у донца. Вырабы моцна адрозніваюцца паміж сабой таўшчынёй сценак (ад 0,3 да 0,6 см), якія маглі быць гладкімі ці рабрыстымі (у сярэднім мелі каля 10 прамых рэбраў). Датуюцца сярэдзінай XVIII – пачаткам XIX ст.

Від 3. Шклянкі цыліндрычнай формы. Прадстаўлены вырабамі двух тыпаў.

Тип 1. Гладкія шклянкі дыяметрам 4,7–7,0 см з увагнутым на 0,5–1,2 см донцам з вострымі краямі (гл. мал. 2, 14). Датуюцца сярэдзінай XVIII – пачаткам XIX ст.

Тип 2. Пласкадонныя шклянкі (донцы ўвагнутыя да 0,3 см) дыяметрам прыблізна 4,5–7,5 см (гл. мал. 2, 15). Маглі быць гладкімі ці гранёнымі (у сярэднім мелі каля 14–18 граней). Датуюцца сярэдзінай – другой паловай XIX ст.

Від 4. Чаркі. Невялікія ёмістасці для ўжывання вадкасцей. Прадстаўлены пяццю тыпамі вырабаў.

Тип 1. Танкасценныя чаркі на кальцавым паддоне (гл. мал. 2, 7). Мелі шарападобнае тулава дыяметрам 4–5 см і ўвагнутае на 0,5 см донца. Датуюцца XVII ст.

Тип 2. Моцна пашыраныя дагары вырабы з увагнутымі на 0,3–1,0 см донцамі і вострымі краямі (гл. мал. 2, 16). Сярэдні дыяметр тулава складае каля 3,8–6,2 см. Датуюцца другой паловай XVII – першай паловай XVIII ст.

Тип 3. Чаркі з заліўнымі тоўстымі донцамі (1,5–2,2 см), якія пашыраюцца дагары (гл. мал. 2, 19). Сярэдні дыяметр тулава складае каля 3,5–4,2 см. Датуюцца другой паловай XVII – XVIII ст.

Тип 4. Вырабы ўсечана-канічнай формы з крыху ўвагнутымі донцамі, якія мелі вострыя краі (гл. мал. 2, 17). Венцы акруглыя ці крыху скошаныя ўсярэдзіну. Вышыня захаваных цэлых экзэмпляраў складае 6,0–7,5 см. Сярэдні дыяметр тулава – каля 5 см. Таўшчыня сценак прыблізна роўная таўшчыні донца. Маглі мець гладкую ці гранёную паверхню (каля 18 граней). Датуюцца сярэдзінай XVIII – пачаткам XIX ст.

Тип 5. Штампаваныя пасудзіны фігурнай формы (як правіла, шасцігранныя). Сярэдні дыяметр тулава – каля 3,5–5,0 см (гл. мал. 2, 18). Датуюцца другой паловай – канцом XIX ст.

Від 5. Келіхі (кілішкі). Самы ўрачысты і статусны посуд. Такое начынне характарызуецца найбольшай марфалагічнай і дэкарацыйнай разнастай-

насцю сярод іншых шкляных пасудзін Новага часу. Гэтыя вырабы складаліся з чашы (можа разглядацца як звычайны посуд), ножкі і падножкі. У большасці выпадкаў ад келіхаў захоўваюцца найбольш трывалыя часткі – ножкі, часта разам з донцамі чаш і падножжамі. Кілішкі мелі яйкападобную, лейкападобную ці прамавугольную чашу са скругленымі вугламі. Іх ножкі – суцэльныя ці полыя, цыліндрычныя ці складзеныя з розных варыянтаў мастацкіх элементаў: яблыкаў, балясін і дыскаў. Кілішкі аздабляліся часцей, чым іншыя пасудзіны. Для гэтага выкарыстоўваліся роспіс, гравіроўка, граненне і рэльефны дэкор. Акрэсліць тыпы пасудзін пры такой разнастайнасці складана.

Сярод келіхаў, якія выкарыстоўваліся ў Новы час, вылучаецца асобная група начыння – кубкі. У польскай навуковай літаратуры яны маюць назву *pucharki* [21]. Найбольш распаўсюджанымі сярод кубкаў былі вырабы са звонападобным тулавам на невялікай шырокай ножцы – *звонападобныя кубкі*. Яны складаліся з чашы адпаведнай формы (з моцна адагнутым вонкі акруглым венцам), якая пераходзіла ў петлепадобную ножку. Мелі вышыню каля 9,5 см. Знешні дыяметр вусця складаў каля 8 см, верхняй часткі тулава (перад адгінаннем) – каля 6,5 см, донца – каля 2,5 см. Ножка мела вышыню да 1 см, яе максімальны дыяметр – каля 5,5 см. Розныя тыпы гэтых вырабаў датуюцца канцом XVI – пачаткам XVIII ст.

Від 6. Куфлі. У складзе археалагічных калекцый гэтыя пасудзіны звычайна прадстаўлены фрагментамі ручак. Найбольш распаўсюджанымі былі куфлі двух тыпаў.

Тып 1. Цыліндрычныя танкасценныя куфлі на хвалістым паддоне з наляпным аздабленнем (гл. мал. 2, 2). Мелі прамыя ручкі памерам 8,5 × 2,0 см, якія складаліся з трох частак. Датуюцца другой паловай XVI – першай паловай XVII ст.

Тып 2. Вырабы ўсечана-канічнай формы з фігурнай ручкай (кубачкі) (гл. мал. 2, 4). Датуюцца сярэдзінай XVIII – пачаткам XIX ст.

Астатнія віды сталовага посуду (збаны, графіны (карафкі), сальніцы, цукарніцы, талеркі і міскі) дастаткова рэдка трапляюць у склад археалагічных калекцый. Немэтазгодна таксама ўключаць у тыпалогію большасць штампаваных шкляных пасудзін, вырабленых прамысловым спосабам, якія з’явіліся з канца XIX ст.

Такім чынам, галоўнымі крытэрыямі тыпалогіі шкляных вырабаў XVI–XIX стст. з’яўляюцца іх функцыянальнае прызначэнне і асаблівасці эвалюцыі. Класіфікацыя створана на падставе аналізу марфалогіі артэфактаў з улікам тэхналогіі іх вытворчасці. У адпаведнасці са сферай выкарыстання вырабы са шкла перыяду Новага часу падзяляюцца на шкляны посуд, аптэкарскія і лабараторныя пасудзіны, побытавыя прадметы і інтэр’ернае шкло.

Шкляны посуд XVI–XIX стст. з тэрыторыі паўночнай і цэнтральнай Беларусі быў прадстаўлены рознымі відамі і тыпамі тарнага начыння і ёмістасцей для піцця. Найбольш раннія вырабы (шклянкі розных тыпаў, куфлі на хвалістым паддоне, асобныя тарныя пасудзіны і некаторыя іншыя ёмістасці) былі танкасценнымі, мелі ўвагнутае донца і фармаваліся адвольным выдзіманнем. Яны датуюцца XVI – першай паловай XVII ст. На працягу XVII ст. ва ўжытак уваходзілі бутэлькі з шарападобным тулавам, кварталы, біклагі на паддоне, некаторыя тыпы шклянак, чарак і кілішкаў. У XVIII–XIX стст. адбывалася развіццё ранейшых відаў посуду. З’явіліся бутэлькі з цыліндрычным тулавам, штофы, слоікі, пласкадонныя шклянкі, новыя тыпы чарак, разнастайныя келіхі. Да канца XIX ст. у галіне шкларобства адбыўся канчатковы пераход да фабрычнай вытворчасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Левко О. Н. Витебск XIV–XVIII вв.: стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производств. Минск, 1984.
2. Собаль В. Е., Яніцкая М. М. Шкляны посуд Мінска XII–XIX стст. // Помнікі старажытнабеларускай культуры: новыя адкрыцці. Мінск, 1984. С. 83–91.
3. Дук Д. У. Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада. Наваполацк, 2007.
4. Маркович Л. Г. Стекланные изделия из раскопок Шкловского замка и места Шкловского // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А : Гуманитарные науки. История. 2007. № 7. С. 32–37.
5. Ciepiela-Kubalska S. Szklanice fletowate ze Starego Miasta w Warszawie (XIV/XV – 1 ćwierci XVII wieku) // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. 1991. Zesz. 223 : Archeologia XIX. Archeologia szkła 5. S. 25–42.
6. Simkute I. Glass Bottles from the 16th Century to the 19th Century in the Old Town of Klaipėda: Data from Archaeological Excavations // Archaeologia Baltica. Klaipėda, 2011. Vol. 16 : Settlements and Towns. P. 152–167.
7. Бубенько Т. С. Стекланная посуда из витебской корчмы XVII–XVIII вв. (типология и хронология) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 2012. Вып. 23 : Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Беларусі ў 2009–2010 гадах. С. 135–148.
8. Векслер А. Г., Лихтер Ю. А. Позднесредневековое стекло из раскопок последних лет в Москве // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии : в 5 т. М., 1997. Т. 2 : Славянский средневековый город. С. 46–58.
9. Курлович-Бяляўская П. Прэсаваныя сасудзікі канца XIX – першай паловы XX вв. (па матэрыялах Оршы) // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий : материалы XXXI Междунар. студ. археол.-этнол. конф. Брянск, 2015. С. 11–22.

10. Ciepiela S. Wyroby szklane od poł. XIII do poł. XVII w. // *Polskie szkło do połowy XIX wieku*. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk ; Łódź, 1987. S. 70–79.
11. Ciepiela-Kubalska S. Nowożytnie szklane naczynia z badań archeologicznych na Rynku Starego Miasta w Warszawie // *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Archeologia*. Torun, 2005. Zesz. 29 (370) : Archeologia XXIX. Archeologia szkła 9. S. 189–232.
12. Бубенько Т. С. Раскопки окольного города феодального Витебска // *Археологические открытия 1982 года*. Минск, 1984. С. 348–349.
13. Dungworth D. Three and a Half Centuries of Bottle Manufacture // *Ind. Archaeol. Rev.* 2012. Vol. 34, № 1. P. 37–50.
14. Ляўко В. М. Шкляны посуд. Асартымент, тыпалогія, храналогія. Іншыя вырабы // *Археалогія Беларусі : у 4 т.* Мінск, 2001. Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. С. 352–355.
15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М., 1880–1882. Т. 4 : Р–Ижица. 1882.
16. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М., 1880–1882. Т. 2 : И–О. 1881.
17. Garas M., Karwowska H. Wyroby Szklane // *Założenie Rezydencjonalne Sapiechów w Dubnie*. Białystok, 2013. S. 257–286.
18. Ханко О. В. Гутне скло XVII–XVIII століть з Полтави // *Археол. літопис Лівобереж. України*. 2001. № 2. С. 125–127.
19. Заяц Ю. А. Заславль в эпоху феодализма. Минск, 1995.
20. Nawracki M. Późnośredniowieczne i nowożytnie szkła z terenu zamku krzyżackiego w Toruniu // *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Archeologia*. Torun, 1999. Zesz. 27 (333) : Archeologia XVII. Archeologia szkła 8. S. 53–132.
21. Prusicka-Kolcon E. Szklane pucharki dzwonowate z Zamościa od końca XVI wieku do końca XVII wieku // *Archeologia Polski Środkowowschodniej*. Lublin, 2000. T. 5. S. 230–239.

References

1. Levko O. N. Vitebsk XIV–XVIII vv.: stratygrafia, khronologiya, sotsial'no-istoricheskaya topografiya i tekhnologiya proizvodstv. Minsk, 1984 (in Russ.).
2. Sobal' V. E., Yanitskaya M. M. Shkljany posud Minska XII–XIX stst. [Glassware from Minsk in XII–XIX centuries]. *Pomniki starazhytnabelaruskaj kul'tury: novyja adkrycci*. Minsk, 1984. P. 83–91 (in Belarus.).
3. Duk D. U. Polack XVI–XVIII stagoddzjaw: narysy tapagrafii, gistoryi matjeryjal'naj kul'tury i arganizacyi zhyccjovaj prastory nasel'nictva belaruskaga gorada. Navapolack, 2007 (in Belarus.).
4. Markovich L. G. Glass artifacts from excavations of Shklov Castle and Shklov Town. *Vestnik Polotskogo gos. univ. Ser. A : Gumanit. nauki. Istoryia*. 2007. No. 7. P. 32–37 (in Russ.).
5. Ciepiela-Kubalska S. Szklanice fletowate ze Starego Miasta w Warszawie (XIV/XV – 1 ćwierci XVII wieku) [Flet vessels from Warszawa Old Town (XIV/XV – 1 quarter XVII century)]. *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne*. 1991. Vol. 223 : Archeologia XIX. Archeologia szkła 5. P. 25–42 (in Pol.).
6. Simkute I. Glass Bottles from the 16th Century to the 19th Century in the Old Town of Klaipeda: Data from Archaeological Excavations. *Archaeologia Baltica*. Klaipeda, 2011. Vol. 16 : Settlements and Towns. P. 152–167.
7. Buben'ko T. S. Glassware from Vitebsk Inn in XVII–XVIII centuries (typology and chronology). *Materials on the archaeology of Belarus*. Minsk, 2012. Vol. 23 : The archaeological investigations on the territory of Belarus in 2009–2010. P. 135–148 (in Russ.).
8. Veksler A. G., Lihter Y. A. Pozdnesrednevekovoe steklo iz raskopok poslednikh let v Moskve [Late medieval glass from last years' excavations in Moscow]. *Trudy VI Miedzhdunarodnogo Kongressa slavyjanskoi arheologii* : in 5 vol. Moscow, 1997. Vol. 2 : Slavyanskii srednevekovyi gorod. P. 46–58 (in Russ.).
9. Kurlovich-Bialiauskaya P. Pressed flasks in the end of XIX – first half XX centuries (based on the materials from Orsha). *Drevnosti Sredne-Zapadnoi Rossii i sopredelnykh territorii* : materialy XXXI Mezhdunar. stud. arkheol.-etnogr. konf. Bryansk, 2015. P. 11–22 (in Belarus.).
10. Ciepiela S. Wyroby szklane od poł. XIII do poł. XVII w. *Polskie szkło do połowy XIX wieku*. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk ; Łódź, 1987. S. 70–79 (in Pol.).
11. Ciepiela-Kubalska S. New Time Glassware from the archeological research of Marketplace in Warszawa Old Town. *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Archeologia*. Torun, 2005. Vol. 29 (370) : Archeologia XXIX. Archeologia szkła 9. P. 189–232 (in Pol.).
12. Buben'ko T. S. Excavations of Posad in feudal Vitebsk. In: *Archeologicheskije otkrytiya 1982 goda*. Moscow, 1984. P. 348–349 (in Russ.).
13. Dungworth D. Three and a Half Centuries of Bottle Manufacture. *Ind. Archaeol. Rev.* 2012. Vol. 34, No. 1. P. 37–50.
14. Ljawkow V. M. Shkljany posud. Asartymment, typalogija, hranalogija. Inshyja vyraby. *Arhealogija Belarusi* : in 4 vol. Minsk, 2001. Vol. 4 : Pomniki XIV–XVIII stst. P. 352–355 (in Belarus.).
15. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskago yazyka : in 4 vol. Saint Petersburg ; Moscow, 1880–1882. Vol. 4 : R–Izhitsa. 1882 (in Russ.).
16. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskago yazyka : in 4 vol. Saint Petersburg ; Moscow, 1880–1882. Vol. 2 : I–O. 1881 (in Russ.).
17. Garas M., Karwowska H. Wyroby Szklane. *Założenie Rezydencjonalne Sapiechów w Dubnie*. Białystok, 2013. S. 257–286 (in Pol.).
18. Hanko O. V. Gutne sklo XVII–XVIII stolit' z Poltavy [Free-blown glass in XVII–XVIII centuries from Poltava]. *Arheologichnij litopis Livoberezhnoj Ukrainy*. 2001. No. 2. P. 125–127 (in Ukrainian).
19. Zayats Yu. A. Zaslavl' v epokhu feodalizma. Minsk, 1995 (in Russ.).
20. Nawracki M. Late medieval and New Time glass from the territory of Crusaders' castle in Torun. *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Archeologia*. Torun, 1999. Vol. 27 (333) : Archeologia XVII. Archeologia szkła 8. P. 53–132 (in Pol.).
21. Prusicka-Kolcon E. Bell-shaped glass beakers from Zamoscie since the end of XVI for the end of XVII centuries. *Archeologia Polski Środkowowschodniej*. Lublin, 2000. Vol. 5. P. 230–239 (in Pol.).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Иоффе Э. Г. Лаврентий Цанава. Его называли «белорусский Берия». Минск : Адукацыя і выхаванне, 2016. 520 с. : ил.

Yoffe E. G. Lawrence Tsanava. He was called «Belarusian Beria». Minsk : Adukacyja i vyhavanne, 2016. 520 p. : illustr.

Среди книжных новинок 2016 г. в Республике Беларусь важное место занимает монография, посвященная жизни и деятельности Лаврентия Цанавы – весьма влиятельной фигуры в белорусской истории 1938–1951 гг. Автор книги – профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка доктор исторических наук, профессор Э. Г. Иоффе.

В биографии Лаврентия Цанавы выделяются три периода: добелорусский, белорусский, постбелорусский.

Первый из них начался 9 (22) августа 1900 г. – в день, когда появился на свет Лаврентий Фомич Джанджгава. В добелорусский период его знали исключительно как Джанджгаву, в белорусский и постбелорусский – как Цанаву. Этот человек сменил фамилию, с тем чтобы она легче произносилась. Друг, соратник, покровитель, Лаврентий Павлович Берия убедил его в необходимости подобного шага.

Первый период биографии Цанавы распадается на два этапа, между которыми возникла рубежная точка – знакомство Лаврентия Фомича с Лаврентием Павловичем. Джанджгава очень понравился Берии, что предопределило головокружительную карьеру Лаврентия Фомича. Будучи много лет подчиненным Берии, он демонстрировал безграничную преданность Лаврентию Павловичу. Еще до встречи с Берией «у него обозначилось качество, которое выделяло его среди соратников в борьбе, – особое умение в точности выполнять приказы вы-

шестоящих руководителей» (с. 7). Под соратниками в борьбе имелись в виду такие же, как он, чекисты, сотрудники органов внутренних дел. Цанава стал народным комиссаром внутренних дел БССР 17 декабря 1938 г. На должность его продвинул Берия, который за девять дней до этого возглавил Народный комиссариат внутренних дел СССР. Все знали, что в БССР приехал «человек Берии». Начался второй период в биографии Лаврентия Фомича. Цанава возглавлял указанный наркомат до 26 февраля 1941 г., т. е. до своего назначения наркомом государственной безопасности БССР. А 15 марта 1946 г. союзные и республиканские наркоматы были переименованы в министерства, и должность, которую занимал «человек Берии», стала называться «министр государственной безопасности БССР». Цанава проработает в ней до 29 октября 1951 г. В годы Великой Отечественной войны у Цанавы часто появлялись параллельные должности.

Большое внимание Э. Г. Иоффе уделяет именно второму периоду биографии Цанавы. Он впервые в исторической белорусистике основательно исследует ряд проблемных моментов, относящихся к этому этапу.

Первая проблема, которую затрагивает автор монографии, – роль Цанавы в «освобождении сотен людей, представителей различных социальных слоев в БССР» в конце 1938 – начале 1939 г. (с. 11). Опираясь на дела Национального архива Республики Беларусь, Архива Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Э. Г. Иоффе доказывает, что эта роль была определяющей. Новый нарком внутренних дел аргументированно доказал вышестоящим руководителям невиновность этих людей, отсутствие оснований для лишения их свободы.

Второй проблемный момент – выяснение способностей и реальных поступков Цанавы в сфере контрразведки. Читатель узнает о том, что наркому

был присущ талант контрразведчика и организатора контрразведывательных действий. Результаты подобных действий в 1939–1941 гг. впечатляют. Оставалось дело за малым: их учет со стороны высшего военно-политического руководства. Но именно этого не произошло: «К сожалению, руководство СССР во главе со Сталиным и высшее военное командование не воспользовались ценнейшими данными о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, которые были добыты сотрудниками Наркомата государственной безопасности БССР во главе с Л. Ф. Цанавой» (с. 161).

Третья проблема, исследуемая в монографии, – выявление масштабов причастности Цанавы ко всем «четырем этапам депортации части населения Западной Беларуси, которые проходили с 10 февраля 1940 по 20 июня 1941 года» (с. 93). Автор приходит к выводу о том, что нарком был весьма активен и в плане организации, и в плане исполнения этой задачи.

Четвертый проблемный момент, к которому обратился Э. Г. Иоффе, – роль Цанавы в Великой Отечественной войне. Эта роль многогранна, и профессору удалось показать практически все ее грани. Никак не утомляет читателя исчерпывающий перечень должностей Цанавы в это время в контексте его отношения к своим обязанностям. Исследователь вполне обоснованно усмотрел «его определенный вклад в Великую Победу над германским нацизмом на ответственных постах начальника Особого отдела НКВД Западного и Центрального фронтов, заместителя начальника Управления особых отделов НКВД СССР, руководителя Центральной оперативно-чекистской группы НКВД СССР по БССР, наркома государственной безопасности БССР, уполномоченного НКВД СССР по 2-му Белорусскому фронту, заместителя командующего войсками 2-го Белорусского фронта» (с. 492). Как видим, этот человек был на высоких должностях вовлечен в театры военных действий, антигерманское сопротивление на временно оккупированной территории. Вовлеченность в театры военных действий была отмечена взаимодействием с представителями советской военной элиты. Самый яркий пример подобного рода таков: «Одно время Лаврентий Цанава был заместителем по гражданским делам командующего 2-м Белорусским фронтом маршала Советского Союза Константина Рокоссовского» (с. 492). После смерти Цанавы на протяжении многих лет в отечественной научной литературе не упоминалось о его вовлеченности в антигерманское сопротивление на временно оккупированной территории. То, что утверждает по этому вопросу Э. Г. Иоффе, должно обязательно учитываться его коллегами по цеху. Ученый пишет: «Без объективного раскрытия роли Цанавы, стоявшего у истоков партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны, а затем долгое время руководившего Централь-

ной оперативно-чекистской группой НКВД СССР по БССР, нельзя, невозможно воссоздать объективную историю партизанского движения на белорусской земле в 1941–1945 годах» (с. 492).

Пятый проблемный момент – общая оценка роли Цанавы в проведении политических репрессий. Из содержания книги вытекает, что «человек Берии» совершил множество преступлений против собственного народа, будучи вовлеченным в соответствующий аспект политики советского тоталитарного режима. В книге приведено огромное количество фактов, которые не могут не вызывать возмущения ориентированного на общечеловеческие ценности читателя. Здесь и политические убийства, и не имевшие ничего общего с совестью и моралью заседания так называемых особых троек, и максимальное поощрение зверских пыток над арестованными ни за что людьми. «По инициативе или при участии Цанавы были исковерканы жизни многих <...> людей, деятелей литературы и искусства, ряда партийных и советских работников, участников минского антифашистского подполья в годы Великой Отечественной войны» (с. 490).

Шестая проблема, затрагиваемая автором, – отношение Цанавы к вопросам, которые напрямую не входили в компетенцию силовых структур. Профессор убеждает читателя в том, что это было отношение «партийного и государственного деятеля, деятеля государственного масштаба. <...> Лаврентий Фомич хорошо разбирался в экономических, политических, хозяйственных и идеологических вопросах, по-своему “болеет” за успехи и неудачи в развитии промышленности, строительства, сельского хозяйства, науки и техники, в области культуры и воспитания, физкультуры и спорта» (с. 491).

Постбелорусский период в биографии Цанавы стартовал с момента его назначения на должность заместителя министра государственной безопасности СССР (с 29 октября 1951 по 14 февраля 1952 г.). Эта должность не была для него единственной в министерстве. С 6 ноября 1951 по 15 февраля 1952 г. он являлся начальником 2-го Главного управления Министерства государственной безопасности СССР. «Лаврентий Фомич Цанава вместе с министром МГБ СССР С. Д. Игнатьевым активно участвовал в принятии очень важных, а в то время совершенно секретных постановлений политбюро ЦК ВКП(б) по борьбе с агентурой иностранных разведок и укреплению обороноспособности Советского Союза» (с. 447).

Однако 15 февраля 1952 г. Цанава оказывается не у дел. Сначала наступило состояние неопределенности, затем верный слуга тоталитарного режима превратился в его жертву. С 4 апреля 1953 по 12 октября 1955 г., т. е. до самой смерти, Лаврентий Фомич был заключенным Бутырской тюрьмы. Ключевую роль в аресте Цанавы сыграл Берия, превратившийся из друга в злейшего врага. С Э. Г. Иоффе можно согласиться в том, что Цанава «оказался

пешкой в борьбе за власть между Берией, Маленковым и Хрущёвым. Новой эпохе не нужны были свидетели эпохи террора. Они были обречены на уничтожение» (с. 459).

Прочитав всю книгу, невольно задумываешься над соотношением позитива и негатива в личности

Цанавы. Негатив явно преобладает, но было бы отступлением от исторической правды вычеркивать положительные моменты его деятельности.

М. В. Стрелец,

доктор исторических наук, профессор

Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. : в 2 т. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2015. Т. 1. 864, XVI с. ; Т. 2. 522, CIV с.

Polotsk Charters XIII – beginning XVI century : in 2 vol. Moscow : Russ. Found. for the Promot. of Educ. and Sci., 2015. Vol. 1. 864, XVI p. ; Vol. 2. 522, CIV p.

Гісторыя Полацка і Полацкай зямлі другой паловы XIII – пачатку XVI ст. з’яўляецца ўнікальнай у сваёй інфарматычнасці ў параўнанні з гісторыяй іншых рэгіёнаў Беларусі. Даследаванні апошніх дзесяцігоддзяў у айчынай гістарыяграфіі арыентаваліся пераважна на перыяды да вызначаных храналагічных меж і пасля іх, што цалкам абумоўлена і базай крыніц, і якасцю ўведзенага ў навуковы зварот матэрыялу.

Прадстаўленае выданне крыніц па гісторыі Полацкай зямлі XIII – пачатку XVI ст. створана калектывам аўтараў на чале з вядомым спецыялістам у гісторыі рэгіёна доктарам гістарычных навук Ганнай Леанідаўнай Харашкевіч (Масква). Кніга з’яўляецца своеасаблівым дапоўненым выданнем аднайменнага комплексу крыніц, сабраных і пракаментаваных даследчыцай у 1970–80-х гг. (Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. : в 6 вып. М. : Ин-т истории СССР, 1977–1989). Аднак новая праца, якая рыхтавалася спецыялістамі на працягу амаль дзесяцігоддзя, пашырылася не толькі за кошт уключэння іншых актаў, але і дзякуючы грунтоўным аналітычным і дапаможным матэрыялам.

Прадстаўленае выданне ўяўляе сабой зборнік актаў 1263–1528 гг., якія раскрываюць такія аспекты айчынай гісторыі, як знешнепалітычныя кантакты Полацка з Рыгай і Тэўтонскім ордэнам, узаемаадносіны ўнутры Вялікага Княства Літоўскага, дачыненні царкоўных і свецкіх улад, а таксама сацыяльныя, эканамічныя, культурныя, грамадскія фактары ўзаемадзеяння палачан. У выданні друкуюцца акты з архіваў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы (Берліна, Варшавы, Вільнюса, Мінска, Масквы, Рыгі, Санкт-Пецярбурга і іншых гарадоў). Акрамя таго, у другім томе змешчана значная колькасць рэпрадукцый дакументаў, а ў першым – пачаткі і прамалёўкі вадзяных знакаў з сабраных актаў. Асаблівую цікавасць уяўляюць даведачна-дапаможны матэрыял і каментарыі, створаныя спецыялістамі.

Хаця пытанне аб выданні працы падобнага тыпу ўзнімалася Г. Л. Харашкевіч неаднаразова ў 2000-я гг., аднак рэалізаваць яго змаглі толькі к сярэдзіне 2010-х гг. Праца была падрыхтавана інтэрнацыянальным калектывам аўтараў. Сярод іх былі выкладчыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, супрацоўнікі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Расійскай акадэміі навук і Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава. Гэта вядучыя спецыялісты ў сфрагістыцы і археаграфіі Г. Л. Харашкевіч (адказны рэдактар), В. А. Варонін, А. І. Груша, А. А. Жлутка, К. Р. Сквайрс, А. Г. Цюльпін і канешне намеснік адказнага рэдактара С. У. Палехаў. Рэцэнзентамі выступілі дактары навук з Інстытута гісторыі Літвы і Свабоднага ўніверсітэта Берліна.

Першы том выдання складаецца з уводзін, асноўнай часткі «Тэксты грамат» (утрымлівае больш за 500 актаў), а таксама каталога вадзяных знакаў і пятак (змяшчае 96 выяў), храналагічнага спіса грамат, іменнага і геаграфічнага паказальнікаў. Ва ўводзінах даецца характарыстыка асноўнаму масіву зместу актаў, раскрываецца іх паходжанне (Г. Л. Харашкевіч, С. У. Палехаў, В. А. Варонін, А. І. Груша), тлумачыцца метадалогія адбору матэрыялаў, вызначаюцца правілы публікацыі. Апошняе вельмі істотна пры сучасным стане публікацыі актавых крыніц. Аўтары ўлічылі тую крытыку, якую нарадзіла масавае выданне актаў Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага літоўскімі, беларускімі, польскімі, украінскімі і расійскімі калегамі. Нагляднасці дадае асобная частка тома, якая змяшчае спосабы складання лістоў у канверты. Том дастаткова грувасткі, насычаны не толькі самімі тэкстамі крыніц, але і дапаможнай інфармацыяй рознага ўзроўню. Публікацыя выяў пятак невялікага памеру (па шэсць на старонцы) часам падаецца неапраўданай, аднак паліграфічнае выкананне ратуе сітуацыю.

Другі том (ён з’явіўся ў продажы раней за першы) утрымлівае каментарыі да актавага матэрыялу, артыкул па праблеме даследавання гісторыі Полацка і Полацкай зямлі за апошнія 30 гадоў В. А. Вароніна і С. У. Палехава, рэфлексію Г. Л. Харашкевіч «Полацкія граматы як гістарычная крыніца», даведачны матэрыял па генеалогіі полацкіх князёў і спісы ўраднікаў Полацкай зямлі. Акрамя таго, другі

том змяшчае каля 150 рэпрадукцый саміх актаў і спіс літаратуры па праблеме. У дапаўненне прыводзіцца картаграфічны матэрыял, прадстаўлены беларускімі картографамі В. М. Цемушавым і С. М. Цемушавым.

Выданне было ажыццёўлена маскоўскім Універсітэтам імя Дзмітрыя Пажарскага, прэзентавана расійскімі калегамі ў Полацку і Мінску (сумесна з беларускімі даследчыкамі) і Вільнюсе (разам з літоўскімі спецыялістамі). Збор актаў уяўляе

вялікую каштоўнасць і мае вялікае значэнне для навуковай супольнасці Усходняй Еўропы. Выданне разлічана на шырокае кола спецыялістаў: яно будзе цікавым як даследчыкам нарацыйнай гісторыі Беларусі, прадстаўнікам розных галін спецыяльных гістарычных дысцыплін, так і чытачам, якія захапляюцца гісторыяй нашай Айчыны.

А. У. Любы,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV – первая половина XVI в. / под ред. А. В. Кузьмина, С. Н. Темушева. Тула : Куликово поле, 2016. 328 с. : карты. Temushev V. N. On the Eastern border of the Grand Duchy of Lithuania. The middle of XIV – first half of XVI century. Tula : Kulikovo Pole, 2016. 328 p. : with the maps.

В изучении истории уникального государственного образования – Великого княжества Литовского – до настоящего времени сохраняется множество нерешенных проблем, начиная с вопроса о его образовании. К числу наиболее сложных задач относится исследование формирования границ Великого княжества Литовского, которые на протяжении длительного времени неоднократно подвергались трансформации как вследствие военных конфликтов, так и в результате мирных межгосударственных соглашений. Решение данной проблемы возможно только на стыке истории и исторической географии, необходимым условием является также составление исторических карт. Значительный шаг в этом направлении был сделан в последние годы в связи с изданием «Вялікага гістарычнага атласа Беларусі»¹. В подготовке отдельных карт первого и второго томов этого издания принимал участие и В. Н. Темушев. Границы государственных образований на территории Беларуси, показанные на картах атласа, были определены в результате тщательных исследований. Представление о методике этой работы дает рецензируемая монография В. Н. Темушева «На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV – первая половина XVI в.».

Не вызывает сомнений высокая степень научной значимости и актуальности исследования проблемы становления государственных границ. Важнейшим аргументом обоснования незыблемости современных границ является их «освящение временем». Несмотря на невозможность пересмотра закреплённых рядом межгосударственных и меж-

дународных соглашений рубежей, в определенных кругах высказываются идеи о возвращении «исконных» территорий, восстановлении «справедливости» с отсылкой на исторические прецеденты. Этому способствует сложность самого феномена государственной границы, которая во многих случаях не совпадала с территорией расселения того или иного этноса. Неудивительно, что рассматриваемую монографию уже пытались использовать для антинаучных спекуляций. Но исключительно научный характер монографии В. Н. Темушева не позволил использовать ее в политических играх. Тем не менее сохраняется опасность того, что подобные попытки будут продолжаться. Между тем только некорректное признание Великого княжества Литовского белорусским государством позволяет устанавливать прямую связь между границами позднего Средневековья и Новейшего времени.

Исследование В. Н. Темушева о восточной границе Великого княжества Литовского впервые было издано на белорусском языке в 2014 г.² Эта публикация вызвала интерес и в Беларуси, и в России, хотя до недавнего времени оставалась недоступной для российского читателя. Только в 2016 г. увидел свет русскоязычный вариант исследования. Эта публикация была осуществлена усилиями сотрудников Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (г. Тула, Россия), с которыми В. Н. Темушева связывало многолетнее сотрудничество. В научном редактировании рассматриваемой работы принял участие московский историк, ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки А. В. Кузьмин, географический и именной указатели были подготовлены С. Н. Темушевым.

Особенность монографии В. Н. Темушева заключается в том, что она была опубликована через пять лет после смерти самого автора. Виктор Николаевич работал над рукописью до самого последнего дня, но многое осталось незавершённым. Попытка показать трансформацию восточной границы

¹Вялікі гістарычны атлас Беларусі : у 2 т. / гал. рэд. В. Л. Насевіч. Мінск, 2009. Т. 1. 2009 ; Т. 2. 2013.

²Цемушаў В. М. На ўсходняй мяжы Вялікага Княства Літоўскага (сярэдзіна XIV – першая палова XVI ст.) / навук. рэд. В. Ф. Голубеў ; пер. з рус. мовы Н. Бакшанскай [і інш.]. Смаленск, 2014.

Великого княжества Литовского на протяжении двух столетий, впервые предпринятая в историографии, к сожалению, осталась не в полной мере завершённой. Так, в работе В. Н. Темушева не рассматривается стратегически важный смоленский участок московско-литовской границы. В электронном архиве автора сохранились наброски главы, посвящённой данному вопросу, осуществлена выборка источников, составлена номенклатура населённых пунктов региона, но задуманное не было осуществлено. Тем не менее то, что сделано В. Н. Темушевым в направлении изучения восточной границы Великого княжества Литовского, является существенным достижением для белорусской исторической науки.

Рассматриваемая работа В. Н. Темушева представляет собой тематический сборник, состоящий из пяти глав и приложения; монографией её можно назвать общая тема всех структурных частей – реконструкция восточной границы самого крупного государства Восточной Европы, а также определение территорий государственных образований, расположенных в пограничном регионе. Эти государственные образования находились в различной степени зависимости либо от Вильно, либо от Москвы. Общая расстановка сил в восточноевропейском регионе, как правило, приводила к включению пограничных полусамостоятельных княжеств в состав Московского великого княжества, точнее, усиливающегося Российского государства. Первоначально территориальная экспансия Москвы столкнулась с интересами Великого княжества Литовского только в одном регионе – на Ржевской земле. Длительное время два сильнейших государства Восточной Европы разделяли княжества, являвшиеся осколками Древней Руси. С определённого времени (после присоединения к Великому княжеству Литовскому Смоленского великого княжества и его части – Вяземского княжества) границы государств непосредственно столкнулись, но определить их оказывается возможным во многом благодаря знанию пределов более ранних государственных образований пограничной территории. Поэтому исследованию рубежей пограничных княжеств посвящён основной объём монографии.

Тяжелые обстоятельства, в которых готовилась к публикации работа В. Н. Темушева, обусловили не всегда логичное и хронологически последовательное распределение материала по отдельным главам. Последние состоят главным образом из статей, опубликованных в разное время в различных изданиях, но существенно доработанных специально для новой публикации. В перспективе данное исследование должно было стать основой докторской диссертации.

Во введении к своему труду, вынужденно подведшему итог исследований всей жизни автора, В. Н. Темушев остановился на рассмотрении феномена литовско-московского пограничья. Автор

выделил те пограничные регионы, в которых ранее всего столкнулись и наиболее контрастно проявились территориальные интересы государств, поставивших в качестве важнейшей внешнеполитической задачи «собираание русских земель». Цель работы сформулирована как определение литовско-московской границы в регионах, где произошло непосредственное соприкосновение государственных новообразований позднего Средневековья – Великого княжества Литовского и Московского великого княжества.

В небольшой по объёму первой главе труда В. Н. Темушева осуществлён общий обзор образования и трансформации литовско-московской границы на протяжении почти всего заявленного периода – с середины XIV до первой трети XVI в. Уже в этой главе автор обозначил основные особенности организации обороны Великого княжества Литовского на восточной границе, принципы взаимоотношения центральной власти и периферии, механизмы присоединения пограничных территорий Великого княжества Литовского к Московскому великому княжеству и другие аспекты исследуемой проблематики, которые развиты в последующих главах.

Вторая глава посвящена рассмотрению первых территориальных контактов и конфликтов между Великим княжеством Литовским и Московским великим княжеством. На протяжении описываемого периода (до начала XV в.) ещё не сформировалась сколько-нибудь протяжённая общая граница между данными государствами, но шла напряжённая борьба за влияние и господство на пограничных землях – Смоленской, Черниговской, Тверской.

Значительный интерес представляют третья глава монографического исследования В. Н. Темушева, в которой рассмотрен период устойчивой литовско-московской границы, зафиксированной договором 1449 г., и раздел сфер влияния в Восточной Европе между Москвой и Вильно. Последовательно, с севера на юг, автор скрупулёзно и максимально подробно реконструировал границу между государствами. Именно в этой главе белорусский историк наиболее ярко проявил себя как исследователь, работающий на стыке истории, исторической историографии и источниковедения. На основе данных письменных источников, топонимики, старинных карт и отчасти археологических материалов обстоятельно прочерчивается линия московско-литовской границы на ржевском, тверском, фоминско-березуйском, вяземском (смоленском) и верхнеокском (район так называемых Верховских княжеств) участках. Чрезвычайно важным и необходимым дополнением к материалам главы выступают авторские исторические карты: они не только дают возможность локализовать исторические объекты в пространстве, но и органично вплетаются в сам процесс исследования, являются его неотъемлемым элементом.

Четвертая глава монографии В. Н. Темушева включает исследование различных аспектов первого примера непосредственного столкновения Великого княжества Литовского и Московского великого княжества из-за территориальных притязаний на пограничные территории (случавшиеся ранее военные конфликты не предполагали захвата части территории, непосредственно принадлежащей соседнему государству). Материал этой главы лег в основу отдельно изданной (также посмертно) монографии В. Н. Темушева¹, которая, судя по количеству ссылок в интернете, оказалась очень востребованной у читательской аудитории. В центре внимания автора находятся вопросы определения времени начала войны, характера военного противостояния (долгое время не переходящего в открытые военные действия), датировки ее отдельных этапов, итогов войны. При рассмотрении хода и обстоятельств военных действий автором был предложен оригинальный подход, согласно которому выделялись основные направления и характер военных столкновений (действия основных московских сил, небольших воинских формирований, пограничных князей и т. д.). Важнейший итог первого масштабного военного противостояния Москвы и Вильно белорусский историк видел в уничтожении системы обороны Великого княжества Литовского, что позволило Московскому великому княжеству продолжить территориальную экспансию в последующие годы.

Пятая глава включает работу В. Н. Темушева, вышедшую отдельным изданием². Исследование посвящено истории Гомейской (Гомельской) земли. В новый вариант текста, включенный в рассматриваемую монографию, были внесены существенные дополнения и коррективы. Автор учел дополнительные письменные и картографические источники, в соответствии с которыми исправил исторические карты Гомейской земли. Данный регион занимал особое место в истории Великого княжества Литовского: находясь на периферии государства, он играл ключевую роль в организации обороны восточной границы, и эта роль только усилилась после потери Великим княжеством Литовским Смоленска. Возвращение в состав государства Гомейской волости стало важным внешнеполитическим успехом государства, надолго закрепившим сложившуюся к 1530-м гг. геополитическую ситуацию. Автор осуществил завершённое исследование отдельного региона Великого княжества Литовского, обозначив особенности положения Гомейской земли, решив множество частных вопросов, связанных с локализацией ряда населенных пунктов.

Существенно дополняют материал основных глав рассматриваемой работы В. Н. Темушева три приложения, тематически связанные с основным текстом. В них рассматриваются проблемы истории изучения территории и границ Верховских княжеств, роли в организации обороны восточной границы городов Великого княжества Литовского (главным образом на примере Дмитровца) и анализируются данные посольских книг о литовско-московской границе второй половины XV – начала XVI в. Обозначенная проблематика относится к числу приоритетной в изучении исторической географии Восточной Европы. Начатое В. Н. Темушевым изучение региона верхней Оки оказалось весьма перспективным и было продолжено российскими историками (с большим уважением об исследованиях В. Н. Темушева отзывается А. В. Шеков, подготовивший специальное исследование³).

Несколько слов необходимо сказать о приемах и методах работы В. Н. Темушева. Она была основана прежде всего на глубоком знании источников. Материал для реконструкции границ, локализации населенных пунктов, тех или иных волостей, мест сражений ученый черпал из посольских и писцовых книг Российского государства, книг Метрики Великого княжества Литовского, карт генерального межевания, многие из которых еще не были введены в широкий научный оборот. Белорусский историк определил особенности письменных источников, касающихся географических аспектов: зачастую их авторы избегали конкретизации в том случае, если описывали хорошо известные своим современникам объекты или сохранявшиеся «по старине» границы. Следовательно, для определения границ необходимо было широко использовать ретроспективный метод, оказавшийся наиболее эффективным. В определении территории и границ того или иного владения или государственного образования В. Н. Темушев предложил собственный метод, заключающийся в изучении всех соседних территориальных объектов, что позволяло выделить пределы искомого объекта, очертить его границы извне. Совершенно уникальную технологию ученый разработал при компьютерном создании карт. Основана она была на строго научном и математически выверенном изучении имеющихся старинных карт, причем предпочтение отдавалось картам доиндустриальной эпохи (в советский период, как известно, наиболее часто происходили переименование населенных пунктов и их трансформация).

Большую ценность имеют выводы В. Н. Темушева о том, что представляла собой сама граница в позднем Средневековье. Ученый доказал, что

¹Темушев В. Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2013.

²Темушев В. Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе. М., 2009.

³Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. М., 2012.

московско-литовская граница не была сплошной линией соприкосновения владений двух государств, а на большом протяжении ее определяла полоса незанятых земель. Другим важным достижением стало исследование функционирования системы обороны Великого княжества Литовского. Историк был убежден в том, что созданная система обороны восточных границ Великого княжества Литовского, опирающаяся на крупнейшие города (прежде всего Смоленск), являлась достаточно эффективной, а ее крушение связано в большей степени с крупными политическими неудачами стратегического порядка, чем с тактическими просчетами в организации оборонительных рубежей. Важны неоднократно подтверждаемые на конкретном материале выводы ученого о начале формирования современных государственных границ уже в позднем Средневековье.

Особую ценность рассматриваемой работе придают исторические карты, созданные самим автором. Карты существенно дополняют исследование, позволяют наглядно проследить территориальные трансформации на восточной границе Великого княжества Литовского. С полным основанием можно утверждать, что каждая карта представляет

собой серьезное историческое исследование, являющееся результатом глубокого изучения разнообразных источников. К сожалению, издатели не смогли избежать ошибок при публикации карт, а именно были произвольно увеличены их размеры (подогнаны под размер страницы), что в итоге исказило реальный масштаб.

Таким образом, в монографии В. Н. Темушева впервые в историографии обстоятельно рассмотрена трансформация восточной границы Великого княжества Литовского на протяжении XIV – первой половины XVI в. При этом реконструкция литовско-московской границы осуществлена на фоне развития отношений двух крупнейших государств Восточной Европы: от первых территориальных контактов и конфликтов до образования устойчивой границы и пограничных войн. Большой интерес представляют выводы автора о причинах поражений Великого княжества Литовского и самом характере московской экспансии. Публикация данной работы является существенным вкладом в развитие отечественной исторической географии.

С. Н. Темушев,

кандидат исторических наук, доцент

Фядосік В. А. Антычнасць вачыма Сярэднявечча. Мінск : БДУ, 2016. 187 с.

Fedosik V. A. Antiquity through the medieval point of view. Minsk : BDU, 2016. 187 p.

Относительно недавно увидела свет монография известного белорусского историка, крупнейшего отечественного специалиста в области античной и средневековой истории доктора исторических наук, профессора заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ В. А. Федосика.

Данная работа представляет собой самостоятельное, оригинальное и концептуальное научное исследование актуальной тематики исторической науки. Монография является результатом многолетнего труда автора в рамках одного из проектов подпрограммы «История, духовная и материальная культура белорусского народа» государственной программы научных исследований «История, культура, общество, государство».

Книга состоит из трех разделов и основана на проведенном ученым скрупулезном анализе широкого поля как античных, так и средневековых письменных источников, а также отечественной и зарубежной историографии по изучаемой теме. Как следует из названия работы, она посвящена крайне актуальной в настоящее время проблематике не

только в мировой, но и отечественной исторической науке – восприятию реалий Античности человеком Средневековья. Автор исходит из положения о том, что средневековые люди воспринимали Античность иначе, чем мы. Писатели эпохи Средневековья понимали и интерпретировали античную историю согласно модели феодального общества и собственной шкале ценностей. Эта мысль автора проходит сквозной нитью через всю монографию. Поэтому цель своего исследования ученый определил как выявление характеристик и особенностей восприятия античной эпохи людьми Средневековья. Для этого, по словам автора монографии, необходимо проникнуть в ментальность средневекового человека.

Актуальность данного труда для отечественной историографии несомненна еще и по той причине, что подобное комплексное исследование осуществлено в белорусской науке впервые. В зарубежной историографии попытки проанализировать восприятие человеком средневекового социума исторических событий Античности предпринимались уже не единожды. Но особенностью монографии В. А. Федосика является то, что автор исследует именно восточнославянский средневековый социум, и это выгодно отличает данное исследование от подобных работ в зарубежной историографии. Источниковой базой для автора монографии послужили как раз восточнославянские

оригинальные произведения и переводы произведений исторического жанра. В связи с этим работа В. А. Федосика может быть интересна не только специалистам-антиковедам и медиевистам, но и исследователям восточнославянского региона – историкам и литературоведам. Более того, целый раздел монографии посвящен рассмотрению исторической литературы периода Великого княжества Литовского (ВКЛ), что делает эту работу актуальной и для специалистов по отечественной истории.

Во введении автор монографии подчеркивает принципиальные отличия античного общества от древневосточного и феодального (понятие гражданства и равенства перед законом и отношения господство – подчинение). Для того чтобы читателю было легче воспринимать весь последующий материал, ученый излагает базовые отличительные характеристики социальных и политических систем античного и средневекового обществ. Автор выделяет такие черты античного социума, как представления людей о свободе, равенстве, коллективизме и патриотизме. Им противопоставляются установки, основанные на модели господство – подчинение в средневековых монархиях, которые дополняются чертами христианского менталитета, присущего людям той эпохи. Автор показывает, какое влияние христианская религия оказывала на мировосприятие средневекового человека. Ученый подчеркивает, что именно специфика античной и средневековой систем ценностей и ментальности людей оказала важнейшее влияние на то, каким образом средневековые авторы воспринимали и излагали сюжеты античной истории. Этим фактором были обусловлены не только искажения и неточности в передаче античной истории средневековыми писателями, но и сам выбор конкретных ее сюжетов. Поскольку мировоззрение средневекового европейца было религиозным, то и в древнерусских исторических источниках отражалась ментальность людей, для которой доминирующими были христианские установки. Это обусловило тот факт, что среди всех сочинений античной истории преимущество отдавалось именно тем, которые были напрямую связаны либо с историей античного христианства, либо с сюжетами истории Рима периода империи, когда эта религия и зародилась. Средневековые писатели обращались и к истории эллинизма, в то время как сюжеты периода древнегреческих полисов и Рима периода республики опускались из-за неясности для средневекового человека понятия «гражданство». Этим В. А. Федосик и объясняет такую значимую особенность древнерусских произведений исторического жанра, как упоминание в них Александра Македонского и ряда римских императоров.

В первом разделе монографии «Античная история и мифология в исторических произведениях Древней Руси» автор уделяет внимание проблемам выявления и анализа основных источников для из-

ложения средневековыми авторами сюжетов античной истории. Таковыми, по мнению В. А. Федосика, являются в первую очередь всемирные хроники византийских авторов Иоанна Малалы и Георгия Амартола. За ними следуют произведения двух еврейских писателей – Иосифа Флавия и Иосифа бен Гориона. Причиной слабого интереса этих авторов к истории Античности периода греческих полисов и Рима периода республики является, как утверждает В. А. Федосик, факт их приверженности концепции «истории царств», разработанной на основе библейской книги пророка Даниила. При этом данный принцип отбора материала был не субъективным, а диктовался мышлением средневекового человека, в котором не было места ценностям и идеалам гражданского общества.

С другой стороны, автор монографии показывает, что не все сюжеты, чуждые средневековому христианскому хронисту, отсекались: некоторые из них находили своеобразную интерпретацию. Таким значительным пластом античных произведений являлись мифологические сюжеты, основательно переосмысленные христианами авторами. В связи с данной проблематикой ученым также отдельно рассматривается вопрос об античном язычестве в контексте христианизации Древней Руси в отражении древнерусских исторических произведений. В данном случае В. А. Федосик показывает, как средневековые авторы переносили имена известных им языческих божеств восточнославянского ареала на божества периода античной истории.

Пристальное внимание в работе уделено особенностям интерпретации античных оригинальных произведений при изложении средневековыми авторами сюжетов истории античного христианства. В основу изучения данной проблематики легли прежде всего исторические труды Иосифа Флавия. Вместе с тем следует отметить, что такой сюжет, как путешествие апостола Андрея по региону, который впоследствии был заселен восточнославянскими племенами, к сожалению, подробно не проанализирован в монографии. Автор ограничился лишь упоминанием об этой легенде.

Отдельно В. А. Федосик рассматривает проблему восприятия средневековыми авторами деталей повседневной жизни античного человека. На примере легенды об основании Рима ученый демонстрирует двойное искажение поздними авторами первоначального смысла античного сюжета. Сначала византийские авторы по-своему интерпретировали указанный сюжет, затем он подвергнулся повторной обработке уже восточнославянским писателем.

Второй раздел монографии В. А. Федосика основан на анализе сюжетов античной истории и мифологии, представленных в хрониках, летописях и исторической литературе периода ВКЛ. Автор подчеркивается сравнительно низкий интерес к Античности в ВКЛ в период позднего Средневековья. В то время как в Западной Европе общество

ощущало большое влияние идей гуманизма и Возрождения, общество ВКЛ оставалось еще консервативно-феодальным. Это обусловило и более слабый интерес именно к античной истории по сравнению с западноевропейской исторической мыслью того времени. Тем не менее автор монографии выделяет и подробно анализирует основные сюжеты исторической литературы периода ВКЛ, которые связаны с античной историей. Это прежде всего легенда о римлянине Палемоне, история походов Александра Македонского, или «Александрия», и цикл троянских легенд «Троя». Дело в том, что в ВКЛ создавались оригинальные переводы ряда античных произведений, посвященных указанным сюжетам. Автор монографии на примере изучения этих исторических памятников демонстрирует, как реалии Античности переплетаются в них с реалиями, характерными для средневекового человека времен ВКЛ. Например, в восточнославянской интерпретации легенды о Палемоне автор выделяет сразу два влияния – византийской и западноевропейской литературных традиций. Эта легенда приводится в целом ряде хроник ВКЛ, чтобы показать происхождение знати этого государства от древнеримского знатного рода. Автором тщательно выявляются истоки этой легенды в средневековых памятниках.

Изучая традицию троянского цикла в литературе ВКЛ, В. А. Федосик обоснованно опровергает устоявшееся в отечественной историографии мнение о том, что троянский сюжет освещается восточнославянскими авторами в ключе гуманизма. Напротив, по мнению исследователя, Троянская война описана с позиции типичной средневековой рыцарской морали, присущей на то время обществу ВКЛ.

Сравнивая традиции переводных произведений «Троя» и «Александрия», В. А. Федосик заключает, что средневековыми авторами факты истории во втором случае искажены еще больше, чем в первом. Некоторые фантастические элементы сюжета добавляли именно средневековые писатели. В обоих случаях это было сделано в целях адаптации реалий античной истории к ментальности средневекового читателя. Из этого, по заключению В. А. Федосика, следует, что средневековая «Александрия» является не источником по античной истории, а материалом для изучения ментальности белорусов Средневековья.

Отдельно автор монографии рассматривает проблему источников небольшого компилятивного труда по античной истории «Римский летописец», созданного в Средневековье и переведенного на старобелорусский язык. В этой работе также находят своеобразную интерпретацию античные реалии и мифология.

Что же касается белорусско-литовского летописания, то здесь сюжеты античной истории восточнославянскими авторами использовались крайне неохотно. Преобладала отсылка к наиболее извест-

ным политическим деятелям Античности (преимущественно воинственным) для сравнения их с современными средневековому читателю личностями. В данном случае такие примеры исполняли прежде всего морализаторскую функцию.

В заключительной, третьей, части монографии автор обращается к такому источнику, как «Русский хронограф» (1512). Исследователь обстоятельно и детально анализирует сюжеты в этом труде, касающиеся древнегреческой истории, периода эллинизма, а также древнеримской истории. При этом древнегреческая история подана в источнике исключительно скупо и фрагментарно, а история древнегреческих полисов и вовсе отсутствует как непонятная для людей феодального общества Руси XVI в. Более подробные сведения приводятся по истории эллинизма. Авторы «Русского хронографа», в отличие от византийских историков, уделяли внимание не только государству Селевкидов, но и птолемеевскому Египту. Автор монографии усматривает в этом свидетельство того, что восточноевропейские авторы больше, чем византийские, ориентировались на библейскую историю. Также в этой части «Русского хронографа» приводится совсем фантастическое, по замечанию В. А. Федосика, обоснование концепции того, что Константинополь – это Второй Рим. Период древнеримской истории находит еще более полное отражение в «Русском хронографе». Это обусловлено во многом связью периода императорского Рима с временем зарождения христианства. Античной истории церкви уделяется в источнике много внимания. При этом республиканский период истории Древнего Рима авторами «Русского хронографа» полностью проигнорирован по обозначенной ранее причине: менталитету читателя того времени понятие гражданского общества было чуждо. Зато, как уже отмечалось, период империи нашел довольно полное отражение в источнике. В целом, как правильно заключает автор монографии, сочинитель «Русского хронографа» руководствовался концепцией четырех царств Даниила. Это обстоятельство во многом и определило критерии отбора материала для создания произведения. Автор монографии приходит к заключению о том, что в нем был создан фундамент для разработки в дальнейшем известной концепции «Москва – Третий Рим».

Несомненно, исследование В. А. Федосика значительно обогатило отечественную историографию знаниями об особенностях менталитета средневекового человека и раскрыло малоисследованную до сей поры проблематику восприятия античных реалий человеком Средневековья. Надеемся, что данная монография послужит стимулом для отечественных авторов к дальнейшей разработке столь интересной и важной проблематики.

А. А. Торканевский,
кандидат исторических наук

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

SCIENTIFIC EVENTS

ЗАСЕДАНИЕ КРУГЛОГО СТОЛА «ПИЧЕТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БГУ (9 ноября 2016 г.)

MEETINGS OF THE ROUND TABLE «READINGS OF THE NAME OF PICHETA» AT THE FACULTY OF HISTORY OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY (9 November, 2016)

Заседание научного круглого стола в рамках традиционных Пичетовских чтений, посвященных годовщине со дня рождения выдающегося ученого первого ректора БГУ Владимира Ивановича Пичеты, состоялось 9 ноября 2016 г. Мероприятие было организовано кафедрой истории России исторического факультета БГУ. Заявленная тема круглого стола – «Пути становления и развития государственности в Восточной Европе в период Средневековья и раннего Нового времени» – давала возможность предложить широкий круг тем для обсуждения: от истоков восточнославянской государственности до проблем генезиса государственности в Восточной Европе в историографии Новейшего времени.

В заседании круглого стола приняли участие ученые Института истории Национальной академии наук Беларуси, сотрудники исторического факультета БГУ и исторического факультета БГПУ имени Максима Танка, аспиранты, магистранты и студенты исторического факультета БГУ. Открыл заседание круглого стола декан исторического факультета доктор исторических наук, профессор Александр Геннадьевич Кохановский, обративший внимание на важность изучения генезиса государственности на белорусских землях в раннем и высоком Средневековье.

В своем выступлении профессор Ольга Николаевна Левко рассказала о новейших открытиях белорусских археологов, которые могут существенно

изменить традиционные представления о генезисе государственности на белорусских землях в раннем Средневековье. В презентации О. Н. Левко были наглядно представлены богатейшие находки на городище Кордон (Витебская область), демонстрирующие явное присутствие скандинавского влияния на белорусских землях и заставляющие по-новому взглянуть на роль Верхнего Поднепровья в генезисе государственности в восточнославянском регионе.

Оценка роли сотрудников кафедр истории СССР и истории России исторического факультета БГУ в осмыслении проблем средневековой истории была дана в сообщении профессора Олега Антоновича Яновского. Доцент кафедры вспомогательных исторических дисциплин и методики преподавания истории БГПУ имени Максима Танка Инна Леонидовна Калечиц рассказала о надписях на стенах Спасо-Преображенской церкви в г. Полоцке и роли эпиграфики в реконструкции средневековой истории Беларуси в целом. Доцент кафедры источниковедения БГУ Андрей Николаевич Латушкин сообщил об особенностях формирования и хранения государственного архива Великого княжества Литовского, в том числе о собственных находках ряда документов, находящихся также и в частных коллекциях. Доцент кафедры истории России БГУ Светлана Леонидовна Луговцова в своем сообщении отметила проблемы, которые возникают при изучении и преподавании истории раннего Средневе-

ковья, остановившись на вопросе обнаружения той грани, которая отделяет догосударственный период от государственного. Доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков БГУ Андрей Владимирович Любый в своем выступлении обозначил основные подходы к пониманию дефиниции «ягеллонская нация». Доцент кафедры истории России БГУ Сергей Борисович Жарко выступил с сообщением об источниках, свидетельствующих о ранних славяно-венгерских связях.

В докладе доцента кафедры истории России БГУ Степана Николаевича Темушева была обозначена роль налогово-даннической системы в генезисе и развитии государственности восточных славян. Налоги, как все многообразие внутренних сборов с населения, и дани, рассматриваемые как внешние сборы (контрибуция), трактовались как важнейший и обязательный элемент становления государственной организации. Было предложено исследовать всю дальнейшую эволюцию государственности сквозь призму трансформации фискальной системы. Так, в основе политического раздробления Древнерусского государства было обнаружено кардинальное изменение налогово-даннической системы, когда нарушились фискальные связи центра с периферией.

Преподаватель учреждения образования «Минский государственный профессиональный лицей № 14» Юлия Владимировна Ситкевич коротко систематизировала источники по истории дипломатии раннего Российского государства. С интересными сообщениями выступили аспиранты, магистрант и студенты исторического факультета БГУ П. Д. Скурко, Ф. Д. Подберезкин, А. А. Самойлов, Я. В. Левицкий, Ю. А. Демьянович, затронувшие раз-

личные аспекты развития государственности и политических институтов восточнославянского Средневековья и раннего Нового времени. Дистанционно свой доклад на круглый стол представил научный сотрудник отдела нумизматики Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия), аспирант кафедры истории России БГУ В. С. Кулешов.

В заключение круглого стола все желающие смогли принять участие в дискуссии. Неподдельный интерес вызвал доклад заведующего Центром археологии и древней истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси профессора О. Н. Левко, которой было задано наибольшее количество вопросов. По некоторым проблемам начала восточнославянской государственности состоялась живая дискуссия, в которой получили возможность высказать свое мнение ученые, преподаватели и студенты. В полном соответствии с тематикой круглого стола в выступлениях участников неоднократно звучало имя Владимира Ивановича Пичеты, отмечалась его роль в изучении государственности и политических институтов на белорусских землях в период Средневековья и Нового времени. Все участники дискуссии отметили плодотворность подобных встреч.

По итогам состоявшегося научного круглого стола «Пичетовские чтения» предполагается издание электронного сборника докладов и сообщений его участников.

С. Н. Темушев,
кандидат исторических наук, доцент

С. Л. Луговцова,
кандидат исторических наук, доцент

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

OUR JUBILEE

Пётр Іосіфавіч
ЗЯЛІНСКІ

Pjotr Iosifavich
ZJALINSKI

Прафесару кафедры гісторыі Беларусі новага і на-
вейшага часу гістарычнага факультэта БДУ, док-
тару гістарычных навук, прафесару Пятру Іосіфаві-
чу Зялінскаму 31 снежня 2016 г. споўнілася 85 гадоў.

Нарадзіўся П. І. Зялінскі ў в. Заканалле Люб-
лінскага ваяводства (Польская Рэспубліка) у сялян-
скай сям’і. Гісторыя гэтага рэгіёна адлюстравалася
ў лёсе Пятра Іосіфавіча: далучэнне да БССР, выпра-
баванні Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай вой-
наў, першыя сацыялістычныя пераўтварэнні і цяж-
кія гады пасляваеннага аднаўлення. У 1950 г., пас-
ля заканчэння Астрэмчаўскай сярэдняй школы
Брэсцкага раёна, Пётр Іосіфавіч паступіў на гіста-
рычнае аддзяленне Брэсцкага настаўніцкага інсты-
тута, пасля заканчэння якога ў 1952 г. працаваў
у Залескай сямігадовай школе.

Неўзабаве, у снежні 1952 г., быў прызваны ў шэ-
рагі Савецкай арміі. Спачатку службу праходзіў
у Жыткавічах у 47-й артылерыйскай брыгадзе, дзе
рыхтавалі афіцэраў запasu. На пачатку ліпеня 1954 г.

яго батарэю разам з тэхнікай накіравалі на Тоцкі
вучэбна-артылерыйскі палігон у Чырванасцяжную
Прыволжска-Уральскую ваенную акругу для ўдзелу
ў вопытна-паказальных вучэннях з прымяненнем
атамнай зброі, запланаваных на 14 верасня 1954 г.
У момант выбуху атамнай бомбы Пётр Іосіфавіч
знаходзіўся ў бліндажы назіральнага пункта, які
размяшчаўся прыкладна за 2 км ад эпіцэнтра.

Вярнуўшыся на Радзіму, у 1954–1963 гг. П. І. Зя-
лінскі працаваў дырэктарам Залескай сямігадовай
школы, Баршчэўскай і Высокаўскай сярэдніх школ
Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці. У 1958 г. скон-
чыў гістарычны факультэт Гомельскага дзяржаўнага
педагагічнага інстытута. Навучаўся ў аспірантуры
БДУ ў 1965–1968 гг., а ў 1969 г. абараніў кандыдац-
кую дысертацию на тэму «Роля друку Камуністыч-
най партыі Заходняй Беларусі ў мабілізацыі пра-
цоўных мас на барацьбу за сацыяльнае і нацыя-
нальнае вызваленне ў гады сусветнага эканаміч-
нага крызісу капіталізму (1929–1933 гг.)». Затым

Пётр Іосіфавіч працаваў выкладчыкам, старшым выкладчыкам кафедры гісторыі КПСС прыродазнаўчых факультэтаў БДУ.

У 1970 г. П. І. Зялінскага запрасілі на працу ў якасці інспектара аддзела выкладання грамадскіх навук у Міністэрства вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі БССР. На гэтай пасадзе Пётр Іосіфавіч знаходзіўся да 1973 г. Вярнуўшыся ў БДУ, працаваў старшым выкладчыкам, дацэнтам, а з 1989 г. – загадчыкам кафедры гісторыі КПСС прыродазнаўчых факультэтаў, якая з 1990 г. называлася кафедрай палітычнай гісторыі. Паралельна П. І. Зялінскі займаўся навуковай працай, вынікам чаго стала паспяховая абарона ў 1989 г. доктарскай дысертацыі на тэму «Палітычная работа Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі ў масах (1923–1938 гг.)». У 1991 г. П. І. Зялінскі атрымаў вучонае званне прафесара. З 1993 г. ён працаваў прафесарам кафедры гісторыі Беларусі, а з 1994 г. і па сённяшні дзень з’яўляецца прафесарам кафедры гісторыі Беларусі новага і навішага часу гістарычнага факультэта БДУ.

Навуковыя інтарэсы П. І. Зялінскага шырокія: гісторыя Заходняй Беларусі (сацыяльна-эканамічнае і палітычнае становішча, дзейнасць КПЗБ, іншых палітычных партый і арганізацый, іх друк), навішая гісторыя Беларусі, удзел беларусаў у стварэнні ядзернай зброі і яе выпрабаваннях. Юбіляр з’яўляецца аўтарам манаграфій «Друк КПЗБ у барацьбе за свабоду» (1994, у суаўтарстве), «Палітычная работа КПЗБ у масах: 1923–1938 гг.» (1986); шматлікіх падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў для студэнтаў і навучэнцаў сярэдніх школ Рэспублікі Беларусь. Усяго мае звыш 60 навуковых публікацый.

Прафесар П. І. Зялінскі быў членам спецыялізаванага савета па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый пры БДУ, пад яго кіраўніцтвам 12 аспірантаў абаранілі кандыдацкія дысертацыі.

Пятром Іосіфавічам шмат зроблена для захавання памяці аб вэтэранах падраздзяленняў асаблівай рызыкі. Па яго ініцыятыве быў праведзены шэраг навуковых канферэнцый, прысвечаных гадавінам вучэнняў на Тоцкім вучэбна-артылерыйскім палігоне. Кожная з гэтых канферэнцый стала незабыў-

най сустрэчай вэтэранаў з людзьмі маладога пакалення, якія адкрылі для сябе невядомую старонку мінулага нашай краіны. Жудасныя выпрабаванні і далейшы лёс саслужыўцаў былі расказаны на старонках кніг, якія выйшлі пры непасрэдным удзеле юбіляра: «Атомные солдаты Беларуси: воспоминания» (2003), «Атомные солдаты: книга памяти ветеранов подразделений особого риска Минской области» (2012), «Книга памяти ветеранов подразделений особого риска города Минска» (2008).

За значныя дасягненні ў навуковай педагогічнай і грамадскай дзейнасці Пётр Іосіфавіч узнагароджаны медалём «Ветэран працы», Ганаровай граматай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь, граматамі і ганаровымі граматамі міністэрстваў і ведамстваў, грамадскіх арганізацый і ўстаноў Рэспублікі Беларусь. У 2011 г. навуковец удастоены ганаровага звання «Заслужаны работнік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».

Пётр Іосіфавіч, нягледзячы на ўсе свае рэгаліі і званні, вельмі сціплы і просты ў зносінах чалавек. Валодаючы вопытам і жыццёвай мудрасцю, ён уважлівы да дробных, аднак вельмі важных дэталей у чалавечых узаемадачынненнях і навуковай працы, знаходзіць час для сваіх вучняў, дапамагае ім арганізаваць дысертацыйнае даследаванне.

За чалавечыя якасці і дабрыню П. І. Зялінскага паважаюць яго вучні, студэнты, аспіранты, выкладчыкі і супрацоўнікі гістарычнага факультэта БДУ, іншых навучальных і навуковых устаноў.

Ад усёй душы сардэчна віншuem Пятра Іосіфавіча са значным юбілеем, жадаем моцнага здароўя, радасці жыцця і новых творчых здзяйсненняў у навуковай і выкладчыцкай дзейнасці.

А. І. Пашковіч,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
загадчык кафедры ўсеагульнай гісторыі
гістарычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

А. Я. Верамейчык,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт
кафедры гісторыі Беларусі новага і навішага часу
гістарычнага факультэта БДУ

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPER DEPOSITED AT BSU

УДК 39(06)+008(06)

Этнос и культура: развитие и взаимодействие темы [Электронный ресурс] : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 9–10 июня 2016 г.) / редкол.: Т. А. Новгородский [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2016. 243 с. : ил. Библиогр. в конце отд. ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/162062>. Загл. с экрана. Деп. 30.11.2016, № 008530112016.

В сборник вошли доклады, представленные на Международной научно-практической конференции «Этнос и культура: развитие и взаимодействие», которая проходила 9–10 июня 2016 г. в Белорусском государственном университете (Минск, Беларусь). Адресуется ученым, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто интересуется вопросами развития этнологии, музейного дела, искусствоведения и туристической индустрии.

СОДЕРЖАНИЕ

Кохановский А. Г. От редакции	8
-------------------------------------	---

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

Корсак О. В. Издательская деятельность статистических комитетов белорусских губерний (1830-е – начало 1900-х гг.)	9
Забайўскі М. М., Цумарава А. П. Шляхі інтэнсіфікацыі сельскагаспадарчай вытворчасці ў Беларусі на мяжы XIX–XX стст. (па матэрыялах перыядычнага друку)	17
Лавринович Д. С. Либеральные политические партии и организации на территории Беларуси в 1905 – феврале 1917 г.: структура и численность	25
Яновская В. В., Яновский О. А. Написание учебника истории Беларуси в условиях «борьбы на идеологическом фронте» (1930–40-е гг.)	32
Жылінскі П. А. Распад рублёвай зоны і станаўленне ў Беларусі ўласнай грашовай сістэмы (1991–1994).....	41

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Шахзад Т. В. К вопросу о применении арабского письма для передачи индийских слов и терминов (по материалам произведений аль-Бируни «Индия» и «Патанджала»)	48
Охрименко А. С. Врачебная профессия в городах Англии XI–XIII вв.	53
Немкович Е. Г., Курило А. Е. Белорусы в Карелии и их вклад в развитие территории (1914–2016)	61
Андреева В. А. Изучение советской художественной культуры в системе западногерманской советологии (1945–1990).....	72
Шемета Ю. М. Международные связи Киевского национального университета имени Тараса Шевченко в 1991–2001 гг.: Беларусь, Литва, Польша	77

ИСТОРИОГРАФИЯ

Стахно Н. В. Адлюстраванне смерці і замагільнага жыцця ў эпохі Сярэднявечча і Новага часу ў замежнай і беларускай гістарыяграфіі	83
Jarnecki M. The image of the Czech, the Slovak, Czechoslovakia and Slovakia since 1919 in Polish historiography, in handbooks and school curricula [Ярнецкий М. Изображение чехов, словаков, Чехословакии и Словакии в польской историографии, школьных программах и учебниках после 1919 г.].....	89
Паддубская А. Ф. Італьянская гістарыяграфія Рымска-каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці Італіі (1943–1962)	97

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Мікалаева Л. В. Асаблівасці трактата Міхалона Літвіна «Пра норавы татар, літвінаў і маскавітаў» як крыніцы па гісторыі знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV – сярэдзіне XVI ст.....	104
--	-----

АРХЕОЛОГИЯ

Курловіч-Бяляўская П. С. Праблема тыпалогіі шкляных вырабаў Новага часу (па матэрыялах археалагічных даследаванняў на тэрыторыі паўночнай і цэнтральнай Беларусі).....	109
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Стрелец М. В. Иоффе Э. Г. Лаврентий Цанава. Его называли «белорусский Берия»	120
Любы А. У. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.	122
Темушев С. Н. Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV – первая половина XVI в.	123
Торканевский А. А. Фядосік В. А. Антычнасць вачыма Сярэднявечча	126

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Темушев С. Н., Луговцова С. Л. Заседание круглого стола «Пичетовские чтения» на историческом факультете БГУ (9 ноября 2016 г.).....	129
---	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Пётр Іосіфавіч Зялінскі	131
Аннотации депонированных в БГУ работ	133

CONTENTS

<i>Kohanovsky A. G.</i> Editorial	8
BELARUSIAN HISTORY	
<i>Korsak V. V.</i> Publishing activity of the statistical committees of the Belarusian provinces (the 1830s – the beginning of the 1900s)	9
<i>Zabauski M. M., Tsumarava A. P.</i> The ways of intensification of agricultural production in Belarus in the late XIX and early XX centuries (according to the materials of periodical press)	17
<i>Lavrinovich D. S.</i> Liberal political parties and organizations in the territory of Belarus in 1905 – February 1917: structure and number	25
<i>Yanouskaja V. V., Yanouski A. A.</i> Writing textbook of Belarusian history in conditions of «struggle on the ideological front» (1930–40s)	32
<i>Zhylynski P. A.</i> Breakdown of the ruble zone and formation of the independent monetary system in Belarus (1991–1994)	41
WORLD HISTORY	
<i>Shahzad T. V.</i> To the question of adaptation of the Arabic script for transliteration of Indian words and concepts (based on the works of al-Biruni «India» and «Kitab Batanjali»)	48
<i>Okhrimenko O. S.</i> Medical profession in urban centers of England during the XI–XIII centuries	53
<i>Nemkovich E. G., Kurilo A. E.</i> Belarusians in Karelia and their contribution to development of the territory (1914–2016)	61
<i>Andreyeva V. A.</i> Study of the Soviet artistic culture in the system of the West German sovietology (1945–1990)	72
<i>Shemeta I. M.</i> International relations of Taras Shevchenko National University of Kyiv in 1991–2001: Belarus, Lithuania, Poland	77
HISTORIOGRAPHY	
<i>Stakhno N. V.</i> Displaying of death and afterlife in the Middle Ages and the Modern Ages in foreign and Belarusian historiography	83
<i>Jarnecki M.</i> The image of the Czech, the Slovak, Czechoslovakia and Slovakia since 1919 in Polish historiography, in handbooks and school curricula	89
<i>Paddubskaya A. F.</i> Italian historiography of the Catholic Church in social and political life of Italy (1943–1962)	97
SOURCE STUDIES	
<i>Mikalayeva L. V.</i> Features of the treatise Michalon Lytvyn «About morals of Tatars, Lithuanians and Muscovites» as a source for the history of the foreign policy of the Grand Duchy of Lithuania in the end XV – the middle of the XVI century	104
ARCHAEOLOGY	
<i>Kurlovich-Bialiauska P. S.</i> The problem of glassware typology in Modern times (based on archaeological research in the territory of North and Central Belarus)	109
REVIEW AND BIBLIOGRAPHY	
<i>Streletz M. V.</i> Yoffe E. G. Lawrence Tsanava: He was called «Belarusian Beria»	120
<i>Liuby A. U.</i> Polotsk Charters XIII – beginning XVI century	122
<i>Temushev S. N., Temushev V. N.</i> On the Eastern border of the Grand Duchy of Lithuania. The middle of XIV – first half of XVI century	123
<i>Torkanovskiy A. A., Fedosik V. A.</i> Antiquity through the medieval point of view	126
SCIENTIFIC EVENTS	
<i>Temushev S. N., Lugovtsova S. L.</i> Meetings of the round table «Readings of the name of Picheta» at the faculty of history of the Belarusian State University (9 November, 2016)	129
OUR JUBILEE	
Piotr Iosifavich Zjalinski	131
Indicative abstracts of the paper deposited at BSU	133

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 1. 2017**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, Минск.

Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, Минск.

Тел. 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редактор *С. Е. Богуш*
Технический редактор *Ю. А. Тарайковская*
Корректоры *Л. А. Меркуль, А. О. Цвирко*

Подписано в печать 04.04.2017.
Тираж 100 экз. Заказ 139.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

© БГУ, 2017

**Journal
of the Belarusian State University. Historical Sciences.
No. 1. 2017**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: Nezavisimosti ave., 4, 220030, Minsk.

Correspondence address: Kal'variiskaya str., 9, office 636, 637,
220004, Minsk.

Tel. 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Historical Sciences»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryya 3, Gistoryya. Ekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editor *S. E. Bohush*
Technical editor *Y. A. Taraikouskaya*
Proofreaders *L. A. Merkul', A. O. Tsvirko*

Signed print 04.04.2017.
Edition 100 copies. Order number 139.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
Krasnoarmeiskaya str., 6, 220030, Minsk.

© BSU, 2017